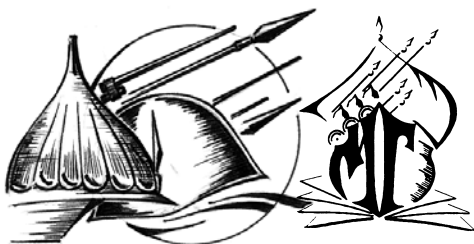

Россия, Русь! Храни себя, храни!

4
2012

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай СЕВРЮКОВ. Модернизация узурпации власти ...	3
Владимир СМЫК. Антиисторизм как либеральная практика	15
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Продолжение	91
Людмила ФИОНОВА, Анатолий САМАРИН. Кровавый закат финансового фашизма	149
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Беззаконие закона	194
Сергей РЫБАКОВ. Сумерки либерального догматизма ...	199

ПОЭЗИЯ

Валерий ХАТЮШИН. На грани. Стихи	21
Александр НЕСТРУГИН. Незамутнённые воды. Стихи	26
Эдуард БАЛАШОВ. На краю земли. Стихи	142
Валерий ЧЕРКЕСОВ. Среди буйства черёмух. Стихи	146

ПРОЗА

Юрий ПАХОМОВ. Круиз. Повесть	28
Владимир ПЕТРОВ. Дух воина. Рассказ-воспоминание	159

Вячеслав ДЁГТЕВ. Рассказы	171
---------------------------------	-----

РУССКИЙ ВОПРОС

Петр КРАСНОВ. Глобальность русского вопроса	214
Анатолий САМАРИН. Кто мешает возвращению русских в Россию	218
Сергей СЕРГЕЕВ. Чего хотят русские?	222

ДОСЬЕ «МГ»

Терри МЕЙСАН. О войне в Ливии глазами очевидца	227
--	-----

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Произведения участников Первого Международного совещания молодых писателей в Переделкино	233
---	-----

СИМВОЛ ВЕРЫ

Николай ГОЛОВКИН. Выстоим!	253
----------------------------------	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Иеромонах ИОСИФ. Быть патриотом	264
Тамара ГОЛОВКИНА. «Гулаг» для детей	271

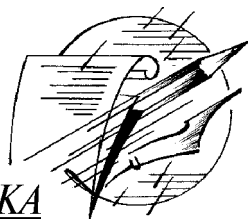
ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского	279
---	-----

МОДЕРНИЗАЦИЯ УЗУРПАЦИИ ВЛАСТИ

Все гениальное — просто. После того, как Дмитрий Медведев обнародовал один из довольно простеньких способов узурпации власти в стране, позволяющий всем сатрапам мира править пожизненно, — «мубараки» всех мастей нервно закурили. Но их можно понять. Восток — дело тонкое.

На коварном Востоке почти невозможно найти надежного кореша, который согласится по-честному отвалить Ваньку только один президентский срок. После чего отдаст кормило назад, а не кинет нащлидера, как последнего лоха, в первые же годы своего временного правления. Подобные восточные трюки противоречат «законам политического жанра именно нашей страны», о котором Медведев говорил одновременно по трем телеканалам. Это в Украине политические жанры — сплошь мордобойство. Потому там президенты с премьерами и депутатами по-взрослому бьются за любовь избирателей. Прямо как в классических демократиях, где единственным источником власти является народ. По нашим же суверенно-демократическим обычаям, заложенным дважды самопровозглашен-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ным президентом Ельциным, единственным источником президентской власти является сам президент. Потому нет ничего удивительного в том, что его преемник Владимир Путин стал единственным источником президентской власти уже для своего покладистого преемника. И одновременно для себя самого — на период правления с 2012 по 2024 г. Преемственность — она и в Африке преемственность.

Хотя не только «несогласные», но и шибко умные с этим не согласны. Я имею в виду наших интеллектуалов, которые прошлым летом призывали *«оказать общественную поддержку действующему президенту Д.А. Медведеву в его желании идти на второй срок»*. В своем коллективном обращении интеллектуалы пытались переубедить скептиков, считающих, что «от нас ничего не зависит». И очень доходчиво описывали, как с помощью политтехнологий нас привели именно к тому, что от нас ничего не зависит, что выберут без нас. «Да и выбора-то нет. Какая разница...»

Но, оказывается, все не так безнадежно. «Выбор есть. И разница тоже есть». Дескать, Ельцин, Путин, Медведев не одной крови, не одних политических взглядов. Якобы они разные. Оставалось только не допустить «самоизбрание В.В. Путина».

На этот счет в обращении говорилось: «Если коллективный Путин получит власть еще на 6 или 12 лет — Россия обречена на статус периферийной сырьевой деспотии, где для сохранения себя во власти номенклатура не стесняется использовать репрессии... Уход Д.А. Медведева отменит и повернет вспять многие его долгосрочные инициативы. Нельзя допустить такого поворота. Необходимо помочь ему двигаться в намеченном направлении, иначе будет слишком по-русски: что имеем, не храним, потерявши — плачем».

Признаться, когда я прочел этот текст, под которым стояли подписи широко известных людей, то понял, что они совсем не знают Медведева. Поэтому невольно зауважал себя и миллионы других обывателей, которые давным-давно понимали, чем закончится его президентство. По крайней мере, еще в 2008 году в статье «Кадровый голодомор» я писал о том, зачем Путин в бытность президентом заполучил в свои руки контрольный пакет голосов единороссов и застолбил за собой премьерское кресло. Цитирую: «С помощью простейшей «рокировочки» главой государства де-юре становился Медведев, де-факто остался Путин. Поэтому лучше уже сейчас внести в нашу конституцию поправки, чтобы узаконить вахтовый метод президентского правления. Тогда отпадет необходимость морочить выборами электорат. Вахтовый метод правления по-

---

зволит Путину-Медведеву по переменке президентствовать пожизненно. А в случае чего и Сергея Иванова можно будет сделать подменным президентом. По признанию того же Медведева, главное его отличие от Иванова заключается в том, что одного «зовут Дима, а другого — Сергей». Но, если разобраться, то и Путин от них отличается только именем». И далее: «В современной России любой актёршишка, может хоть завтра приступить к обязанностям президента... Ведь для нынешних начальников страны главное — натурально раздуть щеки и правдоподобно говорить о том, чего нет на самом деле. На мой взгляд, на роль президента России идеально бы подошел актер Владимир Машков. Он обладатель многочисленных премий за лучшую мужскую роль. Зрители хорошо его запомнили по фильму «Вор». К тому же помимо вора он уже играл «олигарха» и Пугачева. Так что войти в образ президента России Машкову не составит труда...»

Через три года узнаю, что пересменка в тандеме произойдет так, как было описано в моей статье. И даже актер Машков вдруг объявился на съезде единороссов. По его словам, у него обнаружилась с ними общая цель. Цель святая — отдать долги и «сделать так, чтобы наши дети и внуки были счастливы».

Трудно сказать, почему интеллектуальная элита не смогла расшифровать Медведева? Как за столько лет можно было не увидеть, что Путин — это непьющий Ельцин. А Медведев — это Путин, работающий под псевдонимом Медведев. Иначе бы они не писали в своем обращении так сентиментально: потерявши — плачем. О чем плакать и сморкаться? Где реальные дела национальной значимости, которые Медведев воплотил в жизнь за первый срок своего правления? Например, мне ничем серьезным не запомнилось его правление, кроме продления президентских полномочий Путину с 4 до 6 лет, перевода стрелок часов в отдельных регионах и переименования милиции в полицию. Разумеется, если не считать его бессчетные поездки по стране с фотоаппаратом и айфоном. Но так называемые «рабочие поездки» президента и премьера по стране с регулярными залетами в Сочи, даже если очень захотеть, невозможно отнести к государственной деятельности во благо всех. В массе своей — это агитационно-предвыборные экскурсии в чистом виде, связанные с подготовкой населения к третьему вхождению Путина в одну и ту же президентскую реку, чем дуумвират, по сути, денно и ночью занимается с того момента, как началась подготовка к реализации первых нацпроектов, выводящих преемника Путина в президенты.

Что еще, помимо утомления страны «рабочими» поездками, можно поставить в заслугу Медведеву как главе государства? Ну разве что открытие памятника Ельцину, обвиняемому при жизни в преступлениях, не имеющих срока давности. Еще — увековечивание имени Гайдара, чьи дилетантские реформы уничтожили экономический потенциал страны и запустили механизм вымирания нации. Еще — награждение одного из виновников аварии на Саяно-Шушенской ГЭС, Анатолия Чубайса, орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Пожалуй, все. Проверку батарей отопления в квартирах Звенигорода и Нарьян-Мара я не беру в расчет. Не президентское это дело — подобно киношному Афоне ходить по квартирам и проверять отопление.

Что касается модернизации, демократизации, инноваций, борьбы с коррупцией, правовым нигилизмом, замены лампочек, полетов на другие планеты — это тошнотворные будни. Полный отстой. Потому непонятно, за какие заслуги интеллектуалы призывали обществу поддержать Медведева в его желании вторично избираться?

Обсуждать реформаторские успехи правящего режима нет смысла, как нет смысла обсуждать реформирование дырок от бубликов. Я только навскидку перечислю некоторые реформы, проваленные в последние годы с диким свистом: налоговая, пенсионная, административная, судебная; реформы армии, МВД, ЖКХ, образования, медицины, избирательной системы...

Помимо проваленных реформ, ни одна Федеральная Целевая Программа не выполнена в полном объеме. В той или иной степени все они тоже провалены. То же относится к подзабытым нацпроектам. То же относится к госпрограммам, проваленным детищами Путина, — госкорпорациям. Кроме эффективного расходования бюджетных средств в корыстных целях, ничем другим госкорпорации себя не рекомендовали. Что касается невыполненных обещаний Путина, то их столько, что ими можно вымостить дорогу известно куда.

Тем не менее Медведев полагает, что истекшие годы доказали им и большинству наших граждан «правильность их стратегии и эффективность сложившейся модели управления».

Складывается впечатление, что Медведев никогда не слышал даже про обещанное удвоение ВВП к 2010 году. Хотя уже каждая собака знает, что вместо обещанного удвоения наш реальный ВВП за последнее десятилетие вырос всего лишь на 159%! В то время как в Азербайджане он вырос (в процен-

---

тах) на 403, в Казахстане на 221, в Таджикистане на 218, в Армении на 215, в Беларуси на 203, в Узбекистане на 195, в Молдове на 165, в Украине на 152, в Кыргызстане на 148.

Как видим, сложившаяся модель управления не просто никуда не годится, а вообще никуда не годится. Поэтому даже в СНГ по темпам роста экономики нас опережали все, кому не лень. За исключением Украины и Киргизии. Хотя у этих стран нет таких природных ресурсов, распродажа которых **обрекла Россию занять третье место снизу по темпам роста в СНГ и последнее — в БРИК.**

Но вместо персональной ответственности за чудовищные результаты социально-экономического развития в тучные годы нефтедолларового изобилия, правящий тандем продолжает заниматься самовосхвалением. Не забывая при этом обвинять в наших бедах то советскую власть, то лихие 90-е, то другие страны.

— Не у нас был корень проблем, — повторил Путин на съезде свою обветшалую версию о причинах нашего кризиса. — Однако именно по России кризис ударил весьма ощутимо: спад был глубже, чем во многих странах.

На самом деле, в большинстве стран мира не было кризиса. В том же Китае, Индии и Бразилии продолжался бурный рост экономики. И даже в СНГ экономический спад наблюдался только в Армении, Молдове, России и Украине. Получается, по таким нефтегазовым странам, как Азербайджан, Казахстан и Туркмения, кризис совсем не ударил. А по России почему-то «ударил весьма ощутимо». Да так ощутимо, что среди 106 стран, в которых было зафиксировано падение ВВП в 2009 году, по глубине экономического спада мы очутились в первой десятке — на позорном 9-м месте. Это прямой результат «ручного» правления страной.

Памятниками «ручного» правления тучных лет останутся в нашей истории дорожные объекты, возводимые на острове Русском. На нем проживает около 5 тыс. человек. Но почему-то именно на этом малолюдном острове, по волюнтаристскому хотению и повелению, решено было устроить саммит АТЭС «по-русски». Для этого понадобилось отгрохать самую дорогую «потемкинскую деревню» на земле. Возможно, в этом кроется какой-то тайный смысл. Может, таким оригинальным способом Путин решил ошеломить участников саммита в 2012 году? Дескать, пусть думают заморские гости, что наше развитие на материке зашло так далеко, что мы уже взялись за развитие оставшихся клочков суши в море.

Аналогичный саммит в столице Чили затянулся на три дня. В австралийском Сиднее уложились в два дня. И в перуанс-

---

кой столице саммит закрутился за двое суток. Участники прошлогоднего саммита АТЭС, состоявшегося в Японии, тоже покинули Йокохаму через два дня. Потому вряд ли лидеры стран, которые примут участие в саммите-2012, согласятся больше трех дней обитать на острове Русском. Но зато после их отъезда на нем останутся многочисленные объекты, вероятность окупаемости которых не превышает вероятности столкновения Земли с Солнцем. Останется и уникальный мост, соединяющий остров с материком, по которому изредка будут ездить машины. То есть в страдающей от бездорожья России, помимо танцующего моста через Волгу, скоро появится самый бесполезный в мире мост через пролив Босфор Восточный — с самым низким движением в мире. Ведь кроме жителей острова, редких туристов и студентов некому будет по нему перемещаться. Никакой промышленности на этом крошечном острове никогда не было и быть не может. Поэтому рассуждать о каких-то грузовых или пассажирских потоках, которые хлынут по вантовому мосту на остров Русский, — просто смешно.

Схожие памятники «ручного» правления появятся и в сочинских субтропиках, где пройдут зимние Олимпийские игры. Сами организаторы игр признают, что треть спортивных объектов после проведения Игр будет демонтирована. Потому что они нужны сочинцам, как бедуинам лыжи. Но деньги на их строительство, демонтаж, перевозку, монтаж на новом месте будут потрачены в неисчислимом количестве.

Про строительство экспортных трубопроводов в режиме «ручного» правления можно говорить до бесконечности. Но про их наполняемость, окупаемость и геостратегическую выгоду могут говорить только сами проектировщики, рисующие на коленке трубопроводные маршруты. Только они могут знать, что мы будем по ним прокачивать через 10—15 лет и за счет каких месторождений будем поддерживать постоянное давление в трубопроводах?

Даже неспециалистам должно быть известно, что Россия не является местом сосредоточения максимальных запасов углеводородов. Ну а автору этих строк об этом известно с детства. Дело в том, что я родился в семье «потомственных» нефтяников. И с пеленок засыпал под «баррели-растабаррели» да рев дизелей буровых установок. И мне самому посчастливилось принимать участие в поисках нефтегазовых месторождений на Крайнем Севере. Поэтому мне кажется, что мои скромные познания в нефтегазовой сфере все-таки фундаментальнее, чем у нефтяников «в погонах и смокингах», которые в ручном режиме завели Россию в нефтегазовые потемки.

Хотя еще Менделеев предупреждал, что «без свечоча науки и с нефтью будут потемки». Под свечочем науки великий ученый подразумевал инновационное развитие. После же отказа Китая платить за нефть и газ на ранее обговоренных условиях — пророчество Менделеева воспринимается ошутимее. Напомню, после прокладки до Китая газопровода из Западной Сибири и нефтепровода из Восточной Сибири — китайцы категорически отказались платить за углеводороды по ранее обусловленным ценам. Мотивируя тем, что у них есть уголь и им невыгодно покупать наш газ дороже угля. К тому же китайцы изначально заняли четкую позицию, которая выглядела примерно так: если вы хотите за свои деньги тянуть к нам трубопроводы — тяните. Мешать не будем. В Пекине прекрасно понимали, что трубопроводы — не резиновые шланги. Их не смотаешь обратно ни в Ямал, ни в Якутию. Потому китайцы решили, что раньше окончания прокладки трубопроводов незачем объявлять свою цену на российские энергоносители. По этой причине с 2006 года мы только слышим из Кремля, что со дня на день будет достигнута с китайцами договоренность по ценам за наш газ. Но никаких цифр до сих пор не озвучено. Китайцам некуда спешить. Российские трубопроводы — не полярные волки. Домой не убегут.

Хитроумный пример китайцев, поставивших наших геостратегов в безвыходно-невыгодное положение, оказался очень заразительным. Их примеру тут же последовали турки. Анкара тоже объявила об отказе закупок российского газа, поступающего по западному маршруту. И в ультимативной форме пригрозила разорвать контракты, если «не увидит существенного сокращения цены».

Если такое случится, то не знаю, что мы будем к ним качать по трубам, проложенным по суше и дну Черного моря? Разве что черноморскую воду — с нашего берега на берег турецкий.

Ну, а как только строительство первой очереди трубопровода по дну Балтийского моря подошло к концу, то и европейские потребители начали шантажировать нашу «трубозависимую» державу.

Потому Медведев вынужден был провести заседание Совета безопасности, на котором главной темой стало обеспечение энергетической безопасности России. Он заявил, что реализация Европейским Союзом своей энергетической стратегии ставит в затруднительное положение российские компании-экспортеры.

— К сожалению, за последнее время произошел целый ряд событий, которые создают на самом деле проблемы в газовом сотрудничестве, — констатировал Медведев.

По сути, речь идет о тех же проблемах, что с Китаем и Турцией. Только в больших масштабах. Это свидетельствует о том, что «планом Путина» даже не предусматривалось возникновение подобных проблем. И таких проблем, как падение мировых цен на энергоносители, увеличение мировой добычи сланцевого газа, наращивание объемов производства сжиженного газа, легко транспортируемого морем. Не бралось в расчет и то, что для достижения своих геополитических целей Европа может начать переходить на алжирский, норвежский или сжиженный газ.

Страшно представить, что будет с Россией, если страны НАТО всерьез возьмутся за биржевых спекулянтов, вздувающих нефтяные цены. Или надавят на страны ОПЕК, чтобы они посильнее открыли у себя вентиля. Тогда кремлевским мечтателям придется качать по бесчисленным трубам сибирский запах тайги и свежесть тундры? Так как добыча российских углеводородов может стать невыгодна.

Не надо палаты ума, чтобы понять, насколько уязвима страна, если ее коммуникации проходят по чужой территории. Потому непонятно, в обход каких теперь стран Путин станет прокладывать новые трубопроводы, коль против нас ополчились все, кроме Северной Кореи. Так как через нее только планируется протянуть трубы в Южную Корею, товарищу Ким Чен Иру нет резона раньше времени портить с питерскими товарищами транзитные отношения.

Это я к тому, что именно после газовой войны с Украиной и Белоруссией «по плану Путина» началось строительство окольных трубопроводов. По официальной версии, чтобы снизить нашу зависимость от транзита через братские Украину и Белоруссию. Разумеется, с помощью зависимости от транзита через небратские страны. В народе это называется — шило на мыло менять. Проще говоря, правящий тандем сделал все возможное, чтобы на пути наших углеводородов появилось еще больше стран, способных в любой момент пощупать нас за энергетические амбиции.

Трубопроводная лихорадка эпохи Путина — эталон профнепригодности руководства страны. Уместно напомнить, что добыча газа у нас остается на уровне советского периода. А нефти мы сейчас добываем меньше, чем добывали 30 лет назад. Но из-за развала промышленного производства мы уже не потребляем столько нефти и газа, сколько потребляли в советский период. Только поэтому в разы вырос экспорт наших энергоносителей. Проще говоря, руины нашего промышленного производства — это локомотив экспортных трубопроводов.

Парадокс в том, что все важнейшие решения в стране принимаются в режиме ручного правления. Полвека назад режим «ручного» правления у нас назывался волюнтаризмом. Волюнтаризм — это когда все силы и средства нации расходуются на достижения желанных целей, которые глава государства лично определил, без научно обоснованных рекомендаций, без учета объективных обстоятельств и всевозможных последствий для страны. За волюнтаризм был отправлен в отставку Никита Хрущев. Хотя его волюнтаризм, по сравнению с сегодняшним «ручным правлением», — фигня на постном масле, которая даже не привела к спаду экономики.

В период волюнтаристского правления Хрущева наша страна продолжала сокращать разрыв в социально-экономическом и оборонном соревновании с США. К началу 60-х годов даже американские эксперты вынуждены были признать, хотя и с оговорками, что СССР стал догонять США по производству продукции в целом и в расчете на душу населения. Согласно отчету ООН за 1990 год, по индексам развития человеческого потенциала, по которым оценивается реальный уровень жизни в стране, в списке из 182 стран СССР отставал от США тогда всего на 6 мест. Как видим, до выполнения обещания Хрущева — догнать и перегнать Америку оставалось совсем немного. Вне всякого сомнения, сохранись Советский Союз до 1999 года, когда начался аномальный рост мировых цен на сырье, то уже Бараку Обаме пришлось бы обещать своим избирателям догнать и перегнать СССР.

К сожалению, история не знает сослагательного наклонения. За 20 лет радикальных реформ, 12 из которых пришлось на благоприятнейший период правления тандема, Россия, преемница СССР, не только на 61 место увеличила разрыв с США по уровню жизни, но даже не смогла решить такой узкой задачи, как догнать Португалию. Или стать лидером по темпам экономического роста в СНГ.

Оттого-то результаты волюнтаристского правления времен Хрущева даже нельзя сравнивать с нынешними результатами ручного правления. Как нельзя сравнивать первые полеты в космос при Хрущеве с окончанием полетов на наших самолетах при Медведеве.

Волюнтаризм Хрущева в основном выражался в надругательстве над сельским хозяйством с использованием кукурузы. Нынешнее же ручное правление — это надругательство над здравым смыслом и демократией с использованием думского большинства и Центризбиркома.

Потому поразительно слышать претензии тандема на продолжение своего правления. К сожалению, «безымянная пехота» т.н. «Народного фронта», замороженная агрессивной телепропагандой, даже не осознает, что верховные главнокомандующие ей выдают деградацию страны за прогрессивное развитие. Хотя еще ельцинские демократы рвали на себе рубахи, клянясь, что будут жить не по лжи. Но вместо этого мы получили насквозь лживую власть, для которой примитивный обман — естественная среда обитания. Официальная пропаганда лжи погружает нашу страну в невежество. Недееспособной власти жизненно важно, чтобы народ абсолютно не имел представления о реальных делах в стране. Поэтому правящий тандем, в отличие от своих советских предшественников, никогда не говорит о результатах своего правления в абсолютных цифрах, отталкиваясь от натуральных показателей. Хотя в советское время, когда вроде бы и свободы слова не было, власть постоянно отчитывалась перед страной на съездах и пленумах. Причем в отчетах советского правительства все социально-экономические показатели указывались в абсолютных цифрах: в рублях, штуках, тоннах, метрах, кубометрах, километрах, гектарах и т.д. Причем показатели советского периода сравнивались с 1913 годом, на который пришелся пик развития царской России. Такая доходчивая подача информации позволяла народу объективно оценивать подлинные успехи страны за разные периоды своей истории.

В нынешнее время, власть внаглую манипулирует голыми процентами, сравнивая их с предыдущим годом или месяцем. Дело в том, что ни Путин, ни Медведев не могут себе позволить в абсолютных цифрах сравнивать экономические показатели периода своего правления даже с аналогичными показателями эпохи Ельцина, не говоря уж о советском периоде, так как подобные сравнения в пыль разбивают мифы об эффективности тандема. По этой банальной причине в своих бесчисленных разговорах они никогда не говорят конкретно: сколько в стране произведено той или иной продукции — в натуральном выражении и на сколько это больше по сравнению с другими периодами? Сколько у нас родилось-умерло народу, сколько стало больных, сколько выращено скота, построено жилья, больниц, школ, дорог, заводов, фабрик, отремонтировано объектов ЖКХ... И насколько это больше или меньше по сравнению с показателями лихих 90-х годов и показателями советского периода, чтобы народ мог объективно судить, какой строй был прогрессивней, какая модель правления была эффективней и когда власть больше заботилась о благе всех.

В своем малоубедительном интервью трем зависимым руководителям из Останкино Медведев тоже по привычке упомянул, что «люди должны судить о деятельности президента, как и правительства, по их делам».

Кто бы спорил. Это аксиома. И если судить о тандеме по их делам, за которые они несут персональную ответственность, то по большей части результаты их деятельности — тяжкие. Приведу только несколько. Во-первых, к обычному геноциду, свирепствующему в России с 1992 года, добавился уголовный геноцид, о чем члены Комиссии Общественной палаты лично проинформировали президента после массовой резни в станице Кущевской в День народного единства. Во-вторых, всеобъемлющая коррупция стала зашкаливать все мыслимые пределы. В-третьих, подчиненные правящего тандема стали ежегодно воровать триллионами.

Думаю, и этих примеров достаточно для понимания того, что Медведев с Путиным просто не могут остаться у власти при подлинно демократических выборах. Посему забавно было слышать, что кроме них в стране якобы нет более достойных кандидатов в президенты и премьеры. К счастью, это не так. Хотя сам Медведев уверяет, что его главная амбиция — приносить пользу стране и народу.

Вот только непонятно, почему он сдерживал «души прекрасные порывы» до объявления о своей скорой отставке, а не посвятил их на пользу Отчизны? Ведь у него, как главы государства, было достаточно времени и властных возможностей, чтобы на практике принести огромную пользу своему вымирающему народу, замученному тяжелой свободой. Для чего необходимо было всего-то сломать откровенно антиконституционную конструкцию пожизненного правления страной, придуманную Путиным. Ведь не Медведев же предложил действующему президенту пересидеть в его кресле четыре года. Ну а когда он все-таки согласился с «планом Путина» и формально занял президентское кресло, то у него действительно появилось больше возможностей, чтобы на деле продемонстрировать свою главную амбицию. В этом бы и заключалась его историческая польза, которую он мог принести своей Отчизне, выведя ее на столбовую дорожку социал-демократии.

К тому же еще в первый год своего правления прямо на заседание президиума Госсовета Медведев отлил в граните: «Кризис — самый лучший момент для избавления от неэффективных менеджеров». После небольшой паузы гарант Конституции отлил дополнительные слова: «Скоро очередь будет стоять из приличных специалистов. Надо этим вос-

---

пользоваться». Из чего можно было сделать вывод, что в первую очередь он отправит в отставку патологически недееспособное правительство. Распустит декоративный парламент и бутафорский Совет Федерации. Создаст комитет национального спасения, который займется восстановлением реальной экономики и подготовкой к подлинно демократическим выборам всех уровней. Для чего сразу же выпустит демократию на свободу, как главную жертву политических репрессий тучных лет. Следовало ожидать, что и сам Медведев объявит, что не будет выставлять свою кандидатуру на президентских выборах. И посоветует отправленному в отставку Путину сделать то же самое. Так как реальные результаты развития России, достигнутые за годы их совместного правления, настолько ничтожны, что с такими результатами невозможно победить на честных выборах. Разумеется, всем средствам массовой информации будет разрешено в полном объеме освещать истинные «успехи» тучных лет.

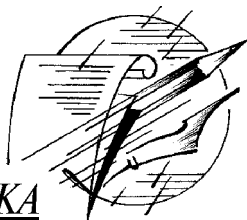
Для приучивания нашей нации к горькой правде, Медведев мог бы даже временно ввести своим Указом уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний в эфире. А еще лучше, обязать высших должностных лиц государства давать интервью, пресс-конференции и разговаривать с народом в прямом эфире только подключенными к полиграфу. Чтобы все телезрители видели, как реагирует детектор лжи на то или иное высказывание оратора. Конечно, сначала будет неловко видеть подключенных к полиграфу, допустим, Медведева или Путина, дающих интервью руководителям трех телеканалов. Но что делать? Ситуация архисложная. Иначе мы можем напрочь угробить «ген» правды в нашем народе. И так уже у наших хунвейбинов, посаженных на останкинскую иглу, начались необратимые процессы в голове. Типа аллергии на правду.

С началом подобной модернизации страны сразу бы выстроились огромные очереди из приличных специалистов во всех коридорах власти. Но этого не произошло. Потому что если допустить создание очередей из приличных специалистов, то они создадут в стране такую конкуренцию, что Путину с Медведевым просто не о чем будет договариваться. Ведь одно дело, говорить всуе о своей главной амбиции — приносить пользу стране и народу. И совсем другое — приносить на практике. В первом случае нужен только язык. Во втором случае необходимо иметь в своей груди сердце, как у легендарного Данко.

АНТИИСТОРИЗМ КАК ЛИБЕРАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Новостные программы федеральных каналов, крутивших ролики с демонстрацией зверской расправы над лидером Социалистической Джамахирии, затем рассказывали о том, как аборигены тропического туристского рая съели немецкого путешественника. Есть неожиданная, но жесткая логика в присутствии в одной передаче двух этих сюжетов. Разгром Ливии, с которой ассоциировался прогресс в Африке и в целом в странах Южного пояса, означает, что этот пояс «передовым Западом» загоняется назад в Средневековье, а, может быть, и дальше — в каменный век с межплеменными войнами, каннибализмом и прочими атрибутами доисторического периода.

Ливийская война знаменует, помимо всего прочего, окончательное крушение «эпохи Робинзона Крузо»: современные колонизаторы полностью отказались от цивилизаторской миссии. Напротив, они насаждают дикость, варварство и жестокость, разваливают государства, в ходе передела мира когда-то ими же созданные для удобства управления покоренными на-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

родами. Они сбросили «бремя белого человека». Впрочем, было ли такое бремя, или просто это слоган колониальной политики, придуманный Кипплингом? С самого начала Запад (или богатый Север, по терминологии развивающихся государств) шел на Юг не созидать, а грабить, и если устанавливал здесь какой-то порядок, создавал колониальные институты, то исключительно для удобства грабежа. Когда же эти институты стали самостоятельными, он подверг их ракетным обстрелам и ковровым бомбардировкам. Под руководством Соединенных Штатов Запад погнал клячу истории вспять.

США этот гон возглавляют неслучайно. Лишенное исторических корней, истребившее жившие здесь народы, заменив их населением, состоящим из потомков каторжников, авантюристов всех мастей и эмигрантов, это государство возникло как химера, как фантом, находящийся вне контекста истории и потому противодействующий ходу ее развития.

Под руководством Америки вся работа, проделанная мировой цивилизацией со времен Колумба, подвергнута ревизии. Советский Союз сдерживал эту подрывную работу. Ему было бы куда легче, если бы не великий грех правительства Александра II, забывшего завет Николая I: «Где поднят русский флаг, оттуда уходить нельзя» — и отдавшего Штатам Аляску, что лишило нашу страну возможности контролировать северную часть акватории Тихого океана, открыло Америке путь к превращению в супердержаву, создало первый прецедент торговли русской территорией. Но все же — деколонизация Индии, победа сил социализма в Китае, Корейская война, рождение независимых африканских государств, борьба против французских, а затем американских агрессоров в Индокитае, мощный вал национально-освободительного движения — все это стало решающим фактором процесса, инициированного Советским Союзом, выступавшим во главе сил, удерживающих этот исторический процесс от распада. Все усилия Вашингтона в течение десятилетий были направлены на борьбу с русской нацией, на разрушение СССР, и когда это удалось, работа по ликвидации истории пошла значительно быстрее (не зря словосочетание «конец истории», ставшее знаменем неолиберализма, родилось в Соединенных Штатах).

Поражает слепота европейских правительств. Следуя в американском фарватере, они не замечают, что действуют против интересов своих собственных стран. Поддержав разгром Югославии, союзники США по НАТО помогли высво-

---

бодить в важнейшем геостратегическом районе Европы — Балканах — те силы, которые были скованы в ходе развития самой европейской цивилизации: мусульманская Босния, затем Косово бросили на политическую карту Европы тень прошлого, в котором начинают угадываться очертания Великолепной Порты. Отказавшись от здоровой национальной политики, пойдя на поводу у рожденной в США идеологии глобализма, Европа подверглась исламизации, ее территорию все плотнее заселяют народы, чуждые западной культуре. Как известно, в Париже сегодня больше мусульман, чем в Каире. Находящееся в упадке западное христианство встретилось лицом к лицу с пассионарным и нередко агрессивным исламом.

Пошла вспять история Передней Азии. Американская агрессия отбросила Афганистан и Ирак на несколько веков назад. Силы, в свое время изгнанные с политической сцены, сегодня берут реванш: политика США на Ближнем Востоке, события «арабской весны» вызвали из тени прошлого два конкурирующих проекта — Османской империи и Арабского халифата. Турция и Саудовская Аравия, которые стоят за ними, выступают как проводники интересов Соединенных Штатов, но в той мере, какая позволяет им увеличивать свой собственный политический вес и военное влияние. Эр-Рияд противостоит Ирану и тянется к ядерному оружию. Он стал идейным и финансовым источником распространения ваххабизма в Российской Федерации и на Кавказе. Анкара, в свою очередь, претендуя на лидерство на Ближнем Востоке, неуклонно усиливает свое влияние в Азербайджане и поддерживает тесные отношения с Тбилиси. Турецкое влияние заметно ощущается на Северо-Западном и Центральном Кавказе. Оно идет по проторенной дороге — в свое время ислам пришел в эти регионы из Османской империи.

Анкара и Эр-Рияд активно действуют в Крыму, где события вполне могут пойти по косовскому сценарию и отбросить полуостров в эпоху до Кучук-Кайнарджийского мира. Если поощряемые экстремистскими организациями боевики пойдут на радикальные меры для достижения крымско-татарской государственности, сможет ли слабая Украина, нынешний президент которой падает в обморок от брошенного в него сырого яйца, удержать полуостров? Здесь власти гораздо решительнее, чем с татарскими сепаратистами, борются с силами, ориентированными на Россию, с помощью которой только и можно избежать превращения Крыма в страну, патронируемую одной из региональных держав Ближнего и Среднего Востока.

Что касается России, то именно на нее направлены главные усилия антиисторических сил, возглавляемых Соединенными Штатами. Девальвирована и последовательно ликвидирована огромная созидательная работа, проделанная не только Советским Союзом, но и в целом русской цивилизацией. Лишившаяся многих земель и территориально отброшенная куда-то век в XVII, Россия потеряла за годы реформ миллионы граждан, и понятие «геноцид русского народа» стало уже привычным в лексиконе ее политиков. Социально-экономические отношения в стране, строившей самое передовое общество, отброшены до уровня, который только условно можно назвать капиталистическим. Капитализм предполагает создание класса предпринимателей, заинтересованных в развитии своего хозяйства, нуждающихся в технических усовершенствованиях, обладающих навыками организации и руководства производством. Подавляющее большинство нынешних владельцев российских предприятий не обладают ни такими навыками, ни такой заинтересованностью. Они стали владельцами производственных фондов не в силу своего трудолюбия и таланта. Среди них не найти нового Форда, Симплота или Гейтса. Способ обретения ими собственности доктор экономических наук Александр Анисимов назвал «феодалным пожалованием». К феодализму и тяготеет наш постсоциалистический строй.

Капитализм предполагает организованное рабочее движение, профсоюзы, действующие в интересах наемного труда. Ничего этого в России нет. Сегодня подавляющее большинство трудящихся в нашей стране обладает правами не намного большими, чем работники докапиталистической эпохи. Одновременно идет деградация в сфере знаний. Ликвидированы инженерные и научные школы, способные вывести страну из доиндустриального уровня, на который ее настойчиво опускают. Перечеркивается создававшаяся веками национальная русская культура. Одновременно уничтожается система образования. Литература перестает быть профильным предметом. Этим самым новые поколения граждан нашей страны лишаются возможности воспринять гуманитарные ценности, выработанные в ходе исторического развития отечественной культуры, уходящей корнями в православное христианство и создавшей великую русскую литературу с ее целительной нравственной силой.

Кардинал Корец, словак по происхождению, подвергшийся репрессиям в социалистической Чехословакии, пораженный по выходу из тюрьмы переменами, происшедшими с его соотечественниками, которые стали читать боевики, эроти-

---

ческие романы и книги оккультного содержания, запретил прихожанам читать что-либо мирское за исключением русской литературы. А в России хотя бы изолировать молодых граждан от благотворного воздействия на их души произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Шолохова... Весьма характерно, что ведущим институтом, направляющим процесс деградации страны, стало министерство, возглавляемое Фурсенко, хотя, казалось бы, именно Минобрнауки по своему статусу обязано действовать в противоположном направлении. В битве, полем которой является сердце человека и где, по определению Достоевского, борются Бог и дьявол, ведомство г-на Фурсенко, похоже, выступает на стороне последнего. Не случайно Святейший Патриарх Кирилл, как правило, избегающий высказываний, которые противоречат курсу мирской власти, выступая в Воронежском государственном университете, подверг достаточно резкой критике реформу образования, проводимую министерством.

Говоря о Русской Православной Церкви, следует сказать, что она сегодня является единственной структурой, сохраняющей преемственность русской истории, и объективно, самим фактом своего существования противостоит распаду русского этноса, русской культуры, русской государственности. Правда, и здесь глобалисты не дремлют: экуменизм и обновленчество используются как инструменты ослабления РПЦ, сдвига ее в сторону западных, якобы более открытых, в сравнении с Православием, и более прогрессивных конфессий. Но это сдвиг в никуда. «В России нет почти никакой информации о том, каковы сегодня западные конфессии, — пишет религиовед Татьяна Горичева, много лет за рубежом изучавшая характер вероисповедания в Германии, Франции, Италии и других европейских странах. — Того «хрестоматийного» протестантизма и католичества уже просто нет на свете». Говоря о католичестве, она свидетельствует о его «глубочайшем надломе»: здесь «церковное строение, как дом с прохудившейся крышей, стало столь стремительно размышаться и разрушаться, что под угрозой оказались самые основы веры». Что касается протестантской церкви, то, как утверждает исследователь, она «больше не является носителем учения Лютера».

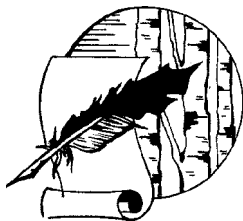
Западное общество называют постхристианским. При этом оно не перестало быть религиозным, но его религиозность получила противоположное направление: становится все более массовым увлечение оккультизмом. Кстати, грандиозный успех Гарри Поттера — не только результат этого увлечения, но и залог того, что оно стало фактом детского

сознания. Все это Европа уже проходила: во второй половине XVII века здесь распространилась эпидемия детского вдовства. Джон Локк обдумывал свой «Опыт о человеческом разуме», когда в Швеции и Дании сжигали семилетних колдуний. Дух Европы пошел вспять. Это диалектика наоборот: диалектическая спираль перевернута и результирующая исторического движения устремлена вниз.

При всей катастрофичности положения, при всех страданиях, выпавших на долю православной России, среди всех христианских народов в духовном плане у русских сегодня самые большие шансы спастись от исторического небытия. Огромный пустой Нотр-Дам, где мессы посещают полтора десятка человек, кирхи Германии, «перепрофилируемые» в рестораны, свидетельствуют о массовом равнодушии к учению Спасителя. Слабеющий католицизм и протестантизм не смогут противостоять напору иных верований. К тому же для третьего мира религия западноевропейцев и американцев — религия захватчиков, колонизаторов, старых и новых крестоносцев. Что касается Православия, то оно не может вызывать у них ненависти — Россия ни раньше, ни теперь не причастна к колониальной практике. Православие сохранило верность апостольскому преданию, евангельскую чистоту веры, исповеднический энтузиазм. В апостасийном мире она является прибежищем для живого религиозного чувства, и следует ожидать, что миссионерская роль РПЦ возрастет. Это тем более произойдет, если, спасая души людей, наша Церковь не будет индифферентна к вопросам социальной справедливости, начнет конструктивный диалог с теми, кто является сторонниками строя, основанного на социальной справедливости, понимаемой в духе христианских заповедей, то есть христианского социализма.

В свое время гуру наших либералов Александр Яковлев, будучи руководителем идеологического аппарата ЦК КПСС, опубликовал статью «Против антиисторизма», в которой обрушился с резкой критикой на русские патриотические силы. Жизнь показала, что как раз либералы являются силой, действующей против истории.

Валерий ХАТЮШИН

НА ГРАНИ

* * *

«А снег идет, а снег идет...» —
пластинка старая поет.
И мой смурной недолгий век
прошел под этот светлый снег.

От детских лет до наших бед
ложился снег за мной вослед,
и сколько б лиц ни вспомнил я,
покрыта им вся жизнь моя.

А он идет... Под этот снег
никто не скажет мне вовек,
зачем вот так угасшим днем
струится он под фонарем?..

Никто не скажет, отчего
в извилах сердца моего
весь вечер тихо, без помех
кружится чистый, светлый снег?..

* * *

Вьюжит в марте, как ранней зимой,
сад заносит метелицей белой.
Вот опять над моей головой
тучи, тучи летят ошалело.

Сколько их! И откуда? Куда?
И с какими ветрами шальными?..
То ли ночь, то ль иная беда
приближается следом за ними...

Тучи, тучи — низки и темны —
будто ищут кого одичало...
Непогода. Начало весны.
Грозových испытаний начало.

ПУТЬ ХРИСТА

Нельзя вторгаться в область Бога —
настигнет душу слепота.
У каждого своя дорога.
Не претендуй на Путь Христа.

Свет вифлеемский всем нам светит.
Глазам не верить нет причин.
Да, в мире все мы Божьи дети.
Но Сын и Путь Его — один.

НА СМЕРТЬ ПОЛКОВНИКА БУДАНОВА

(10 июня 2011 г.)

Осудили его и убили
после ельцинско-волчьей войны.
Ритуально, прилюдно казнили
на глазах у жены и страны.

Нынче праздник для всех отморожков,
для зубастых шакалов и крыс —
кто гортанит со всех перекрёстков,
кто России колени изгрыз.

Власть молчит, ухмыляясь экранно.
Полицаи стоят враскоряк.
Смертоносно грохочет реклама
и до рвоты гогочет «Маяк».

Окруженье кремлевских капканов
нам пора бы прорвать наконец.
Пусть застынет полковник Буданов
в горькой памяти русских сердец.

В мертвой хватке сплотившихся мафий
кто пробьёт долгожданную брешь?
Нам остались Квачков и Каддафи —
два полковника наших надежд.

На дорогах широких и узких
нет защиты надёжней, чем ствол.
Головами солдатиков русских
волчьи стаи играют в футбол.

---

* * *

Ласточки летают высоко,
им вольготно в небе и легко,
им в избытке радостного срока.
Я в осоке на спине лежу,
взглядом синий купол обвожу —
и широко небо, и высоко.

Под бездонным куполом небес
нам даны поля, вода и лес,
и с лихвою — радостного срока.
Всем хватает места на земле,
всем довольно хлеба на столе,
всех к погосту выведет дорога.

Но придумал кто-то нам вражду
и войны бессудную беду,
научил убийству этот кто-то.
Человек стреляет далеко,
человек взлетает высоко,
мчась быстрее птичьего полёта.

Но безумствам нашим вопреки
теплый ветер веет от реки,
шелестит упругая осока.
Я обласкан бережной травой.
Ласточки кружатся надо мной.
И светило жаркое — высоко.

* * *

Бредя по снегу бывшему,
объяты смутным сном,
тоскуем по уплывшему,
мечтаем о былом...

Зовет нас песня старая
в отцветшую весну..
Россия, как «Булгария»,
с людьми ушла ко дну.

Еще не раз минувшее
приснится на заре.
Россия затонувшая
всплыла на миг в Сагре...*

---

* С а г р а — поселок в Свердловской обл., жители которого, дали достойный отпор вооруженной кавказской банде.

---

* * *

Мы на грани грозных перемен.
Что несут они — никто не знает.
После всех иудиных измен
нас ничем судьба не испугает.

Что нас ждет — победа или мрак?
Всё иное будет хуже смерти.
На глазах у нас извечный враг
рушит жизнь и сеет липкий страх
в этой зверской злобной круговерти.

Множит враг безумную вражду
и хохочет яростно с экрана.
У страны застывшей на виду
топчет враг плененного Ивана.

Но прорвав кровавый этот плен,
мы придем к экранным вражьи́м рожам...
И на грани грозных перемен
всех запомнить мы, конечно, сможем.

* * *

Август спасает от боли сердечной,
август наводит на светлую грусть...
С горечью жизни своей быстротечной
я никогда, ни за что не смирюсь.

Время — безумно, а сердцу — тревожно.
Век пронесется, как поезд ночной.
Скажут: «Ему позавидовать можно,
был он рожден под счастливой звездой...»

Счастьем, как видно, мне стали печали.
Нет, не мечтал я судьбу обмануть.
Верил я в жертвенный, слёзный вначале,
свыше дарованный — избранный путь.

Август, как жизнь, истекает и тает.
Осень в преддверье хмельной ворожбы.
Листья слетают, и ветер листает
чью-то забытую книгу судьбы...

* * *

Хмурое небо и смутное,
листьев летящая ржавь...
Горечь моя неприютная,
ты уж приют мой оставь.

Нудная и неприветная —
наша сердечная связь.
Как сирота безответная,
слишком ты здесь прижилась...

Небо чужое и темное.
Долгие спазмы в груди...
И отвечает бездомная:
«Некуда больше идти...»

* * *

Что-то в мире случилось такое,
отчего защемило в груди.
Липа кроной шумит надо мною
золотых облаков посреди.
Листопад, предвечерье, прохлада...
В сонном парке тропинки темны...
Ах, душа, не кручинься, не надо,
мы еще доживём до весны.
Но замри и прочувствуй мгновенье,
как в распахнутых детских глазах.
Кленов красных в пруду отраженье,
ветра лиственный, шелестный взмах...
Кучевых облаков позолота,
светло-рыжая проседь берёз...
Мы не можем с тобой отчего-то
не любить эту землю до слёз.

* * *

Пророки есть в Отечестве моём.
Вся правда нами сказана народу.
И мы предупреждали обо всём
тех, кто врагам вверялся год от году.

Кто зорок был — всё видел и без нас.
Кто слух имел — тот нас давно услышал.
Кто жил дрожа — смешон в бессчётный раз.
Тот проиграл, кто с нами в бой не вышел.

Моральный гнёт густеет с каждым днём
и сам собой рассеется едва ли.
Мы двадцать с лишним лет **предупреждали**.
Пророки есть в Отечестве моём.

НЕЗАМУТНЕННЫЕ ВОДЫ

* * *

Эта рана не сочится вроде,
Не кровит уже... Но всё равно —
Сучья, клочья наших малых родин
Больше не срастаются в одно.

Да срослись бы: луг Подонья зелен —
И в Полесье травушки сочны...
Даже воздух, по Донбасс, поделен —
Русский и украинский сочли.

Да, сочли, но развести-то — нечем:
Тут бесилен шёпот кривды злой.
Воздух наш салютом общим мечен,
Не одной чернобыльской золой.

Он, чего б там нынче ни брехали,
И в Дніпро, и в тихий Дон влюблён.
Будет перехватывать дыханье,
Просто стоя рядом с нами, — он...

* * *

Партбилеты, как святые книги
Старые, не прячут по лесам:
Трижды и четырежды расстриги
Каются — и получают сан.

Те, кто у чужой двери толкался —
Храм торговцев выбрать, храм менял? —
За грудки берут, орут: «Покайся!» —
Тем, кто сроду веру не менял.

* * *

Он в споре стать готов на стул
(Откуда этот люд берется?),
В прищуре по рисунку скул
Во мне увидев инородца.

Мол, ты-то, парень, кто такой,
Чтоб мерить русские обиды?

Я на него махну рукой,
Открою дверь — и в степи выйду..

Мой друг башкир, мой друг мордвин,
В миру глухом, враждой объятom,
Пускай, хохла и русской сын,
Я вам по сердцу буду братом!

Давно мы братья по судьбе,
Как в имени едином — слоги.
Зачем в гордыне-городьбе
Скрываться — будто бы в остроге?

Кровь, руша скрепы, пропадет —
Слепа, темна и безъязыка.
И только речь одна сведет
Марийца, коми и калмыка.

Зароет ядра и картечь
(Ее поймет земля сырая)
И будет тихой речкой течь,
Повсюду родники вбирая.

Зачем, зачем ее мутить?
Зачем идти к реке — с камнями?
Вот — наклониться... Вот — испить...
Расслышать — «не Москва ль за нами?»

И разглядеть: над гладью вод
Бессмертных лет единым стягом
Уже рассвет алеет — тот,
Что гордо реял над рейхстагом!

* * *

Я жил... Я жил! Душою не кривил —
Не для наград, не для витрин (на вынос)...
Я сердце к тонкой веточке привил
Вишневой — и рассвет однажды вырос.

А тот, кто боль объехал по кривой,
Себя, себя лишь оберечь желая,
Не знает, как светло болит привой,
Для долгой новой жизни — заживая...

КРУИЗ

ПОВЕСТЬ

1

Навигационный обзор.

Наш лайнер покинет Санкт-Петербург приблизительно в полночь. Город основан Петром Великим в 1703 г. — вторая столица России. За время своей истории он несколько раз менял название: с 31 августа 1914 г. по 26 января 1924 г. он назывался Петроград, затем до 6 сентября 1991 г. — Ленинград.

Лайнер «Коста Делизиоза» отходил от морского вокзала в полночь. Туроператор посоветовала Глебу Ивановичу Карпеко прибыть на борт раньше, пока нет наплыва туристов: «Пообедаете, разместитесь в каюте, осмотрите лайнер». В этом был свой резон. Карпеко еще никогда не бывал на круизных лайнерах, и «Коста Делизиоза» поразил его. Махина! Знаменитый «Титаник» выглядел по сравнению с лайнером младшим братишкой.

Глебу Ивановичу досталась каюта на шестой палубе без иллюминатора. Услужливый стюард доставил чемодан в каюту, чаевые входили в оплату тура. Есть не хотелось, но он все же поднялся на девятую палубу,

ПРОЗА

выпил в баре рюмку водки, заказал пиццу и кофе. На открытой части палубы стояли лежаки. В бассейне ворочался какой-то краснолицый толстяк, джакузи пустовали. Над головой носились чайки. С девятой палубы хорошо была видна акватория порта. День выдался серенький, то и дело срывался мелкий дождь. Город вплотную подступил к заливу, дома почему-то казались пустыми, брошенными. Глебу Ивановичу стало как-то не по себе. Он вернулся в каюту, принял душ и улегся с книгой на широченную постель. И незаметно уснул. Ему приснился Пашка Звягинцев, молодой, кудрявый, в пестром пиджаке и светлых брючках. «Слушай, хватит дрыхнуть! — заорал он. — На этой лохани есть сигарно-кофейный бар. Сплошное буржуазное разложение!»

Пашка умер полтора месяца назад в онкоцентре в Песочном. После облучения от него осталась одна тень. В тот день, возвращаясь из центра, в электричке Глеб Иванович выпил водки, опьянел, и его едва не забрали в милицию.

Карпеко очнулся, глянул на часы: через полчаса отход. Он устал за последнее время. Похороны друга на Волковом кладбище, скромные поминки, на которые собрались старики из их подъезда, приезд сына и вслед за этим хлынувшая душевная пустота...

На этом лайнере Карпеко оказался по воле случая. В конце прошлого года туристическая фирма, ведающая морскими круизами, заключила с ним договор на изготовление моделей круизных лайнеров, заодно его попросили оформить интерьер офиса. Директор фирмы, улыбчивый молодой человек, пожимая Карпеко руку, сказал:

— Глеб Иванович, почему бы вам не сходить в круиз, скажем, вокруг Европы? Мы сделаем вам солидную скидку.

— Надолго не могу, гипертония замучила. Да и дела...

— Можно взять тур на осень. Две недели, всего ничего.

— А есть с заходом в Таллин?

— Конечно. — Директор достал из ящика стола красочно оформленный проспект, полистал его. — В конце августа есть тур с посещением Финляндии, Швеции, Дании, Норвегии — дивные страны: тролли, водопады, фьорды. На обратном пути — повторный заход в Копенгаген, затем Таллин и Петербург.

— Спасибо, я подумаю.

В сентябре исполняется пятьдесят лет с момента гибели его подводной лодки «малютка», Карпеко собирался съездить в Таллин. Что же, круиз — неплохой вариант. Тем более, он никогда не был за границей.

— Загранпаспорт есть? — спросил директор.

— Нет.

— Надумаете, заходите, я помогу оформить без хлопот.

Все сложилось быстро, без проволочек. Девушка, оформляющая тур, сказала, что на лайнере собирается солидная публика, на завтрак и обед одеваются, кто во что горазд, а к ужину нужно иметь вечерний туалет, да и галстук обязательно. Глеб Иванович обновил гардероб, купил темный вечерний костюм, несколько рубашек, остроносые штиблеты и шелковый итальянский галстук.

За две недели до круиза неожиданно позвонил сын.

— Здравствуй, батя! Я в Питере. Буду часов в шесть. Ты вечером дома?

— Я почти всегда дома. Жду.

Карпеко положил трубку, достал из ящика письменного стола блистер нитроглицерина, сунул гранулу под язык. Боль, возникшая за грудиной, вскоре прошла. День стоял сумрачный, два раза начинал накрапывать дождь, но, отстучав капелью по подоконнику, затихал. Свет зажигать не хотелось. Звонок Валерия не принес ни радости, ни огорчения, вызвал лишь короткий приступ сердечной боли. В буфете стояли бутылка водки и бутылка вина — остались от поминок. Есть, чем встретить сына, да и Пашку заодно помянуть.

Сын давно обитал в непонятном и враждебном Карпеко мире. И то, что Валерий стремительно разбогател и сразу принял образ жизни и ценности нового времени, потрясло Глеба Ивановича. Отторжение началось с августа 1991 года, когда телефон, словно колокола громкого боя, загрохотал в коридоре и сын восторженным голосом сообщил, что ГКЧП сломлен, путч подавлен. В вечерних теленовостях увидел сына, стоящего рядом с танком, на котором выступал Ельцин. У Глеба Ивановича задрожал подбородок, и он, ощутив пугающую пустоту в груди, понял, что страна свержается в хаос, тонет с дифферентом на корму, как когда-то его «малютка». И митинги у Казанского собора и витии во главе с Собчаком стали для него символом надвигающейся катастрофы. Расстрел парламента и дикие, позже подтвердившиеся слухи о многочисленных жертвах как бы поставили точку в этом шабаше. В вихре зловещего карнавала со сменой масок под пошленькую музыку исчез единственный родной человек — сын.

Внешне разрыва не произошло, они перезванивались, изредка встречались, на счет Карпеко ежемесячно поступала солидная сумма в долларах, он из суеверия не тратил эти деньги, не тронул их и в тяжелую пору, когда низвергались гайдаровские реформы, лишившие накоплений миллионы людей.

Глебу Ивановичу повезло: ему заказали несколько моделей парусников восемнадцатого века для интерьера крупного петербургского банка. За работу заплатили щедро, в валюте. В пустовавшей комнате сына он устроил мастерскую, оснастив ее необходимым оборудованием.

Неразбериха в стране коснулась и родного училища, в котором он, выйдя на пенсию, преподавал. Начались массовые увольнения, Карпеко не стал дожидаться своей очереди, сам подал заявление об уходе. Ходили бредовые слухи, что Главный штаб ВМФ переводят в Петербург, не то в Адмиралтейство, не то в здание бывшего Генерального штаба на Дворцовой площади. Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского сольют с училищем в Пушкине, фрунзаков загонят в Кронштадт. Слухи то возникали, то гасли.

Казалось, там, в Москве, произошел сбой, государственная машина, управляемая опасными дилетантами, пошла вразнос и вот-вот грянет взрыв. Взрыва не произошло, но часть слухов подтвердилась. Вечером того дня, когда Карпеко узнал от бывших сослуживцев, что его училище переименовано и располагается теперь в Пушкине, он отнес японский телевизор Пашке Звягинцеву.

— Владей, Паша. У тебя психика устойчивая.

— Поставь на стул. Место для ящика найду. Буду смотреть эротические фильмы. Прекрасное занятие на старости лет. А пургу ты зря гонишь, начальник. Пора привыкнуть, мы давно живем в психушке. Посему, три к носу.

Мир сузился до размеров квартиры. Жизнь между тем продолжалась. Фамилия Карпеко стала появляться в международных каталогах, одна из его работ была удостоена премии в Брюсселе, Глеба Ивановича приняли в Гильдию петербургских судомоделлистов.

О сыне знал немного, богат, совладелец нескольких автосалонов, акционер «Газпрома». Всю эту информацию он получил из глянцевого журнала, забытого кем-то на стуле перед кабинетом врача в районной поликлинике. С фотографии на него глядел загорелый красивый мужчина с восточными чертами лица в превосходно сшитом костюме, рядом — девушка какой-то ненатуральной красоты, ее бархатистая кожа, казалось, излучала свет, но глаза и волосы выглядели искусственными. Подпись: «Известный бизнесмен Валерий Ли с невестой фотомodelью Дарьей Леруа». Помнится, Глеба Ивановича поразило несоответствие имени и фамилии девушки. На свадьбе сына Карпеко не присутствовал, загремел в клинику Военно-медицинской академии с гипертоническим кризом.

Задрезжал звонок. Карпеко вышел в прихожую, открыл дверь. На лестничной площадке стоял сын, мало чем напоминавший того загорелого джентльмена в дорогом костюме с обложки гламурного журнала. Поношенная курточка, джинсы, черная бейсболка, надвинутая на глаза, усы. С возрастом он все больше стал походить на мать. Темная полоска губ разомкнулась.

— Не боишься вот так сразу открывать дверь?

— Я давно уже ничего не боюсь, Валера. Заходи, дай я тебя обниму. — Глеб Иванович судорожно сглотнул ком, попытался скрыть слезы. У сына были сильные мускулистые руки, под курточкой ощутил что-то рубчато-плотное. Пуленепробиваемый жилет, кольчуга?

— Здравствуй, отец... Сколько же мы не виделись? Пять лет?

— Семь... Только не говори, что я не изменился.

— Зачем? Мы оба постарели. Это естественно. Боже, тот же запах... Глупо звучит, у меня квартира в центре Москвы, загородный дом в деревне Свердлово на берегу Волги, а теперь вот и поместье в Финляндии. А родной дом — один. В этих гонках по вертикали я как-то забыл об этом.

Чтобы помочь сыну скрыть растерянность, Глеб Иванович спросил:

— Неужели ты из Москвы на машине приехал один?

— Какое там! Со мной два охранника и юрист.

— А где же они?

— В гостинице «Приморская». Завтра утром едем в Финляндию. Нужно оформить купчую на виллу и земельный участок. Места потрясающие, на берегу залива на окраине Турку. Ты еще там побываешь.

— Что мы толчемся в коридоре? Проходи в кабинет. Есть хочешь?

— Нет, спасибо.

Валерий снял курточку, повесил ее на вешалку, кинул на полку для шляп бейсболку и, сунув руки в карманы, прошелся по скрипучему паркету прихожей. Распахнул дверь кабинета и тихо рассмеялся:

— С ума можно сойти. Кажется, кожаные кресла еще дедовские? В России черт знает что делается, а здесь время замерло, остановилось. Дубовые панели, надо же!

— Я все же не понимаю, как ты без охраны? С усами ты похож на узбека.

— Ой, молодца, получилось. Усы фальшивые. Мои охранники — бывшие гэбисты, профи. Для них изменить внешность, что два пальца... И вообще, если бы меня заказали

серьезные люди, взвод охраны ничего бы не сделал. Так безопаснее. Сегодня вечером я вновь стану бизнесменом Валерием Ли. Не сердись, что я взял фамилию матери. Во-первых, память, во-вторых, бизнес дело серьезное, мне не хотелось бы тебя подставлять. Большинство моих партнеров знают, что мой отец умер. Прости и живи долго.

Карпеко растерянно потер лысину:

— Ладно, проехали.

— Ты не представляешь, какое удовольствие я получил от свободного перемещения. Трамвай, троллейбус и родной город не через тонированные стекла бронированного джипа увидел. На Рубинштейна зашел в бар... Обычные люди, любят, веселятся. Я живу скучной жизнью, отец, одна работа.

— Зачем же ты выбрал это дело?

— Не я, оно меня выбрало. Бизнес что-то вроде наркомании. От удачной сделки я испытываю такое острое чувство, которое не может дать самая красивая и искусственная женщина.

— Кстати, как Дарья? Здорова?

Валерий поморщился:

— Никак. Развожусь я с Дашкой. Завела, дура, сразу двух любовников. У нас ведь с ней брачный контракт, по нему ей, в случае развода, отойдет немало. Нанял двух детективов, те на блюде преподнесли доказательства ее неверности: фото, видеосъемка. Мерзость! Теперь выкину ее голой. Тварь! Давай выпьем, батя!

Сын извлек из заднего кармана джинсов плоскую флягу.

— Бурбон, лучшее из того, что есть. Принеси стаканы и обычной воды для запивки.

— Я приготовил мясо с черносливом, как ты любишь.

— Спасибо, есть не хочется. К тому же сегодня предстоит деловой ужин с японцами. Крупные японские фирмы активизируют свою деятельность в Питере. А это зона и моих интересов.

Карпеко прошел в столовую-гостиную. За окном на Загородном проспекте мигали огни автомобилей. Подошел к старинному резному буфету, достал стаканы. Его не покидало ощущение, что все вокруг утратило реальность и там, в кабинете, сидит не его сын, а некий господин Ли.

Глеб Иванович с трудом проглотил неразбавленное виски.

— Батя, тебе не приходило в голову сделать евроремонт, отреставрировать мебель. Менять не нужно. Антиквариат. Обои пошли пятнами, паркет скрипит, да и сантехника наверняка времен Февральской революции.

— А зачем?хлопотно и дорого.

— Погоди, ведь на твой счет ежемесячно переводят валюту. Не хватает — звони.

— Из тех денег, что ты присылаешь, я не потратил ни цента.

— Брезгуешь? Деньги чистые...

— Оставь. Я ведь неплохо зарабатываю. Мои модели стоят в музеях и офисах Бельгии, Германии, Сингапура.

— Деньги для того, чтобы их тратить. Ты ведь не хочешь меня обидеть?

— Понимаешь... Я думал, что валюта тебе пригодится. Всякое ведь бывает.

— Не умеешь ты врать. И теперь уже не научишься. Машина у тебя есть?

— «Жигуленок» был... Продал.

— Купи иномарку. Хочешь, я подарю тебе джип, неброский, чтобы не угнали, но надежный.

— Валера, ты забываешь, что мне вот-вот стукнет семьдесят восемь.

— Найми водителя, тоже мне проблема.

— Да на кой черт мне машина. Раз в месяц я бываю в Гильдии судомodelистов. До рынка десять минут ходьбы, магазины рядом. На Рубинштейна кафе...

— А летом?

— Что летом? Я терпеть не могу дач. Моя жизнь в мастерской. Я тебе ее покажу, — ахнешь. Вечерами гуляю по набережной Фонтанки.

— Ты неисправим. Ничего, зимой я выберу время и увезу тебя в Финляндию. Снег, солнце, дрова трещат в камине. Камин для уюта, а так — центральное отопление, гараж на три машины, сауна, спутниковое телевидение. Летом — яхта. Да, все забываю спросить: как дядя Паша?

— Умер Паша. Онкология. Сороковины отметили.

Валерий молча разлил виски по стаканам.

— Помянем. Не знал... Плохо все это. Слушай. А может, ты в Москву переедешь? Квартира огромная в переулке Хользунова, загородный домина.

— А как же наш старый дом, родные могилы. Нет, сын, это тебе нужно в Питер перебираться. Всех денег не заработаешь. Да и опасное это дело.

— Такой вариант я не исключаю. Но не сейчас. Весь основной бизнес, батя, в Москве, все денежные потоки в Белокаменной сходятся. Питер — финансовая провинция. Вид у тебя что-то неважнецкий, мешки под глазами. Может, тебе в санаторий поехать, подлечиться?

— Я там с тоски завою. Среди чужих людей одиночество острее чувствуется. Да и лечиться я не люблю.

— Хотя на неделю сорвись куда-нибудь, в ту же Финляндию. И не жлобись с баблом, трать. Возьми, к примеру, европейцев. Старики постарше тебя в инвалидных колясках по всему свету носятся.

— А я что, хуже? — Карпеко неуверенно рассмеялся. — Через две недели отбываю в круиз: Финляндия, Швеция, Дания, Норвегия, Эстония. Я оформлял офис турфирмы, и мне большую скидку сделали.

— Да ты коммерсант! Скидки ему.. Все равно — молодец! — Валерий замолк, как-то сразу потух, под глазами залегли тени. По мокрым оконным стеклам, извиваясь змейками, стекали рекламные огни. Сын тряхнул головой, словно освобождаясь от невеселых мыслей.

Близился час отдыха. Карпеко надел пуловер, на всякий случай захватил зонт и поднялся на лифте на девятую палубу. Мириады огней мигали, перемещались, струились в ночи. Причальная стенка была ярко освещена, трапы и швартовые концы убранны. Проехал автопогрузчик, с девятиэтажной высоты он казался крохотным. Можно было подняться по трапу на десятую палубу — там, на смотровой площадке, установлены на тумбах мощные бинокли, но Глеб Иванович не хотел пропустить момент, когда махина лайнера отойдет от причала. И все же пропустил: черный промежуток беспокойной воды между бортом и стенкой расширился, и он, механик, сквозь подошвы кроссовок уловил едва ощутимую вибрацию гигантской машины. Когда огни города остались за кормой, Карпеко испытал какое-то дикое одиночество, надвигающееся оттуда, из тьмы канала.

2

Навигационный обзор.

Покинув порт Санкт-Петербурга, направимся на запад в сторону Хельсинки, проходя 25 морских миль Морского канала, приблизительно около 03.00 часов высадим лоцмана и направимся курсом на запад к финским берегам. Около 03.40 часов пройдем остров Сескарь, который будет виден по левому борту корабля, около 05.16 часов по правому борту сможем увидеть остров Сомерс. Около 7.00 часов будем проходить вдоль острова Готланд, который будет виден по правому борту. Приблизительно в 11.00 часов, взяв лоцмана на борт судна, пройдя различные островки и скалы, направимся в порт Хельсинки. Около 18.00 часов наш лайнер покинет причал, направится в открытое море курсом на запад и начнет транзит в Финском заливе в направлении Стокгольма.

Под утро ему приснился сон: по Загородному проспекту женщины в ватниках несли серебристый аэростат, а впереди шагал отец, ветер трепал полы кавалерийской шинели, шапку-ушанку он держал в руке, а крупная лысая голова тускло отсвечивала на солнце. Вдоль тротуаров стояли люди и глядели на небо, где медленно летели вражеские самолеты. И тут Глеб увидел свой дом, дом пылал, башенку снесло бомбой и из пробоины летели белые листочки бумаги.

Проснулся от сердечных перебоев, ломило в висках. Глеб Иванович принял лекарство, привел себя в порядок и отправился в ресторан на девятую палубу. Туристы уже заканчивали завтракать. Шведский стол ему понравился. Бери, что хочешь. Некоторый конфуз случился с автоматом, Карпеко никак не мог найти кнопку, подающую горячую воду для чая. Выручила пожилая англичанка. Она показала, где пакетики с чаем и на какую кнопку следует нажать. Несколько минут они поговорили о погоде. Глеб Иванович с удовольствием отметил, что еще не забыл разговорный английский. Отец знал не то пять, не то шесть языков, мама свободно говорила по-английски, но разговорному языку Глеба Ивановича научил друг Пашка, он знал даже кокни — сленг лондонских окраин. Пашка хохотал и говорил: «Английский шпион должен знать язык».

Глеб Иванович вспомнил сон. Он не верил в значимость сновидений. Но в последние месяцы отец снился ему часто — сны были отчетливые, цветные. Ровесница Карпеко уборщица бабка Маня как-то сказала ему: «Глеб, ты же старик, пора и поумнеть». — «Не понял, Маша». — «Завтра родительский день, сходи в церковь — собор-то рядом, поставь родителям свечку. Небось, снятся, сознайся. То-то. А так им облегчение выйдет».

Шел мелкий теплый дождь. Хельсинки не произвел на Карпеко особого впечатления. Осколок Петербурга, не более того. Разве что почище. По просьбе туристов гид повела русскую группу в магазин всемирно известной фирмы «Стокманн», Глеб Иванович отказался, прошелся по площади, знакомой по фотографиям, постоял у памятника Александру II. Жирные голуби, переваливаясь, бродили по брусчатке. Туристы облепили лестницу, ведущую к лютеранской церкви, и сразу можно было отличить, где русские, где иностранцы. Царь грустно взирал на молодежь, Карпеко даже показалось, что губы его иронически кривятся. Финны боготворят императора, благодаря его усилиям Финляндия, бывшая бедной окраиной Швеции, получила государственность и со временем стала процветающим европейским государством. Спра-

---

ва высились купола Успенского собора. Собор был сложен из обожженного красного кирпича. Карпеко поднялся по выщербленным ступенькам лестницы. Дождь перестал, с заливом тянуло морской свежестью. Зелени много. Листья на деревьях еще не начали желтеть. В темных приделах храма пахло воском и ладаном, утренняя литургия закончилась. Глеб Иванович поставил свечи за упокой, долго стоял у иконы Николая Чудотворца, трепещущее пламя свечи высвечивало темный лик рыбака, праведника, покровителя моряков и путешественников. Николай Чудотворец был понятен и близок Карпеко, от иконы исходил покой, наверное, это и есть та самая благодать, которую испытывают верующие люди. В их квартире никогда не висело икон, отец был партийцем с дореволюционным стажем, мать вступила в партию в тридцатые годы, но были они все же по убеждениям либералами, как и большинство университетской интеллигенции. К чему привели извращенные либеральные идеи в нашу пору, кажется, всем уже ясно. Достоевский сказал: «Изыми из русского человека Бога, и он превратится в зверя...» И он превратился. Если зверю вложить в лапу свечу, он не станет человеком. Пожалуй, только его поколение детей войны, несмотря на жесткую идеологическую обработку, сохранило верность христианским заповедям. Впрочем, не судите и не судимы будете... Какой прок в этой строке из Писания? Две тысячи лет минуло, а человек не стал лучше. Недавно один его коллега из Гильдии судомоделистов, известный математик, сказал: «Наметилась странная закономерность: чем больше церквей, тем меньше прихожан. Социологи утверждают — кончилась мода на религию. Мода... Страшно подумывать, поневоле поверишь, что по Лиговке разгуливает Сатана и грядет конец света».

Когда Карпеко вышел из храма, по ступенькам поднималась его группа. Пара из Уренгоя несла охапку лыжных палок. Седой симпатичный мужчина обратился к Глебу Ивановичу:

— Извините... Не могли бы вы подержать эти штуковины, а то в церковь как-то неудобно.

— А что, в России нет лыжных палок?

— Это особые палки для спортивной ходьбы. Мы скоро.

Карпеко взял палки и подумал, что турист из него никудышный. И ведь не прервешь тур. Впрочем, если уж очень надоест, можно отсидеться на судне. Нет, его не раздражала русская группа. Народ подобрался солидный, из молодых — чета молодоженов, обоим за тридцать. За столом в ресторане, где надлежало ужинать (завтракать и обедать можно в любом

ресторане или в баре), компания тоже подобралась неплохая. Разве что выделялась дама из Петрозаводска, владеющая несколькими ювелирными салонами. Она являла собой эталон безвкусицы.

Группа собралась в автобусе, гид решила показать окрестности Хельсинки и какой-то модный католический храм в стиле модерн. Карпеко глядел в окно на зеленые газоны, аккуратно подстриженные деревья, дома и виллы и с горечью думал, что работающий, сдержанный по-северному народ не родил ни одного гения. Сибелиус — да. Но он апатрид, европеец и музыка его — воплощение североевропейской культуры. У финнов нет ни Толстого, ни Достоевского, природа не одарила их Пушкиным, Чайковским, Павловым, Королевым, они просто взяли готовое, как покупают модульные дома, и ухитрились создать государственное устройство, которое ближе всего к социализму, а «развитой социализм» с треском провалился.

Вспомнился предутренний сон: горящий дом, обрушившаяся башенка. Может, с домом в самом деле что-нибудь случилось?

Вся жизнь Карпеко была связана с домом у Пяти углов, здесь он родился, ходил в детский сад, потом в школу, отсюда ушел поступать в Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского. Глеб Иванович любил свой дом, любил свою улицу, история которой тянулась с 1740 года. В ту пору строители проложили мощенный деревянными плахами проезд от Невского проспекта до Загородной дороги. Поначалу проезд назывался Головкинским переулком (дача канцлера Головкина находилась неподалеку), затем Троицким переулком, Троицкой улицей, переименованной уже при советской власти в улицу Рубинштейна.

В 1913 году на углу Троицкой и Загородного проспекта вырос доходный дом с башенкой, куда переехала семья деда Глеба Ивановича, известного петербургского адвоката. В этом же доме вскоре поселился композитор Антон Рубинштейн. Дед умер в пятнадцатом году, бабушка Елизавета пережила его на год.

С раннего детства мать Мария Константиновна была для Глеба самым близким и понятным человеком, отец же играл роль сказочного божества. Божество жило в кабинете, где стояли кожаные кресла, огромный кожаный диван, дубовые книжные шкафы с книгами. А письменный стол был так велик, что на нем можно было расставить всю коллекцию оловянных солдатиков, принадлежавших еще деду Глеба. Отца

все уважительно называли профессором. В кабинете пахло трубочным табаком и еще лесом. Наверное, потому, что на стене висела голова лося со стеклянными глазами и охотничье ружье. Из-за этого ружья Глеба не пускали в кабинет. Когда отца не было дома, он осторожно подходил к кабинету, приоткрывал дверь и вдыхал тревожащий и волнующий запах, свидетельствующий о загадочной, полной приключений жизни отца.

С образом отца, суховатого, строгого, совсем не вязался ополченец в длинной кавалерийской шинели, обтянутый ремнями, с маузером в деревянной кобуре. Иван Иванович снял круглые очки, отчего лицо его стало мягким и растерянным, погладил Глеба по голове и тихо сказал: «Береги мать, сын!» Отец командовал ротой ополченцев и погиб в первом же бою.

Позже Глеб узнал, что отец — крупный ученый, физик, в молодости участвовал в студенческих волнениях, был сослан в Сибирь, воевал вольноопределяющимся в Первую мировую, перешел в Красную Армию и лично знал Фрунзе. Красный профессор имел охранную грамоту от самого Ленина, его не коснулись репрессии, и в квартиру не подселили жильцов. Профессор сам отдал две комнаты и часть кухни с черным входом семьям рабочих Путиловского завода. Почти все время он проводил в университете, иногда за ним приезжал черный автомобиль из Смольного.

А мама была светлая, легкая, как бабочка, и веселая. У нее тоже было непонятное звание: доцент, но это для работы, а дома она была просто мамой. Глеб и мама жили в светлой, с веселенькими обоями спальне, где на этажерках сидели и лежали диковинные игрушки, оставшиеся еще от дореволюционных времен. И книги тоже были старинные, с золотыми обрезами, картинки в них были переложены тонкой ароматной бумагой.

Мама долго не старилась, была легка на подъем, моталась со студентами по старинным русским городам. Она преподавала в университете историю.

Пожалуй, единственный промежуток в жизни Глеба — эвакуация в Кострому — был прописан блеклыми, невыразительными красками и запомнился плохо. Жестокие морозы, снег, утром розовый, вечером синий, каменные торговые ряды, скудный рынок, гудящая барахолка, на которую выплескивалось все, что залежалось в сундуках, инвалиды, торгующие камушками для зажигалок. Мама работала редактором на радио, вставала чуть свет, домой ее привозили заполночь на старой дребезжащей полуторке. Жили у родственника отца розовощекого неунывающего старика Викентия Евграфови-

---

ча, в прошлом военного врача. Когда-то в покосившемся деревянном доме жила большая семья, из окна второго этажа видна была схваченная льдом Волга, а за ней в сизой дымке проглядывались купола Ипатьевского монастыря. В ту пору Викентию Евграфовичу было за семьдесят, он участвовал в Русско-японской войне, и рассказывал десятилетнему Глебу удивительные истории. В спальне у старика на стене висел самурайский меч. С утра Викентий Евграфович, несмотря на стужу, брал саквояж и обходил больных. Так и запомнился: маленький, сухонький, с потертым саквояжем, с тяжелой тростью в руке, упорно шагающий меж сугробов. Ту страшную зиму они выжили только потому, что Викентий Евграфович загодя запасся дровами и перловой крупой. Крупа хранилась на чердаке в больших медных кастрюлях с крышками. Огромные серые крысы не могли сдвинуть крышки и нехотя разбегались по темным углам, когда старик с Глебом, подсвечивая фонариком, поднимались на чердак. Черные тени шарахались в сторону, по стропилам скользили мутные пятна света. И еще на чердаке стоял гроб. «Моя домовина», — с хитровой усмешкой говорил Викентий Евграфович, всякий раз хлопая по крышке гроба заледенелой рукавицей. И даже когда кончились дрова, старик не позволил сжечь гроб. Топили старыми книгами в черных переплетках. «Батюшка мой, иерей, Царствие ему Небесное и вечный покой, жил в сомнении, читывал недозволенные книги по черной магии, за что лишен был сана и предан анафеме. Большевички-то нас оттого и не тронули. Поп-то поп, да революционер. — Старик заливался звонким смехом. — А уж силен был. Не приведи господи. Опростился. В грузчики пошел. Трехпудовые мешки играючи швырял. Выпивал сильно. А как выпьет, говорит: «Бога нет, мужики, декретом отменили! А есть Лев Николаевич Толстой». Грузчики пробовали его учить. Куда там, у него кулаки, что кувалды».

Когда прорвали ленинградскую блокаду, старик долго стоял на коленях перед образами, а утром умер.

Глеб не собирался становиться военным. Он давно решил поступать в Политехнический на электромеханический факультет. Он с детства любил и понимал механизмы. На это решение повлияли пустячные, на первый взгляд, обстоятельства: Глеб еще в девятом классе начал лысеть. Юноша, болезненно застенчивый, ранимый, очень переживал. Мать пыталась успокоить: «Перестань! Весь род Карпеко по мужской линии рано облысел. Твой дед, адвокат, судя по фотографиям, был лыс к тридцати годам. И что? А отец? Он облы-

---

сел еще аспирантом. Но это не помешало ему стать крупным ученым. Вздор! Только в эпоху Николая I к лысым относились настороженно».

Не помогло. Глеб не ходил на школьные танцевальные вечера, стал малообщителен, даже охладил к другу и однокласснику Пашке Звягинцеву. Тогда-то он и пристрастился к судомоделированию. Только в мастерской, где пахло лаком и клеем, а на верстаках лежали сверла, улавливатели для обрывков проволоки, ножи, пинцеты, в углу возвышался пресс, он чувствовал себя спокойно и уверенно. Уже первые его модели парусников вызвали интерес у преподавателей. Решение пришло весной, перед экзаменами на аттестат зрелости. Белые ночи только набирали силу, в скверах робко расцветала сирень, Глеб шел по набережной Фонтанки, навстречу ему попался моряк, курсант-старшекурсник. На ленточке бескозырки золотом было тиснуто «Высшее военно-морское инженерное училище имени Дзержинского». В сознании отпечаталось: «Военные постоянно носят головной убор...»

Он сдал все экзамены на «отлично». Перед отправкой в военный лагерь курсантов постригли под «ноль», Глеб подошел к зеркалу, глянул на себя и рассмеялся. Рядом с ним торчали рожицы стриженных мальчишек, и, пожалуй, только у него была такая аккуратная, даже красивая голова.

Полностью избавиться от комплекса Карпеко не удалось, он все так же был застенчив, робок с девушками, но курсантская жизнь закалила его, он мог постоять за себя и безболезненно реагировал на шутки.

3

Навигационный обзор.

Около 03.00 часов возьмем на борт лоцмана, который проведет нас в Стокгольмском фьорде (его длина приблизительно 84 километра), где возвышаются маленькие домики и маяки. Прибытие в шведскую столицу предусмотрено в 08.30 часов.

Стокгольм расположен в Балтийском море и растянут на различных островах, пересечен десятками каналов, его также называют Венецией Северной Европы. Приблизительно около 17.00 часов наш лайнер покинет причал, пройдя снова в Стокгольмском фьорде в обратном направлении курсом на Копенгаген.

Стокгольм — столица строгая, холодноватая, а в старой части и величественная. Развод караула у королевского дворца, четко, сдержанно, деловито — у нас пышнее, ярче и опе-

---

реточней. Армия и флот в упадке, зато появился президентский полк. Гарцуйте, ребята, во славу Российскойскую, пускайте обывателям пыль в глаза.

Красивый город. Его еще называют «красота на воде». Четырнадцать островов, семь мостов, в каждом доме по привидению. Главное городское привидение Черный монах Гедеон ночами бродит по улочкам старого города, попугивая припозднившихся прохожих...

Гид увлекла группу по брусчатке дальше. Глеб Иванович с трудом поспевал за туристами. Впечатления наслаивались друг на друга, слипаясь в яркий ком. Он не взял с собой фотокамеру. Зачем? Фотографии городов, которые ему предстоит увидеть, тоже перемешаются между собой и трудно будет определить, где что.

Запомнился зал ратуши, где устраивались банкеты в честь нобелевских лауреатов.

Глеб Иванович физически ощущал, как пустеет вокруг него пространство. Один за другим уходили из жизни друзья, сослуживцы, однокашники по училищу. Новый режим безжалостно выжигал его поколение, поколение детей войны. Полуголодные, плохо одетые девочки и мальчики, рано взвалившие на свои неокрепшие плечи послевоенные тяготы, сгорали, как сено на ветру. Карпеко с досадой читал о «шестидесятниках» — почему-то исключительно поэтах и писателях, и фамилии были одни и те же. Но ведь существовали и другие «шестидесятники», те, что летали в космос, поднимали целинные земли, осваивали новую военную технику. Многие погибли, и имена их надолго, а то навсегда исчезали из памяти. Пока поэты-фронтеры, заигрывая с властью, раскатывали по Европе и Америке, их ровесники строили БАМ, вкалывали в шахтах, несли боевую службу в океане и дежурства у ракетных комплексов. О них тоже писали, порой восторженно, но как-то общо — они были лишь толпой, массовой. А в то же время в стране, в кулуарах власти сколачивалась пятая колонна, которая и послужила детонатором разрушительной перестройки. Проклятая народом, она унесла большую часть его поколения. И теперь, когда жизнь скатывалась за горизонт, Карпеко потерял последнего друга.

С Пашкой Звягинцевым дружил с пятого класса. Глеб Иванович и сейчас помнил, как классная руководительница Эмма Петровна ввела в класс рослого светловолосого, голубоглазого паренька и представила:

— Наш новый ученик Павел Звягинцев.

На парнишке была ладная темно-синяя курточка с погончиками, узкие серые брюки и ботинки на толстой подошве. Ребята, в основном блокадники, одевались скромно: лыжные костюмы, телогрейки, куртки, перешитые из материнских пальто. Звягинцев сразу же не понравился: пижон, задавала. Неприязнь усилилась после урока английского языка. Англичанка, старушка с дряблыми щечками, тощая, в старомодном пенсне спросила Звягинцева, как его зовут. Пашка, поклонившись, ответил по-английски. И они несколько минут свободно переговаривались, а ребята в классе сидели с открытыми от удивления ртами. Наконец учительница, протерев пенсне батистовым платочком, сказала:

— Дети, Павел Звягинцев несколько лет прожил в Англии, учился в школе при советском посольстве. Он может вам рассказать много интересного об этой капиталистической стране.

После уроков к Звягинцеву подошел Васька Харченко, гроза всей школы, ходил слух, что он связан с лиговскими блатными.

— Ты, буржуй, где такие корочки отхватил?

— Корочки? — удивился Пашка.

— Не тянешь по фене, фраерок. Ботинки где брал?

— Не знаю. Отец купил. В Лондоне много хороших обувных магазинов. И товар качественный.

— Качественный? — Харченко стал багроветь. — Небось, сука, всю войну хлеб белый жрал, да еще с маслом.

— Ребята, я знаю, вы перенесли блокаду! Я в этом не виноват. Кстати, Лондон тоже бомбили, обстреливали ракетами...

Он не успел закончить, Васька широко размахнулся, собираясь влить новичку оплеуху. И тут произошло нечто странное: Пашка поднырнул под его руку, коротко ударил правой под дых, а когда Васька согнулся от боли, добавил левой в подбородок, — Харченко рухнул на пол. Попытался встать — не получилось, сидя, утерев кровь, тихо и страшно сказал:

— Все, теперь тебе чехты, на перо кореша поставят.

Пашка усмехнулся.

— Посмотрим.

Вечером мама сказала:

— А у нас новые соседи. Ответственный работник с семьей. Солдаты разгружали машину с мебелью. Мебель так себе, казенная, с инвентарными номерами.

Утром Пашка Звягинцев самовольно пересел на парту к Глебу:

— Не возражаешь, сосед?

— Сиди, мне-то что.

— Харченко и в самом деле опасен или духарится?

-
- Точно не знаю. Говорят, что связан с лиговскими.
- Бандиты?
- Вроде того.
- Переживем. Посмотри, что у меня есть. — Пашка вынул из кармана небольшой пистолет из черной вороненой стали.
- Настоящий? — шепотом спросил Глеб.
- Конечно. Браунинг. Так, мелкашка. С трех метров кучно не бьет, но пугнуть можно. Бандиты стволы уважают. А если что — на поражение.
- Где ты его взял?
- А вот это неважно.
- А где ты так драться научился?
- Брал частные уроки бокса, да и батя натаскивал. До войны он был чемпионом Московского округа.
- Он военный?
- Вроде того.

К счастью, применять оружие не пришлось. Через неделю Харченко прямо с урока забрали какие-то люди в штатском. Оказалось, пятнадцатилетний парень входил в банду, которая грабила поезда на Октябрьской железной дороге.

Отец Пашки работал в Большом доме на Литейном, мать, бывшая балерина, преподавала в хореографическом училище. Семья жила в крепком достатке. Отца друга Глеб видел нечасто, тот рано уезжал на трофейном «опель-капитане» и поздно возвращался, а иногда надолго исчезал. Вера Сергеевна — мать Пашки, худенькая женщина, похожая на девочку-десятиклассницу, подкармливала Глеба, доставала контрамарки, и друзья за год пересмотрели весь репертуар Мариинки. В девятом классе Пашка стал писать стихи, а вскоре подборку его стихотворений напечатали в журнале «Звезда». После школы их пути разошлись. Глеб поступил в Дзержинку, дома бывал редко, только в увольнениях. Пашка прошел по конкурсу на филологический факультет университета. Память Карпеко сохранила образ Пашки Звягинцева тех времен: красивый блондин с набриолиненным коком, клетчатый пиджачок, брюки-дудочки, белые носки, туфли на толстой каучуковой подошве — стилияга, всегда в окружении поклонниц, поэт, спорщик и по-прежнему надежный товарищ.

Глебу Ивановичу было уготовано стать свидетелем крушения семьи Звягинцевых. В 1952 году не вернулся из загранкомандировки отец Пашки — Артем Павлович, а еще через два года арестовали Пашку за участие в антисоветской молодежной организации, и он сгинул в лагерях на долгие десять лет.

Глеба несколько раз вызывали на допрос к следователю в Большой дом, потом отступились. Что мог знать о какой-то организации, покушавшейся на государственное устройство, курсант закрытого учебного заведения, к тому же отличник и кандидат в члены партии?

Вера Сергеевна стойко перенесла удар, только как-то разом поседела. Глеб окончил училище, уехал служить на Балтийский флот. Одиночество и горе сблизило двух пожилых женщин: Вера Сергеевна перебралась к Карпеко, свою квартиру сдавала внаем, тем и жила — ее как мать зэка по политической статье, подвели под увольнение.

Пашку после долгой отсидки выпустили, но это уже был другой человек. Приехав в Ленинград в очередной отпуск, Карпеко не узнал друга: худой, стриженный наголо, с черными разбитыми кистями рук, Павел угрюмо сидел за столом, пил водку и не пьянел. Молчали. Вера Сергеевна пробовала оживить беседу, но вскоре и она умолкла. И Глеб, и обе пожилые женщины испытывали чувство вины перед этим рано постаревшим человеком с пустыми, тусклыми глазами.

Мать потом рассказывала, что Паша лишь через полгода стал понемногу приходить в себя, а тут новая беда — умерла Вера Сергеевна. Жизненной энергии у нее хватило только на то, чтобы дождаться сына. На работу Звягинцева никуда не брали. Днем он отсыпался, ночью работал грузчиком на станции Ленинград—Товарная. Ни с кем не общался, лишь иногда заходил к матери Глеба — помочь по хозяйству. Когда Глеб приезжал в отпуск, Звягинцев сторонился его. Сблизились они лишь через несколько лет, после возвращения Карпеко в Ленинград. Случилось это одним из вечеров.

Марию Константиновну, мать Глеба, на «скорой помощи» увезли в больницу — инфаркт. Глеб сидел потерянный. Сын Валерка спал, тихо было в доме. Вдруг в прихожей задребезжал звонок, Карпеко кинулся открывать, почему-то подумал, что это из больницы, с матерью плохо. В дверях стоял Паша с бутылкой водки.

— Пустишь старого зэка и английского шпиона?

— Дурак ты, Паша. Мать увели в больницу. Слышал?

— Потому и пришел. По себе знаю, как хреново на душе, когда мать болеет. Доставай стаканы. Курить у тебя можно?

— Кури. Совсем ты одичал, Паша. И друзей забыл. Может, я виноват перед тобой? Скажи.

Павел достал пачку дешевых сигарет «Прима», самодельную зажималку, закурил и, глядя исподлобья на Карпеко, сказал:

— Понимаешь, я лишь недавно осознал, что жив, и это обстоятельство меня огорчило. Без понтов, как говорят мои

друзья уголовники. И потом, ты кавторанг, а я пыль лагерная, бывший зэк, да еще по пятьдесят восьмой статье. Зачем мне на тебя тень бросать?

— Сволочь ты, Пашка. Так мужики не поступают. Лелешь свою обиду, упиваешься ею. Как мазохист. Я-то в чем виноват?

— Ты прав... Купаюсь в обиде, даже удовольствие получаю. Верно, мазохизм. Разливай.

— Погоди, надо же чем-то закусить.

— Лишнее. Выпьем по рюмке и разбежимся. Мне вагоны разгружать, тебе ждать звонков из больницы. Еще наговоримся.

Матери не суждено было выписаться из больницы. Похоронили ее на Волковом кладбище, в семейной усыпальнице Карпеко. Паша прибился к опустевшему дому. Это был второй и, пожалуй, самый яркий период их дружбы. Звягинцев потянулся к Валерке, они много времени проводили вместе, иногда ссорились, как дети, но быстро мирились.

— Своеобразный парень растет, — как-то сказал Павел. — Ярко одаренный пацан. Ты хоть знаешь, что он призер двух математических олимпиад? В Щедринку ходит читать английские технические журналы. Бредит автомобилями. А к слову... глух, художественную литературу — строго по программе, русский нужно подтягивать, не то в автодорожный не поступит.

— Автодорожный в Москве?

— А что? Удержишь? Пустое... Недавно заявил — поэзия не нужна, отвлекает. Лермонтов — нытик, Достоевский — сумасшедший.

— Физики и лирики. Вечный спор!

— Надуманный спор. И потом, черствый он какой-то. Не улыбнется.

— Без матери растет.

— Женись! Так и будешь бирюком жить? Ты же мужик в соку. К тому же лысые сейчас в моде.

— Чья бы корова мычала.

— Я — особь статья. Я в Дублаге помер, а меня забыли похоронить.

— Опять двадцать пять! Я однолюб, Паша. После гибели Кати... не могу.

Павел редко говорил о пережитом. Однажды каким-то особенно мутным вечером друзья сидели на кухне за бутылкой. За окном молотил дождь. Ветер подхватывал капли и швырял в оконное стекло.

— Меня не сломали ни тюрьмы, ни лагеря, — сказал Павел, глядя в одну точку. — Человек, когда он молод, полон сил

и обременен идеей, как лучше устроить мир, быстро адаптируется к тяжелым условиям. К тому же к шестидесятым режим стал мягче. Я два года провел в одиночке и имел возможность усовершенствовать английский язык, изучить право, всю казуистику юриспруденции. В лагерях, особенно в Дублаге, я встретил людей поразительной силы, академической образованности: священнослужителей, историков, правоведов, писателей. Было немало диссидентов, в основном еврей-радикалы с политическими убеждениями, замешанными на русофобии, другим просто нужно было выехать на историческую родину, я держался от них в стороне. Но, несмотря на разницу политических взглядов, жили мы дружно, стучащей сразу определяли, выводили на чистую воду. Лагерь — мои подлинные университеты.

Меня, Глебушка, сломила действительность, когда я после десятилетней отсидки оказался на воле и испытал что-то вроде шока. Конечно, за колючку доходили слухи о том, что происходит в стране. Знали мы о разочаровании хрущевской «оттепелью», об ужесточении правящего режима, перебоях с продовольствием. Информация воспринималась отстраненно, словно сведения поступали с иной планеты. А вот когда увидишь все своими глазами, прочувствуешь на себе бюрократическую круговерть — иное дело. Больше всего меня поразила всеобщая ложь, как бы узаконенная, ставшая компонентом власти, толерантность народа ко лжи и полная неспособность к сопротивлению.

Мы ведь не собирались ниспровергать существующий строй, а лишь поправить его: двухпартийная система, свобода печати, слова и прочие наивные интеллигентские штучки. Маниловщина! Мы не выставляли никаких экономических требований, принимали в целом коммунистическую идею, верили в равенство и братство. Идиоты! Оказалось, ничего этого народу не нужно. Мы, мальчишки и девчонки, вчерашние школьники зря отмотали срок. А многие остались там, в тундре, под безвестными табличками.

Павла по-прежнему не брали на работу. Справка о реабилитации не действовала. С трудом устроился слесарем-сантехником в жэке — в зоне многому научили. Подрабатывал переводами с английского, готовил учеников к поступлению в вузы. С годами он стал очень походить на отца, носил его заграничные костюмы, рубашки и галстуки. Вера Сергеевна сохранила одежду мужа в трудные годы, все ждала его возвращения. Глеб как-то сказал: «Пашка, ты самый элегантный сантехник в Питере». Звягинцев усмехнулся: «Посидел бы с мое. Политэзки всегда отличались от уголовников тем,

---

что тщательно следили за собой: телогрейка заштопана, роба чистая, валенки в порядке. Был один профессор-генетик, он превосходно подшивал валенки».

И в квартире у Павла царил удивительный порядок.

Незадолго до смерти Павла друзья махнули на пару дней в Зеленогорск, порыбачить на озеро. В электричке Звягинцев был возбужден, на обтянутых скулах проступил румянец. Он в последнее время крепко сдал, похудел, посерел, густые волосы поредели, обнажая бледную кожу.

— Я давно перестал удивляться нашему перманентному идиотизму, — сказал Паша. — Сменилась власть. И что? Стало еще хуже. Путаница даже в таком элементарном вопросе, как оценка труда. За технические переводы мне платят гроши. Устроился в редакцию издательства, специализирующегося на издании детективов и дамских романов. Такая страшная лабуда, иногда целиком приходится переписывать, зато бабки платят приличные. И эту галиматью читают. Россия как-то разом поглупела.

— Скоро совсем читать перестанут. Что-то тебя долго не было видно? Уезжал?

— Какое! На обследовании в больнице Коняшина лежал.

— Ну и как? Обошлось?

— Как же! Нашли. Говорят, что Михаил Аркадьевич Светлов, когда узнал о болезни, обзвонил друзей: «Мужики, приходите с пивом, рак у меня уже есть».

Карпеко похолодел:

— Шутишь?

— Какие шутки. Четвертая стадия. Предложили облучение. Я согласился. Онколог, веселый мужик, говорит: «Есть и радостное известие: теперь можешь не бросать курить». Все, закрыли тему.

На берегу лесного озера было душно. То и дело срывался дождь, не клевало, комар бил нещадно. Разожгли костерок.

— Знаешь, Глебушка, я ни о чем не жалею, — сказал Павел. — И смерти не боюсь, насмотрелся. А вот все же хочется узнать, чем вся эта вакханалия в стране закончится.

— Ты уверен, что закончится?

— Все, дружище, кончается. Вопрос лишь времени.

Смерть друга окончательно оборвала контакты Глеба Ивановича с внешним миром. При этом — вот что странно — он как бы заодно лишился прошлого, память, оберегая его, закрыла люки в трюмы, где хранились воспоминания. Но здесь, на двенадцатипалубном лайнере, люки сами собой открылись, и теперь он путешествовал в обратном направлении, словно под воздействием машины времени. Воспоминания

были яркие, отчетливы, будто мозг напоследок высвобождал нерастратченную энергию. Сам круиз с суматошной жизнью на борту был лишь фоном этого волнующего процесса.

4

Навигационный обзор.

Продолжив навигацию в направлении Копенгагена курсом на юго-запад, приблизительно около 4.36 часов по левому борту увидим остров Готланд, вдоль которого пройдем приблизительно до 10.00 часов. Около 16.00 часов минуем канал Оланд, который назван в честь одноименного голландского острова.

Поздно вечером, приблизительно в 22.00 часов, пройдем пролив Борнхольм, который отделяет Швецию от острова Борнхольм, далее в 23.00 часов возьмем курс на запад вдоль шведских берегов.

Мучаясь от бессонницы, Карпеко вспоминал встречу с сыном, взирая на нее как бы со стороны. Да, внешне все было благопристойно. Сын его не бросил, как мог, заботился о нем, изредка звонил, присылал деньги. И все же их встреча мало напоминала встречу родных людей. Глеб Иванович был уверен, что, уже садясь в такси, Валерий забыл о нем, мысленно готовясь к встрече с японскими партнерами. Видимо, правы социологи, утверждая, что семьи распадаются, рвутся кровные узы, их заменяют отношения по интересам на западный лад. И потом это облегченное отношение к браку: неверная жена, детективы, расторжение брачного контракта — все просто. А как же любовь? У него, Карпеко, было короткое, яркое счастье, но его хватило на всю жизнь. Он настолько любил жену, что его любви недоставало сыну. Все беды от дефицита любви. Христианская мораль построена на любви к ближнему своему. Виноват, конечно, он, отец. Пашка частенько укорял его за недостаточное внимание к мальчику. Пока была жива бабушка, ласку Валерий получал от нее, а как ушла, парень замкнулся в себе, как-то быстро повзрослел и стал удаляться. Когда сын уехал учиться в Москву, Глеб Иванович не испытал сожаления. Валерий хорошо обеспечен и ладно. Рядом был друг, и Карпеко не ощущал одиночества. Есть ли у Валерия друзья? Вряд ли, скорее, партнеры, с которыми ухо нужно держать востро, не то подставят или закажут, наймут киллера. Иная мораль.

Глеб не принимал эту мораль, не принимал и жизнь, творящуюся за окном. Перезванивался с двумя-тремя коллегами по Гильдии судомоделистов. Все. Как-то Глеб Иванович ска-

---

зал Звягинцеву: «Знаешь, я который уж год чувствую себя внутренним эмигрантом». Павел с неожиданной резкостью ответил: «Туфта! Режим тебе отвратителен, а живешь на льготных условиях. Твоя эмиграция — фи́га в кармане». И ведь он прав.

Любопытно, что думают о нем, Карпеко, соотечественники из русской группы? Угрюмый старик, держится в стороне, участия в общих разговорах не принимает. О чем говорить? Он человек другой эпохи. Вон седой инженер из Нижнего Новгорода лет на двадцать моложе его.

— Вы инженер по какой части? — спросил у него Карпеко.

— Кораблестроитель.

— Сормово?

— Оно, родное.

— Я в шестьдесят первом два месяца проторчал в Сормово, готовились перегонять на Северный флот лодку 665 проекта.

— Лодка дизельная?

— Да.

— Не по моей части. К тому же в Сормово я попал в середине семидесятых.

— Ясно.

Сегодня утром во время завтрака Глеб видел остров Готланд — так, ничего особенного, кусок скучной суши с редкой зеленью, а пятьдесят лет назад курсант Карпеко вздрагивал при одном упоминании названия острова.

...После первого курса их, мальчишек, отправили на первую морскую практику. На третий день у острова Готланд учебный корабль «Комсомолец» попал в девятибалльный шторм. Кошмар продолжался почти неделю. У Глеба, похоже, начались галлюцинации. Он видел, как вдоль притоки медленно идет огромная черная крыса, она мягко перепрыгнула на ноги Глеба — он почувствовал ее сытую тяжесть, — и, шевеля усами, стала грызть шкерт, на котором крепилась подвесная койка. Шкерт лопнул, койка спружинила, выбросив несчастного мореплавателя на стальную палубу. В тот день, потирая ушибленную задницу, Карпеко дал себе слово, что ни за что не пойдет служить на надводные корабли — только подводные лодки. Они в шторм погружаются на глубину, где нет этой проклятой качки. Большинство курсантов привыкли к концу практики, а Глеб так и проходил с наволочкой в кармане — его выворачивало даже на легкой волне.

...Карпеко проснулся с тяжелой головой, пошел завтракать. Лайнер подходил к причальной стенке Копенгагена. Ярко светило солнце, небо голубело — ни облачка. Город от-

---

крывался сразу, дружелюбно распахивая объятия. Перед тем как отправиться на экскурсию, Глеб Иванович наскоро просмотрел судовую газету «Today».

«Капитан судна рад пригласить Вас на приветственный гала-коктейль, который состоится в театре Дуссе, палуба 2 и 3 (на носу судна)...» Мероприятие начнется в 18.15 для гостей 1-й смены, в 20.45 для гостей 2-й смены. Что же, вполне подходит. И еще: «Музыкальное сопровождение в исполнении Фантазии Квartet. Советуем формальную форму одежды».

В экскурсионном автобусе вполголоса говорили о предстоящем гала-коктейле. На хозяйке ювелирных салонов на этот раз был брючный костюм немислимой расцветки, напоминающий кимоно. Шею отягощал кулон с бриллиантами. Выпятив губы, она сказала:

— Формочка на итальянских офицерах сидит будь-будь, а на наших — все мешком. И затруханые они какие-то.

— А где вы в последний раз видели флотского офицера? — раздраженно спросил инженер из Нижнего Новгорода. — Флот развален, а те ребята, что остались, в джинсах ходят.

Копенгаген понравился сразу, в нем не было провинциальности Хельсинки, холодноватой, несколько даже надменной красоты Стокгольма, город был душевней, теплее, что ли. Подумалось: в этом городе можно побывать еще раз, походить по улицам, посидеть на скамейке неподалеку от памятника Андерсену, не случайно же великий сказочник избрал для жизни Копенгаген. Гид особенно не утруждала себя показом красот и достопримечательностей города.

Театр Дуссе по размерам ничуть не уступал московскому Малому театру, но оформлен был ярче и современнее. Официанты разносили шампанское и крошечные бутерброды с икрой. Музыкальное сопровождение соответствовало случаю.

Форма на офицерах лайнера сидела по-разному. Капитан был подчеркнуто элегантен, говорил на трех или четырех языках, знал даже несколько фраз по-русски, а вот старший механик походил на хозяина пиццерии, огромный живот распирал белую тужурку, он то и дело вытирал лоб платком. Самый рослый — корабельный доктор, бритоголовый, загорелый, вылитый профессиональный боксер. Младшие офицеры, как на подбор, красавцы. Их появление вызвало оживление среди женщин. Затем последовал концерт судовой самодеятельности. Пузатый механик, обладавший превосходным тенором, исполнил две популярные неаполитанские песни. Пели, плясали официанты, повара, уборщики кают, про-

---

давцы бутиков и даже крупье — создавалось впечатление, что на лайнер подбирали исключительно одаренных людей. Наконец гала-коктейль закончился, гости стали расходиться. Кто-то осторожно взял Карпеко под локоть.

— Здравствуйте, Глеб Иванович.

Карпеко удивленно обернулся.

Пожилой ухоженный господин в превосходно сшитом смокинге с улыбкой смотрел на него.

— Не узнаете? Химик-оператор матрос Семен Васильевич Пильгун.

— Пильгун? Не может быть?

— Может, Глеб Иванович, может!

Из синих сумерек зала плеснуло черной, отливающей соляной волной, проступило бледное, перекошенное от страха лицо матросика, уже нахлебавшегося воды. Видение возникло и исчезло.

— Уверен, что на этом круизе вы оказались не случайно, — сказал пришелец из прошлого.

— Нет, конечно. Грустный юбилей — пятьдесят лет с момента гибели нашей «малютки». Лайнер в конце круиза заходит в Таллин.

— Я по той же причине отмечаю этот день, как второй день рождения. А свечи в церкви ставлю за здоровье и за упокой. Я не знал, живы ли вы...

— Скриплю пока.

— После аварии вы ушли с флота или остались служить?

— Остался. Это же моя профессия. Направили служить на Черноморский флот, после модернизации лодку перегнали на Тихоокеанский, с шестьдесят девятого преподавал в училище в Ленинграде.

— Судя по дорогому круизу, живете неплохо.

— Грех жаловаться.

— Ну, а я закончил Плехановский институт, дальше — работа, бизнес. Послушайте, Глеб Иванович, давайте поговорим не на ходу. Приглашаю вас в ресторан «Клуб Делизоза». Его хвалят. Итальянская кухня, превосходные вина. Давайте завтра вечером посидим. Я закажу столик. Вы в какой каюте?

— Шестьдесят семь — тридцать.

— Всего доброго. Я позвоню.

Глеб Иванович вернулся в каюту и некоторое время не мог прийти в себя. Вот так встреча, нарочно не придумаешь. Ай да Сема-студент. Полгода, как из учебки, но голова работала. Толковый малый. В те времена студенты на флоте — редкость. В его послужной карточке, помнится, было написано:

«Исключен из института за систематические прогулы». Тоже мне, дисциплинарный проступок. Кто из студентов не прогуливает лекции? А тут выгнали. Очень странно. Но, пожалуй, самое странное, как Пильгуну удалось спастись. Все, кто находился в четвертом отсеке, сгорели, хоронить было нечего. В пятом, шестом отсеках тела хоть опознать было можно. В Ленинграде Глеб Иванович встречался с ребятами с аварийной «малютки». Боцман Лебедко остался служить в таллинской бригаде, принимал участие в подъеме лодки и последующих печальных мероприятиях. Очевидец.

После ужина Глеб Иванович натянул куртку, поднялся на девятую палубу и долго сидел на скамейке у подветренного борта. Ночь стояла беззвездная, невозможно было определить грань между небом и морем. И в этом угольном мраке вспыхивал и гас проблесковый маяк.

Карпеко окончил училище с отличием, и у него было право выбора флота. Он выбрал Балтийский. Там осваивалась новая техника. Его назначили на серийную «малютку» проекта А-615 с единым двигателем для подводного и надводного плавания. Слышанное ли дело? Лодка под водой на трех дизелях при форсажном ходе могла развить скорость до пятнадцати узлов. Глеба не смутила дурная слава лодок этого проекта. Из-за пожароопасности их так и называли — «зажигалками». Дело в том, что при работе дизелей по замкнутому циклу использовался жидкий кислород. В трюме четвертого отсека размещалась цистерна с 8,5 тоннами этой взрывоопасной жидкости. В училище Карпеко изучил тактико-технические данные «малюток» и был уверен, что ему удастся усовершенствовать, сделать безопасной эксплуатацию машинной установки лодки, не имеющей аналогов в мире.

Служба пошла хорошо. Год Глеб проплавал помощником командира боевой части, затем его назначили командиром. В бригаде Карпеко прилепили прозвище Умник. В отпуске он большую часть времени провел в Ленинградском химико-технологическом институте, изучая методы определения концентрации кислорода в замкнутых пространствах и различного рода химпоглопители.

В сентябре 1957 года «малютку» после очередной доработки спешно выгнали на мерную милю в акватории Таллина. Погода стояла ясная, машинная установка работала как часы. Инженер-капитан-лейтенант Карпеко сам измерял газоанализатором концентрацию кислорода в отсеках и в выгородке дизелей. И вообще у него была своя точка зрения по поводу пожароопасности «зажигалок».

Глеб вытер лицо платком, крикнул в переговорную трубу:

— Товарищ командир, прошу добро наверх.

— Что-нибудь случилось, механик?

— Нет, воздуху глотнуть, к полигону подходим.

— Добро.

На «малютке» все узкое. Человек с солидными габаритами с трудом протиснется. Флагмех уже два раза застревал в дизельной выгородке.

С командиром установились дружеские отношения. Жора Варакин тремя годами старше, знакомы с Ленинграда. Курсант Варакин был постоянным соперником Карпеко на первенстве Высших военно-морских учебных заведений по плаванию.

Упругий ветер ударил Глеба в грудь, забил рот, он задохнулся, закашлялся, натянул потуже пилотку.

— Да, свежеет.

Командир поднял воротник альпаковой куртки.

— Нужно успеть выполнить программу до шторма.

По серому куполу неба ветер разметал облака, словно кто-то вспорол перьевую подушку, море было черно, угрюмо, в отдалении вскипали желтые барашки.

— Сигнальщик, не спать! Смотреть в оба.

— Есть смотреть в оба, товарищ командир.

Глеб соскользнул на поручнях в пахнувший мокрой резиной центральный пост, сгибаясь, прошел в четвертый отсек. Его помощник, Костя Шереметьев по прозвищу Граф, сидел в штатном креслице, рядом прилепился химик-оператор Сема Пильгун. Оба рослые. Пост управления был устроен так, что весь поход они вынуждены были сидеть не выпрямляясь.

Отходили мерную милю в надводном положении, уже заметно покачивало. Лодка погрузилась на тридцать метров. После небольшой качки у Глеба гудело в голове, слизистый ком подпирал к горлу. Слышно было громкое хрумканье — Шереметьев грыз сухари. На него качка действовала странно. Он постоянно хотел есть. Тощий, как жердь, парень в день съедал два килограмма сухарей. Фельдшер Гайдамович, ведавший на лодке продовольствием, как-то сказал ему: «Грызун, я на тебя начет сделаю. И жрет, и жрет... И куда только в тебя лезет?»

Карпеко прошел в центральный пост уточнить у штурмана режим прохождения мерной мили в подводном положении. Это его и спасло.

Взрыв произошел в 15.05 — механик успел взглянуть на часы. Лодка содрогнулась, клюнула носом, силовая уста-

---

новка заглохла. Через некоторое время Глеб услышал шипение и легкий треск, в голове мелькнуло: «Горим...»

Командир дал команду:

— Боцман, выровнять лодку! продуть цистерны по-аварийному!

Лодка всплыла, и сразу же набравший силу шторм стал заваливать ее с борта на борт. Что-то с грохотом упало на палубу. Слышно было, как волна ударяет в рубку и с шипением оседает.

— Осмотреться в отсеках, доложить обстановку!

По межотсечной связи откликнулись командиры первого, второго и седьмого отсеков. Четвертый, пятый, шестой отсеки угрюмо молчали.

— Отдать якоря, радисту — сигнал аварии. Механик, твои предложения!

— Загазованность других отсеков неизбежна. Личному составу включиться в индивидуальные дыхательные аппараты. И еще, товарищ командир, необходимо уточнить обстановку в кормовых отсеках.

— Шторм, Глеб. Не добраться до входного люка в седьмой отсек. Людей смоем за борт.

— Меня не смоем. Главное — дифферент на нос, чтобы не заливало корму. Я управлюсь, боцман подстрахует.

— Одного я тебя не пушу. Где Шереметьев?

— Скорее всего, погиб.

— Тогда пойдешь с помощником, боцман на страховке. Помощник, слышал?

— Так точно.

— Всех людей наверх, разместить на палубе, мостике и в ограждении рубки. Если рванет цистерна с жидким кислородом, хоть кто-то спасется. Боцман, запасись шкертом, пусть моряки, что на палубе, привяжут себя к леерным ограждениям, не то за борт сыграют.

И тут погас свет. Вырубилось аварийное освещение.

— Твою мать! Посветите фонарем. Всем утеплиться — и наверх. Боцман, прими балласт в носовую цистерну, дай дифферент на нос, чтобы кормовой люк не заливало.

Желтый пляшущий свет скользнул по отсеку. Центральный пост с тумбой перископа с приборами показался Глебу маленьким и ненадежным.

— Механик, хлебни. Помогает от качки. — Командир протянул Глебу флягу.

Спирт обжег глотку, разом погасил тошноту. Голова работала четко. Офицеры поднялись на мостик. Черные тучи неслись над головой. Штормило. Лодка с приподнятой кормой выглядела странно, волна, не встречая препятствий, ударила

в рубку, заплескивая пенные языки через плексигласовый козырек. Моряки жались друг к другу. Глеб промок, но не чувствовал холода. К командиру протиснулся боцман Лебедеко. В телогрейке, оранжевом спасательном жилете, кривоногий. На ногах толстые, домашней вязки носки.

— Товарищ командир, люк седьмого отсека отдраен, я натянул страховочный конец. Пушай хлопцы за кончик держатся, бо смоеет...

— А сам как до люка добрался?

— Прогары скинул и бочком.

— Бочком это правильно. Ну, вперед, братцы. Помощник, ты старший.

— Добро. — Капитан-лейтенант Неверов натянул капюшон куртки. Волна саданула в рубку, окатив всех, стоящих на мостике. Помощнику досталось больше всех.

— Пошли, механик! Как вернемся, первым делом набью морду метеорологам. Шторм проморгали!

У люка в седьмой отсек Глеба едва не сшибло волной, с трудом удержался за скользкий конец. Хорошо, аварийный фонарь не сорвало, а то что бы они делали в темноте отсека. Натянул шлем-маску, включил подачу кислорода. Помощник командира был уже в отсеке. Луч фонаря высветил пятерых моряков, включившихся в индивидуальные дыхательные аппараты. В темноте отсека они походили на инопланетян. Неверов знаком показал, чтобы они покинули отсек. Карпеко прикоснулся к переборке шестого отсека и отдернул руку — в шестом продолжался пожар, если пламя перекинется в седьмой, — кранты. Единственное, что он может сделать, — задрать люк в седьмой отсек, прекратить доступ кислорода, тогда пламя погаснет. Так уже было. О емкости с жидким кислородом думать не хотелось. Рядом слышалось хриплое дыхание помощника командира. Неверов помахал рукой, указывая на люк.

На последней ступеньке трапа Глеб сорвал маску, глотнул свежего воздуха, его тут же окатило волной. И пока он, раскорячив ноги, плелся за помощником по пляшущей палубе, физически ощущал на себе взгляды моряков, привязавших себя шкертами к леерным стойкам. Эти взгляды он будет помнить всю жизнь.

На мостике их ждал командир. Офицеры и матросы расступились, освобождая пространство.

— Ну что, механик?

Карпеко с трудом разлепил губы:

— По всем признакам в четвертом, пятом, шестом — пожар. Люк в седьмой задраили, личный состав из отсека эвакуирован.

— Рвануть может?

— Может.

— Что-то еще можно сделать?

— В случае взрыва цистерны нужно хотя бы снизить давление ударной волны, для чего нужно срочно разгерметизировать прочный корпус.

Вытерев ладонью мокрое лицо, Глеб, стараясь перекрыть грохот шторма, крикнул в ухо командиру:

— Мы с боцманом попытаемся открыть захлопки на газотводе дизеля и клинкет на вытяжной вентиляции, потом убедим дифферент на корму. Дальше как повезет.

— Добро, действуйте.

Управились за полчаса. Лодку на ровном киле раскачивало, как куклу-неваляшку. Глеб спустился в центральный пост. Переборка в четвертый отсек была горячей, значит, угроза взрыва не миновала. Решение командира единственно верное — нужно спасти личный состав и ждать помощи. Бороться за живучесть в этой ситуации бессмысленно, только потеряем людей.

Часа через два к месту аварии подошли эсминец «Стойкий» и спасательное судно «Чугуш». По терпящей бедствие лодке прокатилось слабое «ура». Молчали только командир и механик. Глеб знал, что в прочный корпус уже поступило много воды, «малютка» осела. Подать на лодку буксирный конец при такой штормовой волне и ветре вряд ли удастся.

Так и вышло. Буксирный конец подавали трижды. После того как на один из винтов спасателя намотался стальной трос, заводку буксира решили прекратить. Шторм нарастал, волны перекачивались через лодку, видно было, как в желтой пене мелькают головы матросов и старшин, привязанных к леерам.

— Сигнальщик! — крикнул командир.

— Есть, сигнальщик.

— Дай семафор на эсминец: «Прошу снять людей. Командир». Где штурман?

— Здесь, товарищ командир.

— Бинокль цел? Мой смысл.

— Цел.

— Погляди, что там на «Стойком»? Идет к нам?

— Никак нет. Отдают якоря. Расстояние до них порядка пятнадцати кабельтовых.

— Понял, — хрипло сказал командир и вытер pilotкой лицо.

«Все ясно, — подумал Глеб, удивляясь своему спокойствию, — командир эсминца боится, что лодка взорвется».

Боцман пустил флягу со спиртным по кругу. Минуло томительных три часа, к месту аварии подошли подводная лодка и базовый тральщик, их серые, будто размытые ветром силуэты проступили в сутеми. Они шли напрямиком на аварийную «малютку», но было уже поздно. Внезапно, потеряв продольную устойчивость с дифферентом на корму, лодка стала погружаться в море. Черная вода захлестнула рубку, схлынула, и сразу же послышался голос командира:

— Поддуть спасательные жилеты! Все за борт!

Карпеко не стал дожидаться очередной волны, сбросил ботинки, ухватился за край рубки и прыгнул в кипящее море. Нужно было отплыть подальше, а то затянет в водоворот. Он плыл кролем, как в былые времена на стометровку. Минут через пять ткнулся головой во что-то мягкое, поднял голову и увидел перепуганное лицо матроса. Тот хлебнул воды, протянул к Глебу руку и стал медленно погружаться, но механик все же успел удержать его на плаву, выдернул пробку спасательного жилета и торопливо поддул его. Матрос отрубился, лицо его было испачкано соляром — не поймешь кто. Остальное запомнилось плохо. Глеб, ухватив матроса за воротник, поплыл на спине, чутьем угадывая направление к пляшущему на волне тральщику. Силы гасли, матрос оказался тяжелым, как залитая водой шляпка. Последнее, что он увидел, — оранжевый спасательный круг, угодивший ему едва ли не в голову. Потом кругов стало много, они, вращаясь в воздухе, роились вокруг него, постепенно исчезая, потом стало совсем темно.

Очнулся он на узкой койке, тяжелая шинель, которой его накрыли, ерзала по нему, звездочки на погонах царапали щеку. Он открыл глаза, над ним зависла незнакомая усатая физиономия.

— Оклемался, кацо? — спросил незнакомец. — Вот и ладненько. Глотни!

— Что это?

— Пей, согреешься.

— Ты кто?

— Гоги. Неужели не слышал?

— Нет.

— Очень ты меня, дорогой, обидел. Все в Таллине знают Гоги, а ты не знаешь.

Окончательно механик пришел в себя только в госпитале. Купание в осенней воде не прошло для Карпеко даром, сутки метался в бреду.

Наконец кризис миновал. Медсестра с личиком мышки, воткнув в задницу механика шприц, пропищала:

— Теперь дела на поправку пойдут, организм у вас крепкий. К вам посетитель, доктор разрешил.

Вошел высокий седой человек. Темный костюм в полоску, блестящие штилеты, синий в белый горошек галстук. Незнакомца сопровождал начальник госпиталя. У дверей с пакетом в руке застрял красавец лейтенант Сашка Храбровицкий, порученец командира базы. Седой сел на стул и тихо сказал:

— Спасибо тебе за спасение сына. Большое спасибо.

— Спасение... кого?

— Твоего подчиненного, матроса Пильгуна.

— Какая-то ошибка, простите... Пильгун погиб в четвертом отсеке...

— Василий Аркадьевич, ему нельзя долго разговаривать, — сказал начальник госпиталя.

— Ну не буду тебя беспокоить. Вот, возьми на память, — седой протянул плоскую коробочку. — Еще мандарины и прочее... Поправляйся. Дай я тебя поцелую.

Незнакомец наклонился, поцеловал Глеба в щеку и поднялся. Порученец положил на тумбочку пакет, и посетители вышли. Механик, ничего не понимая, сунул под подушку коробку. Он взмок от слабости. Голова кружилась, и седой незнакомец, и начальник госпиталя казались ему продолжением бреда. Чепуха какая-то. Матрос, которого он спас, никак не мог быть Пильгуном. Глеб хорошо помнил, когда он вышел в центральный пост, химик-анализатор сидел на штатном месте, под ним в трюме латунная цистерна с жидким кислородом. Он не мог уцелеть. Перед глазами на мгновение возникло лицо командира, в ушах застрял его крик: «Прыгай, Глеб!», и механик уснул.

Вечером в палату, крадучись, проник штурман «малютки» Левка Белозеров в синем халате, из-под которого торчали тощие ноги в белых кальсонах, пижон и дамский угодник, выглядел нелепо: голова выбрита наголо.

— Ну, Глеб, ты и переполох устроил! — ухмыльнулся штурман. — Полный отпад: несколько адмиралов, член Военного совета, командир базы. Одни черные лимузины.

— Я-то здесь при чем?

— Чудило, ты хоть знаешь кого спас? Сына завотделом ЦК партии. Надо же, скромный парнишка. И не подумай.

— Скажи, Лева, зачем ты башку побрил? У тебя череп, как у папуаса.

— Сам ты папуас. Тебе-то что, вытер лысину ветошью, и порядок. А мои лохмы, попробуй, отмой.

— От чего отмывать-то?

— Неподалеку от полигона танкер с мазутом в шторм на-вернулся, мазут снесло волной, вот мы и барахтались в этом дерьме. Нас стащили в кают-компанию тральщика, у них там медпункт доктора развернули, ну обработали, перевязали, я в зеркало на себя посмотрел, не узнал и заплакал.

— А я где был?

— В отключке. Матросика так ухватил за воротник, едва пальцы развели. Тебя после перевязки в каюте Гоги Каберидзе положили, механика тральщика.

— Гоги... Значит, Гоги и в самом деле был. Сколько человек с лодки спасли?

— Семь.

Карпеко закрыл глаза, чувствуя, как по щекам скатываются слезы.

— Семь из тридцати трех! Какие ребята, Лева, какие ребята!.. А эсминец? Сука, встал в пятнадцати кабельтовых. У тебя выпить есть?

— Откуда? У госпиталя часовых выставили, никого не пускают. К тебе следователь приходил?

— Нет.

— Жди.

— А пошел он... Левка, мне отец этого... Ну, химика моего, какой-то пакет принес. Сашка Храбровицкий вроде на тумбочке оставил.

— Да вот он.

— Посмотри, что в нем. У меня сил нет.

— Тяжелый... Так, мандарины, в бумажки завернутые. Сроду таких не видел. Икра черная, несколько баночек. Шпроты. Еще что-то... Шоколад, конфеты. Нет, меня сейчас кондратий хватит: бутылка коньяка, пять звезд. «Двин». Хорошие люди в ЦК работают. Понимают нужды народа.

Карпеко сел, опираясь на подушку, в голове звенели колокольчики.

— Левка, что ты на меня смотришь, как пес на портовый кран? стаканы есть?

— А если сестричка войдет? Она же с ходу заложит.

— Штурман, ты хоть понимаешь, что мы заново родились? Учить тебя? Подопрь дверь стулом и давай из горла. Ребят помянем.

— Ой, да тут буфет с посудой! Ты же в адмиральской палате лежишь. Вот устроился!

Через неделю Карпеко разрешили ходить. Штурмана и боцмана выписали, отправили долечиваться в санаторий. Четверо старшин и матросов в тяжелом состоянии эвакуиро-

---

вали в госпиталь флота. Санитарка, сменявшая постельное белье, нашла под подушкой коробочку, в ней оказались золотые наручные часы, на задней крышке была выгравирована дата гибели «малютки». Карпеко их потом лет тридцать носил.

Госпиталь стоял в парке Кадриорг. Деревья облетели, то и дело срывался дождь. Голые ветви скреблись в оконные стекла. Угнетало одиночество. Матери он написал письмо с описанием красот Таллина. Корабль поставили на планово-предупредительный ремонт, вот он и гуляет вечерами по городу. В то время в газетах не писали об авариях подводных лодок, ври в письмах, сколько хочешь. Глеб попросил, чтобы его перевели в общую офицерскую палату. Из разговоров удалось воссоздать картину гибели «малютки».

В 18 часов 48 минут лодка с большим дифферентом на корму стала быстро погружаться. Моряки, те, кто был в огражденной рубки и на мостике, успели броситься в море, а те, кто был привязан шкертотом к леерным ограждениям, так и ушли в воду. Лодка затонула на небольшой глубине. Первый водолаз, спустившийся для осмотра «зажигалки», угодил в психушку, увидев под водой моряков, стоящих на палубе. Как показалось водолазу, они приветственно махали ему руками. Командир был на своем месте, под козырьком мостика, и вроде бы смотрел в бинокль. Потом выяснилось: он привязал себя страховочным концом к перископу и не захотел покинуть корабль. Из тех моряков, кто оказался в воде, повезло немногим: спасательные средства сбросили неудачно, их снесло в сторону от гибнущих людей. Отличились моряки с базового тральщика, а эсминец «Стойкий» так и остался стоять на якорях, со стороны наблюдая за трагедией.

С механиком два раза беседовал следователь, пожилой, скучный майор. Говорил он каким-то деревянным голосом. Из его реплик Карпеко уяснил главное: уголовное дело заводить не будут, все спишут на стихию. Спасенного им Пильгуна механик так и не увидел, его самолетом отправили в Москву. По бригаде лодок прокатился слух, что спасенных с «малютки» собираются представить к государственным наградам, слух, впрочем, вскоре погас.

5

Навигационный обзор.

Приблизительно около 01.00 часа отход от причала, после чего возьмем лоцмана на борт, начнем транзит в Согне-фьорде, длина которого 204 километра, он является самым длин-

---

ным фьордом в Норвегии. Около 07.00 часов по правому борту сможем увидеть маленькую деревушку Андресаль, пройдя 93 морских мили, в 08.00 часов пришвартуемся во Фломе. После отправления из Флома в 18.00 часов наш лайнер пройдет Согне-фьорд в обратном направлении, мимо деревушки Андресаль по левому борту и станции лоцманов на острове Федже, затем возьмем курс на север, в сторону Хеллесильта и Гейрангера.

От экскурсии во Флом, Восс и Стальхайм Карпеко отказался еще в Ленинграде, в туристическом бюро. Тяжеловато для его возраста. Тащиться на поезде на высоту 867 метров, затем раскатывать на автобусе по дорогам среди гор и водопадов, потом вновь спускаться на поезде в долину. Ограничился видом с борта лайнера: симпатичная норвежская деревня Флом в самом начале Аурландсфьорда, деревянные и каменные дома, подстриженные газоны, канал с неподвижной водой, фигурный мост, переброшенный через него, зеленые, с пропеллинами горы. Скалы у Сайды-Губы величественны, в них сохранилась дикая первозданность. Ну, а бухт, бухточек, заливов и проливов он достаточно насмотрелся за свою долгую жизнь. К тому же вечером предстоит встреча с Пильгуном, требующая больших душевных затрат.

Ресторан и в самом деле производил впечатление: люстры необычной формы, зеркала, на столах свечи. Метрдотель походил на дирижера симфонического оркестра, официанты, казалось, парили в воздухе, играла приглушенная музыка — все для состоятельной клиентуры.

— Глеб Иванович, вы — мой гость. И все же позвольте, я распоряжусь. На этом лайнере я не первый раз, да и мэтр меня знает. Как? — На Пильгуне светлый костюм, черный с серебряной искрой галстук. Он что, целый гардероб с собой возит?

— Действуйте. Только никаких крепких напитков.

— Учту.

Официант принес меню, карту вин. Семен Васильевич говорил с ним на английском языке. Они обстоятельно обсудили заказ. Подошел метрдотель, разговор теперь велся на итальянском. Величественный ресторатор ласково улыбнулся Карпеко.

Глеб Иванович был знаком с этикетом, в училище в восьмидесятые годы большой популярностью среди офицеров и курсантов пользовалась книга «Военно-морской протокол и церемониал». Флотский офицер должен уметь вести себя за столом во время приемов за границей, да и дома, когда на кораблях принимали гостей.

Вино оказалось превосходным. Постепенно разговорились.

— У нас с вами, Глеб Иванович, небольшая разница в возрасте. Хрущевскую оттепель, как я понимаю, вы провели в казарме и вряд ли вам дали подышать воздухом так называемой свободы. А я стилижил. С придурками, что шлялись по улице Горького, то бишь Тверской, дел не имел. Золотые мальчишки и девочки из известных семей собирались «на хате», как тогда говорили. Предки за границей, делай, что хочешь. Сидели в коктейль-холле или в баре гостиницы «Москва» — туда так просто не попадешь, швейцары — звери лютые. Нас то знали. На все эти развлечения требовались деньги и немалые. Родители меня держали на сухом пайке, не разбежишься. Приходилось фарцевать, благо английский я с пяти лет знал, говорил свободно. Осторожничал. И все равно замели. Простите за сленг. У каждого времени свой язык. Папаша у меня строг был, отмазать-то отмазал, но для перевоспитания отправил служить, так я оказался на «зажигалке». Еще в учебном отряде уяснил, что к чему, разом мозги мне там прочистили, понял главное — выжить, честно отслужить, тогда папаша простит. А уж после того, как вы меня за шкурку на божий свет вытащили, я и совсем поумнел.

— Простите, Семен Васильевич, я до сих пор не могу понять, как вам удалось спастись. Ведь рвануло в четвертом отсеке...

— Судьба. За две минуты до взрыва лейтенант Шереметьев отправил меня в седьмой отсек.

— Зачем?

— За сухарями. У него там был пакет припрятан. Пятьдесят лет прошло, а я каждую деталь помню. Я ведь сначала в шестой отсек кинулся, помочь тушить. Куда там, дым едкий, ребята вповалку, я — назад. Только кремальеру закрыл, во второй раз рвануло. Когда люк в седьмом отдраили, старшина меня из отсека вытащил и в ограждение рубки пропихнул. Слабый я еще был, отравился. А старший погиб. Давайте выпьем, а то меня что-то озноб бьет. Как вспомню...

Выпили. Помолчали.

— Да, по-разному жизнь складывается, — сказал Пильгун. — Не знаю, что бы из меня вышло, не случись аварии. Может быть, на старое потянуло. А тут такое желание жить. Учился, как зверь, общественная работа, комсомол. В загранку меня, несмотря на влияние отца, все же не пустили комитетчики — прежние грешки, секреты, да и к лучшему. В двадцать пять лет я стал директором гастронома на Старом Арbate. Отец обладал удивительным чутьем: он в самом на-

---

чале перестройки предсказал крах советской власти и безошибочно определил время своей смерти. По-видимому, часть его способностей передалась и мне. Папа, используя связи, позволил мне изрядно хлебнуть из ельцинской кормушки, приватизация принесла фантастические дивиденды. За короткий срок я разбогател, но олигархом не стал, в политику не лез, дела вел осторожно, не мелькал на обложках глянцевого журналов, не строил дворцов на Рублевке, не заводил молодых любовниц. Словом, все шло хорошо. Как-то проснулся среди ночи, словно меня кто в бок толкнул, и вдруг понял: из России нужно сваливать. Знаете, как здесь называют силовые структуры? Пограничная стража. Охраняют границу между правительством, элитой и народом. А в народе копится недовольство. Грядет кровавый передел собственности. А пограничная стража ненадежна, чуть что богатеньких первыми порвут. Распустил я слушок, что у меня рак, для достоверности полежал в коммерческой клинике, где за хорошие деньги подтвердили диагноз, продал бизнес и махнул в Копенгаген...

Казалось бы, мир, который Глеб Иванович ненавидел, должен был воплотиться в этом сытом, ухоженном господине, но Пильгун вызывал совсем другое чувство — жалость, что ли?

— Ну и как, прижились в Копенгагене?

— Вполне. Спокойный, красивый город. Да вы ведь видели.

— А семья?

— С женой я давно развелся, детей не было. Да так и лучше. Дети сейчас — одна головная боль.

— А русская диаспора в Копенгагене есть?

— Конечно. Но я не поддерживаю с ними отношения. Зачем? Я же умер.

— Неужели вас не тянет на родину?

— В том смысле, как вы думаете, Глеб Иванович, нет. Окуджава верно сказал: «Патриотизм есть и у кошки». Родина — место, где тебе хорошо, спокойно, особенно, когда тебе семьдесят. Мне надоели вечные пертурбации в России, когда нет уверенности в завтрашнем дне, — либо снайпер прострелит тебе башку, либо возьмут в заложники и будут паяльником выжигать внутренности, пока ты не назовешь пароль и номер счетов в швейцарском банке.

— А родительские могилы?

— Хорошо хоть, что вы не заговорили о березках. Кстати, они здесь есть. Растут у меня на вилле. Родители похоронены на Троекуровском кладбище. Я регулярно перевожу деньги, и кладбищенский слуга ухаживает за могилами. У меня

есть все для спокойной жизни: деньги, прекрасная квартира в центре, с моего балкона виден дом, где жил Андерсен, приходящая прислуга, шофер. Я могу безбоязненно сесть в рестораничке у канала, пить пиво и смотреть на яхты и рыбацкие лодки. Если я заболелю, к моим услугам все клиники мира.

— Это бытовая сторона.

— Понимаю. Когда мне становится грустно, я иду в церковь. В Копенгагене есть православная церковь благоверного князя Александра Невского. Я коллекционирую старинный фарфор. Представьте: светлая комната, а в ней стеклянные шкафы, заполненные произведениями искусства из Фландрии, Германии, Франции, России, Японии. И ни за что не догадаетесь, что стоит на моем письменном столе. Модель подводной лодки «малютка», специально заказал в Петербурге. В моей жизни было много всякого, но по-настоящему я был счастлив только раз, когда вы меня спасли, и я оказался на тральщике. За вас, Глеб Иванович!

Пильгун поднял бокал с вином.

Разговор дальше не клеился, они завершили ужин и разошлись, ни о чем не договариваясь. Карпеко принял душ, прилег на широченную кровать. Его мучила изжога, лень было встать и выпить минеральной воды. Утка в апельсиновом соусе, королевские креветки на гриле с чесноком и оливковым маслом, кремовый суп из лангуста и что-то еще сделали свое дело. Интересно, что бы по этому поводу сказал Пашка? Несмотря на весь свой недостаток, Пильгун счастливым человеком не выглядел и все время озирался по сторонам, словно чего-то боялся. Он, конечно же, не все о себе рассказал...

Да, курсант Карпеко не был так свободен, как золотой мальчик Пильгун, и хрущевскую оттепель попросту не заметил. Из того времени в памяти остались: морось, колючие огни, извивающиеся трамвайные рельсы, тяжесть палаша у левого бедра. И как радостно было оказаться в теплом, пахнувшем духами фойе, сбросить бушлат, услышать приглушенную музыку и неторопливо преодолеть ступеньки, ведущие в зал. Тогда он был безнадежно влюблен в красавицу Эльвиру, частую посетительницу танцевальных вечеров в Доме культуры связи. Обычно она не обращала на него внимания, танцевала неохотно, но в тот вечер была мила, позволила проводить домой. Они шли по набережной Фонтанки, в черной воде отражались огни. Прощаясь, Эльвира сказала: «Ты хороший человек и мужем будешь надежным. Но...»

Эльвира вышла замуж за курсового красавца и разгильдяя Леньку Борщова, уехала с ним на Северный флот. Лет

через двадцать Глеб встретил Эльвиру на Невском проспекте, трудно было узнать в располневшей, с серым отечным лицом женщине приму танцевальных вечеров. Время безжалостно. А в памяти остался вечер, осталась нежность, которую Глеб испытывал, прикасаясь к руке девушки, и ему было наплевать на какую-то оттепель, на стилига и фарцовщиков, за которыми гонялись милиционеры и общественники с красными повязками. Он готовился к серьезному и трудному делу.

И опять снился Пашка Звягинцев, он сидел у того самого костра, что они разожгли у лесного озера неподалеку от Зеленогорска. Костерок дымил, Пашка отмахивался от комаров и молчал. Может, и в самом деле существует параллельный мир, куда перемещаются души усопших? Тогда у них есть шанс встретиться.

Под утро у Карпеко случился сердечный приступ — сказался ужин в итальянском ресторане. После нитроглицерина боль утихла, но в Гейрангере он тоже решил не сходить с борта, предстояла экскурсия к горе Далснйбба. Береженого, как известно, Бог бережет. Нужно отлежаться.

6

Навигационный обзор.

Около 04.30 начнем навигацию на Сторфьорде и Санифьорде, приблизительно 3 часа до прибытия в Халлесильт. Халлесильт расположен в 100 километрах от открытого моря, и навигация в нем захватывающая, многочисленные острова, живописные берега. В 10.00 судно направится в Гейрангер. Гейрангерфьорд бесспорно красивее всех остальных. Отправление из Гейрангера предусмотрено в 18.00 часов. Отдав швартовы, пройдем Сторфьорд в обратном направлении, выйдя в открытое море около 22.00 часов, откуда возьмем курс на юг, направляясь в город Берген. Отправляясь из Гейрангера, мы пройдем по самому красивому фьорду Норвегии, и вы сможете любоваться красотой известных водопадов: Семь сестер, Фата невесты и Принца-наследника.

И фьорды, и водопады были прекрасны — дивный каприз природы. Белые, пенящиеся потоки на фоне серо-зеленых скал и высвеченное солнцем море. Не случайно же Норвегия — страна викингов, путешественников и троллей.

Если бы Глеб Иванович был моложе и общительнее, он мог бы неплохо провести время на итальянском лайнере, где индустрия развлечений была доведена до совершенства. Каж-

---

дый вечер улыбчивый стюард приносил газетку «Today», из нее можно было извлечь массу заманчивой и ненужной Глебу Ивановичу информации.

Коридор второй палубы служил своеобразным Бродвеем, где прогуливалась публика, и было много красивых, скучающих женщин. Карпеко облюбовал бар Алказар. Бар чем-то напоминал кафе-мороженое на Невском — «Лягушатник» времен его юности. Но стоило вернуться в каюту, и круиз в прошлое продолжался.

После аварий в море подводники нередко ломаются, появляются различные фобии, боязнь замкнутых пространств — тогда прямой путь на бережок. Никаких фобий Глеб не испытывал. Его мучило чувство вины — он, механик, что-то недосмотрел, принял неправильное решение. Может, не следовало разгерметизировать прочный корпус? Но тогда бы рванула цистерна с жидким кислородом — неоправданный риск. Поговаривали, что не следовало отдавать якоря, и лодка дрейфовала бы на отмель. Но до берега далеко и штормовой ветер переменчив.

Карпеко плохо спал, был постоянно подавлен. После выписки из госпиталя ему предоставили очередной отпуск. Но появляться в таком виде перед матерью не стоило. Предложили путевку в Солнечногорский санаторий. В Подмосковье угасало затянувшееся бабье лето. Небольшой уютный санаторий ему понравился, старый корпус, в прошлом частная клиника, стоял неподалеку от озера. В лесу было сухо, пахло опавшими листьями, к утру подмораживало, и трава серебрилась от инея. Карпеко отказался от процедур, ни с кем не общался, бродил по лесу. Где-то неподалеку был полигон. Слышался треск автоматных очередей, гул выстрелов пушек. Только это и нарушало тишину. Стрельбы были не часто. Через две недели он сбежал в Ленинград. Остаток отпуска провел дома, с матерью, много спал, читал, избегал встреч с однокашниками — слухи на флотах распространяются быстро, о гибели «малютки» наверняка знали многие, а значит, последуют вопросы. Мать поглядывала на него с тревогой. Как-то спросила:

— У тебя все в порядке, Глеб?

— Конечно. Не исключено, что после отпуска получу новое назначение. Надоела Балтика, нужно сменить обстановку.

В Таллине уже стояло предзимье.

— Желания есть? — спросил кадровик капитан второго ранга, с интересом разглядывая Глеба.

— Остаться в подплаве. А где служить — без разницы. Лучше Северный флот, но и Тихоокеанский подойдет. Балтика исключается.

— Понятно. А как тебе такой вариант? Черноморский флот, феодосийская бригада, лодка 613 проекта. Месяца два поплаваешь движком с опытным механиком, чтобы войти в форму, затем примешь у командира БЧ-5 дела. Его сватают преподавателем в севастопольское училище. Погреешься на солнце, винишка попьешь — там оно копейки стоит. Как?

— Годится. В Крыму я не был.

— Жениться не собираешься?

— Нет.

— Отпуск отгулял?

— Отгулял.

— Вот и ладненько, жди приказа и собирай барахло. Впрочем, ты холостяк, какие у тебя вещи? Ширинку застегнул — и вперед.

После строгого, европейского Таллина Феодосия показала Карпеко приморской деревушкой с белыми домиками, убегающими в предгорье татарскими улочками, опустевшим бульваром, где на голых деревьях раскачивались на ветках и орала вороны. Из достопримечательностей: галерея Айвазовского, древняя генуэзская крепость, точнее, башня с обломком стены и коньяк «Одесса».

Город дремал, отдыхая после курортного сезона. На побережье хозяйничали ветры. В ноябре шторм перемолол все пляжные сооружения, волны выплескивались за парапет, горы заволокло туманом. Карпеко разместили на плавказарме, такой древней, что было удивительно, как она еще не затонула у причала. Плавказарму переделали из парохода, принадлежавшего компании «Кавказ и Меркурий», что возил курортников из Одессы в Потти и обратно в самом начале века, а может, и раньше. Боцман с внешностью школьного учителя утверждал, что на этом пароходе Чехов добирался до Ялты. В каюте в изголовье койки сохранилось бронзовое бра с налетом благородной патины. Из мебели — письменный стол, шкаф и продавленное кожаное кресло. При развитом воображении можно было уловить запах сигар и дорогого одеколона. Поговаривали о привидениях.

Уже в первую ночь Глеб твердо решил бежать с музейного плавсрества. И дело не в командах по трансляции и не в грохоте матросских ботинок на палубах. Ночью его атаковали полчища тараканов редкой золотистой масти. Бороться с ними можно было только одним способом: затопить плавказарму.

Штаб бригады располагался в двухэтажном особняке, выкрашенном в казенный желтый цвет. От штаба до КПП порта минут десять неспешной ходьбы. В Феодосии все близ-

---

ко. Часовой у входа в штаб не обратил на Карпеко никакого внимания, словно тот был бесплотным призраком. Старлей с багровыми прыщами на подбородке пояснил, где служебная комната командира «триста шестьдесят четвертой». Глеб поднялся на второй этаж, постучал в дверь, где на табличке значилось: «Капитан 2 ранга Анохин Иван Степанович». Стук пришлось повторить. За дверью послышался звон разбитого стекла, затем рык:

— Кто?

Глеб толкнул дверь и в проеме увидел смуглого седовласого капитана второго ранга, сидевшего за столом. Рядом на приставном столике примостился капитан третьего ранга — пухлый коротышка с веселыми глазами. Седой капитан второго ранга с досадой посмотрел на Карпеко.

— Кто такой?

Глеб представился.

— Ничего не понимаю. С утра задолбали. Олег, это по твоей части, убери его с моих глаз.

Капитан третьего ранга подмигнул Глебу, взял его под руку и в коридоре тихо сказал:

— Не бери в голову. Кэп с бодуна, я поправлю ему здоровье и отведу домой, а то на комбрига налетит. А ты посиди в нашей хате, вторая комната слева от входа на первом этаже. Ты ведь Карпеко?

— Так точно, товарищ капитан третьего...

— Да брось ты... Как звать?

— Глеб.

— Олег Маневич, твой непосредственный начальник. А теперь двигай.

Через полчаса сидели, разговаривали. В служебной комнате почему-то пахло квашеной капустой.

— Флот — большая коммуналка. — Маневич погладил седеющую челку. — О тебе слышан: горел, тонул, прозвище Умник. Это что-то вроде зануды?

— Не знаю.

— Я и подавно. Ладно, разберемся. Моя задача — за три месяца поставить тебя на крыло и свалить в Севастополь, в училище освобождается место преподавателя.

— Знаю.

— Кадровик настучал?

— Кто же еще.

— Кэп у нас — золото, в войну плавал на «щуках», орденов не меньше, чем у комфлотом, один недостаток — закладывает. Особенно, когда жена куда-нибудь уезжает. Мы корешим. Замполит — он сейчас в отпуске — добрый дядечка, не сту-

---

кач, внешне — вылитый гоголевский дьячок. С грамотешкой негусто. Жизненная цель: добиться запрещения играть в шиш-беш в офицерской кают-компании. Совет: не вступай в споры со старпомом. Федя Кобров — лютый спорщик, слегка сдвинутый на этой почве.

— Не понял.

— Спорит по любому поводу. И чаще всего выигрывает. С остальными сам разберешься. Народ штучный, каждый со своими тараканами в голове. К примеру, минер Равиль Зигматулин ходит по лодке бочком, согнувшись, боится что-нибудь поломать. Рост — метр девяносто, вес — центнер с лишком, и все мышцы. Гайки без ключа закручивает. В день произносит пять слов, четыре из них матерные. С подчиненными объясняется звуками. Дружок его штурман Валя Кукушкин — полная противоположность, рост — метр с кепкой. Представь себе половозрелого шимпанзе в морской форме. Когда они вдвоем идут по платановой аллее, курортницы плачут от умиления. Штурман — мастер розыгрыша, завязтый хохмач и бабник — в каждом порту захода по подружке. Ну и так далее.

Глеб потом удивлялся точности характеристик, данных Маневичем. О себе Олег Семенович сказал коротко: «Во мне смешано семь или восемь кровей. Есть турки, армяне, ингуши, не говоря уже о евреях. Но в личном деле выбито на бронзе: «Делу партии и правительства предан!» — этого вполне достаточно для дальнейшего продвижения по службе».

Хоть и был Глеб подготовлен Маневичем, старпом Кобров Федор Капитонович его поразил: небольшая аккуратная головка, светлая челочка — стрижка под «бокс», младенческий румянец, карие с поволокой глаза и все это при широченных плечах, грузном туловище и голосе шкипера с баржи-грязнухи, то есть сиплом, с басовитыми грозными нотками.

При первой встрече старпом сказал Карпеко:

— Месяц тебе на то, чтобы сдать зачеты на самостоятельное управление боевой частью. Спорим, что не сдашь?

— Спорить не буду. Попытка — не пытка.

Особой оригинальностью почему-то отличались флотские медики.

На береговой базе второй месяц околачивался лейтенант медслужбы Томас Трюмпель, белокурый голубоглазый эстонец. Томас мечтал списаться на гражданку и уехать в Эстонию, поэтому стал пить и куролесить в гарнизоне. Номера он откалывал неожиданные. Несколько раз устраивал дебоши в ресторанах и кафе. Его перестали пускать в питейные заведения. Тогда он переделался в женское платье, нацепил парик

и в таком виде явился в чепок на набережной и стал приставать к мужчинам. Милиционеру, который пытался его утихомирить, надел на голову урну с мусором. Трюмпеля убрали с «триста шестьдесят четвертой» и отправили служить на береговую базу. Вместо него, неделей позже Карпеко, прибыл лейтенант медслужбы Арнольд Раевский — стройный кудрявый мальчик с холодноватыми серыми глазами. Оказалось, мальчику палец в рот лучше не класть — отхватит. Глянув на грязную скатерть в офицерской кают-компании лодки, Раевский сказал старпому:

— Неужели вам не стыдно?

Кобров, пораженный такой наглостью, с минуту молчал, потом шепотом спросил:

— Что ты сказал?

— Живете в скотских условиях. Скатерть грязная. Посуда в трещинах, жуть... Алюминиевых вилок уже в военно-строительных отрядах нет. — Снял фуражку, положил туда двадцать пять рублей и протянул головной убор старпому: — У вас, Федор Капитонович, оклад больше, значит, и вклад в благоустройство кают-компании солиднее.

Старпом, как загипнотизированный удавом кролик, извлек из пилотки пятьдесят рублей — всю заначку от жены — и протянул ему.

Ужинали, как в ресторане на Невском проспекте. Накрахмаленная скатерть, сервиз на двенадцать персон, салфетки в мельхиоровых кольцах, сверкающие приборы. Офицеры, у которых Раевский реквизирует деньги, угрюмо молчали. Командир, трезвый и чисто выбритый, оглядев стол, сказал:

— Так должно быть всегда. Доктор, сколько с меня?

Раевский, не дрогнув, назвал сумму.

— Правильно. Заодно научи механика мыть руки перед едой.

Офицеры подводной лодки «С-364» встретили Карпеко сдержанно, все уже знали, что он один из семи счастливых, кому удалось спастись с «зажигалки». Сдержанность объясняется просто: подводники суеверны, многим наверняка пришла в голову мысль, что механик-аварийщик может накликасть беду. Глеб и не пытался с кем-либо сблизиться, зона отчуждения постепенно растет, нужно время. Лодка первой линии, времени для политеса нет, нужно притираться быстро.

Глеба многое удивило в феодосийской бригаде. На Балтике служба строгая, офицеры держались за место. Оно и понятно. Дыр нет, разве что Поркала-Удд. А так Таллин, Рига, Лиепая. Свинемюнде — заграница со всеми вытекающими

привилегиями. Нарушители дисциплины долго на Балтике не задерживались, им быстро подбирали «тепленькие» местечки», где-нибудь на Северном флоте или на ТОФе. Там дырок хватало. В Таллине офицеры исправно тянули служебную лямку. В городе свирепствовали патрули, и нечищенные ботинки могли послужить поводом для посещения комендатуры. Гарнизонная гауптвахта не пустовала.

Феодосия — отстойная гавань, курортный город, полный соблазнов: множество увеселительных заведений, доступных женщин и крымских вин. Офицеры быстро привыкали к этим благам, теряя чувство самосохранения. Никогда еще Глебу не приходилось встречать столько нестандартных представителей Военно-Морского Флота, будь то оригинальные пьяницы, мистификаторы или талантливые неудачники.

Утром после подъема флага Карпеко отправился искать жилье. В получасе ходьбы от штаба бригады в узком переулке он обнаружил белый домик, стоящий в глубине сада. Хозяйка, пожилая армянка, не задав Глебу ни одного вопроса, пошла показывать комнату. В доме приятно пахло айвовым вареньем. За окном светлой комнаты висели гроздья винограда изабелла, уже тронутые утренником. Ветер сбил туман, обнажая серо-зеленые горы, рассеченные распадками. Прекрасно. В этой комнате, наверное, хорошо писать стихи или заниматься живописью.

— Понравилось? — спросила хозяйка. — Вижу. Зови меня тетя Мариам. А тебя?

— Глеб.

— Армянин?

— Русский.

— Э-э, а брови?

Брови густые, черные, сросшиеся у переносицы, были наследственным признаком рода Карпеко. Родословную свою Глеб знал до прадеда, чиновника какого-то департамента, дослужившегося до действительного статского советника. Дальше — потемки.

— И это все, что вы у меня хотите спросить?

Тетя Мариам улыбнулась:

— А зачем? Я и так о тебе все знаю. Холостяк, не пьешь, человек обстоятельный, недавно приехал. Э-э?

— Верно.

— Я сдаю только холостякам. Баб не люблю. Курортниц селю в летнем домике. Зачем тебе далеко ходить? В городе в пляжный сезон одни шалавы. У меня на них глаз наметан, сразу предупрежу.

— Вы совсем одна, тетя Мариам?

— Почему? Теперь ты будешь. Муж пропал без вести в сорок первом, сына Ашота взяло море. Он рыбац, артелью руководил. В нашем городе много вдов. Вечером выпьем вина. Домашнего. Такого на рынке не купишь.

Между тем, судя по рассказам офицеров, служба в феодосийской бригаде дерганая: вернулись с моря в двадцать один, привели механизмы в исходное положение, отвели команду в береговую казарму и по домам, смотреть сладкие сны. А в три утра уже грохочет в дверь оповеститель: явиться на корабль в четыре ноль-ноль, приготовление и выход в море. Лодки бригады используются для испытания нового оборудования и боевой техники, дальние походы и не снятся. Зимой холодно, летом жарко. Форма одежды — трусы, пилотка, тапочки, перчатки и полотенце на шею. В надводном положении температура в отсеках поднимается до пятидесяти градусов. В дизельном отсеке, по утверждению медиков, жизнь вообще невозможна, так как наступает денатурация белка. Из развлечений летом — стрельба из пневматических ружей в тире на интерес, пляжи, пикники в горах, зимой — коллективные посиделки с женами, с распитием крымских вин и пением песен. Холостяки пасутся в Доме офицеров флота. Однообразную жизнь оживляют походы в Сухуми на полигон в ноябре—декабре, так называемые «мандариновые рейсы», когда лодка возвращается в базу, набитая мандаринами.

Карпеко уже через неделю угодил на такой рейс. В Феодосии мела снеговая крупка, на горах цементной плитой лежала серая туча, а в Сухуми шел теплый дождь, пахло лавровым листом, листья магнолий блестели, словно их натерли воском. В носовой части лодки укреплены акустические датчики, показания с них снимала сотрудница НИИ. Мандарины скупали ящиками. В родную базу возвращались в надводном положении. За делами время летело быстро...

Из штаба бригады выкатился слух: подводные лодки «С-364» и «С-361» отправят на модернизацию. Слух подтвердился, и вскоре был зачитан приказ главкома. Сроки главком поставил жесткие, была сформирована перегонная команда во главе с Кобровым. В начале сентября лодки поставили в плавдок, накрыли брезентом и отбуксировали по внутренним судоходным путям на судостроительный завод в Сормово. Карпеко в перегонную команду не попал, пришлось отправить вновь назначенного командира моторной группы лейтенанта Камилова. Командир лодки Анохин сказал Глебу:

— Командировка — одно удовольствие. Лодка в доке, отсыпайся, загорай. Кобров — кадр опытный, засиделся в старпоммах. А тебя забирают на «триста восемьдесят шестую», вроде как временно. Механик там заболел.

Командир вздохнул. Ходил слух, что вот-вот придет приказ об увольнении его в запас. Командиром назначат Коброва.

«С-386» — экспериментальная лодка, «резинка», легкий корпус покрыт толстым слоем резины, остальное, все, как на «С-364». «Резинка» — более поздней постройки, значит, с дизелями и со всем остальным хлопот меньше. Командир капитан второго ранга Кольцов Степан Федорович — высокий, худой, носатый. Офицеры знакомые, из одного котла на береговой базе хлебают. Обычно «С-386» летом и осенью торчит в Сухуми с разработчиками на борту.

Перегонную команду вернули в Феодосию. Нечего им там вертеться под ногами, пока обычную среднюю лодку 613-го проекта будут превращать в грозный ракетоносец. Лейтенант Володя Камилев оказался пареньком сообразительным, успел изучить тактико-технические данные будущего ракетноносца. Строители планировали врезать еще один отсек, за ненадобностью демонтировать кормовые торпедные аппараты, а контейнеры с крылатыми ракетами разместить в ограждении рубки, по два контейнера по бортам. Рубка значительно увеличится в длину и ширину, что со временем даст повод флотским острословам назвать лодки 665-го проекта «каракатицами».

Карпеко обожал новую технику, посему решил непременно вернуться на «триста шестьдесят четвертую», чего бы это ему ни стоило. Опыт «зажигалки» ничему его не научил.

Новый комбриг капитан первого ранга Иванцов неожиданно вызвал Карпеко, посадил напротив и после наводящих вопросов, сказал:

— Я в отпуске заскочил в Главный штаб ВМФ. У меня однокашник в оперативном управлении служит, направлонец по Средиземноморской эскадре. Гляжу, в коридоре среди прочего модель парусника, а под ней табличка «Работа курсанта Карпеко». Такой второй фамилии в природе не существует. Твоя модель?

— Так точно.

— Тогда слушай сюда. Я дал команду на береговой базе создать мастерскую по изготовлению сувениров. Зимой твоя лодка плавает мало. Мастерская — твоя забота. Подготовь справку, что нужно, — инструмент, материалы, станки. Умельцев я найду, ты — консультант, даю тебе карт-бланш. Вопросы?

— Командира нужно поставить в известность.

— Он уже знает. И не тяни. К нам, сам знаешь, большое начальство приезжает, ученые, академики. Не дарить же им коньяк? Пошло. Нужен добротный флотский сувенир.

Навигационный обзор.

Приблизительно около 05.00 часов будет виден остров Фиде и одноименная станция лоцмана, отсюда продолжим навигацию в Фидефьорд курсом на юг в сторону Бергена, куда пришвартуемся в 08.00 часов.

В 17.00 часов наш лайнер отправится из Бергена, пройдя утреннюю навигацию до острова Фиде, где оставим лоцмана и выйдем в открытое море, направляясь на юг к Ставангеру.

И опять размытые, многослойные впечатления: много солнца, каналы, башня Розенкранц, фуникулер, поднявший туристов на гору Маунт Флайн, и оттуда, со смотровой площадки, открылся дивный вид на Берген: дома, площади, церкви — все в легкой дымке, натягиваемой ветерком с моря. Гид сказала, что в особенно ясные дни отсюда видны Северное море и рядом лежащие архипелаги.

Район Бриген, Ганзейский квартал, деревянные, крашенные в разные цвета дома, в витринах высохшая, похожая на рулоны бумаги треска — ее издревле продавали ганзейские купцы, старинные, грузно осевшие лабазы, еще сохранившие запах рыбы. А метрах в двухстах — рынок, где за стеклом витрин на льду замерли омары, лангусты, креветки и еще какие-то диковинные существа, таращащие на покупателей стеклянные глаза. Рядом с заливом магазин и одновременно пивная. Великолепное пиво и сыр, какого прежде Карпеко никогда не пробовал. Он отстал от своей группы и долго сидел на скамейке, разглядывая яхту, отделанную под старину. Справа за каналом возвышался выросший из скалы норманнский замок. До причала, где ошвартован лайнер, идти не более получаса. Успеет.

В Бергене люди жили неспешно, молодые матери катили коляски с детьми, старики прогуливались или же, как он, Карпеко, сидели на скамейках, работали офисы, магазины, но все это было как бы за кадром, не нарушало общей гармонии. А главное, не ощущался тот нервный ритм, свойственный Москве и Петербургу, когда кажется, что механизм управления пошел вразнос и вот-вот наступит хаос. Карпеко с грустью думал, что Норвегия еще пятьдесят лет назад была небогатой, на грани банкротства страной. Но вот на шельфе нашли нефть, и страна преобразилась: достойная зарплата, бесплатное образование и медицинское обслуживание. Особое внимание молодежи. Если ты способен и хочешь продолжить образование в Англии или Германии, получишь грант,

---

отработаешь. Молодой квалифицированный рабочий за несколько лет в состоянии приобрести квартиру и машину. Ни бомжей, ни беспризорных детей, ни политических авантюристов и воров мирового масштаба.

Летали чайки, по брусчатке бродили голуби. На яхте из рубки вышел старик и стал швабрить палубу. За ним по пятам ходила рыжая такса.

На лайнере Карпеко предложили встретиться с игроками в карты, принять участие в турнире по настольному теннису и дротикам, поиграть с группой аниматоров и прослушать лекцию на тему, как бороться с целлюлитом. Одновременно ему настойчиво рекомендовали взять уроки бразильского танца фаро и попробовать итальянское коллекционное вино «Амароне стелла анери» по девяносто евро за бутылку. Сил хватило на то, чтобы принять душ и лечь в постель.

...Миновали две зимы и три лета. «С-386», где теперь служил Карпеко, то паслась на полигоне в Сухуми, то дремала, приткнувшись к причалу. Оранжевые пятна сурика на боевой рубке делали ее похожей на саламандру. Тете Мариам пока не удалось женить Карпеко, но надежды она не теряла, на лето выписала из Еревана племянницу, студентку медицинского института. Глеб за эти годы, несмотря на разницу в возрасте, близко сошелся с доктором Раевским. Доктор готовился к сдаче кандидатского минимума, и Глеб помогал ему с изучением английского языка. Карпеко нравилась холодноватая сдержанность Арнольда, твердость характера и широчайшая эрудиция. Чего он только не знал — ходячая энциклопедия. На «резинке» он быстро навел порядок, вестовые через день меняли скатерти и салфетки в кают-компании, а старпом первым подставлял спину во время прививочной кампании. Зато уж потом горе тому, кто пытался спрятаться в трюмах от прививок. Раевский одновременно исполнял обязанности начальника продовольственной службы и в отличие от коллег не тяготился этой нагрузкой, вел дела как бы между прочим. Комиссии из продовольственного отдела флота только зубами шелкали, да ухватить было не за что. Ухитрился переманить кока с береговой базы, бывшего поваренка ленинградского ресторана «Нева», и теперь частенько на «резинке» обедал комбриг.

Раевский был родом из Владивостока, отец — портовый рабочий, крановщик, мать — учительница русского языка. Доктор по окончании академии просил направить его на Тихоокеанский флот, направили же на Черноморский. Так чаще всего и бывает.

Карпеко отладил работу мастерской по изготовлению морских сувениров. За успехи в боевой и политической подготовке ему досрочно присвоили звание инженер-капитана третьего ранга. Зигматулина и Кукушкина направили служить в балаклавскую бригаду подводных лодок, оттуда докатывались слухи об их береговых закидонах. Экипаж «триста шестьдесят четвертой» растащили по другим лодкам, и о ракетноосце, застрявшем на стапелях завода в Сормово, стали понемногу забывать.

В начале декабря, как снег на голову, грянул приказ главного о подготовке перегона ракетноосцев «С-361» и «С-364» по внутренним судоходным путям на Северный флот и об откомандировании экипажей корабля в Горький.

Приказ есть приказ. Командиры лодок, Кобров и Болотов, неделей раньше вылетели в Горький. Остальным предстояло добираться поездом. Олег Котелков, позвякивая ложкой в стакане, строил мрачные прогнозы:

— Ничего хорошего я от перехода не жду. Либо на мель сядем, либо застрянем во льдах. Я тут поднял в отпуске материалы по «триста шестьдесят первой». Лодка еще в пятидесятом году при выходе из дока опрокинулась. Второй, шестой и седьмой отсеки заполнились водой. Черт их знает, что у них произошло. Звончек, да еще какой. Меченый корабль.

Горький встретил тридцатиградусными морозами. Феодосийские пижоны в фуражках и бескозырках едва не замерзли, пока их везли в крытых грузовиках в Сормово. Волга лежала в тяжелых льдах, в казармах бригады строящихся кораблей топили плохо, матросы на ночь стаскивали с вешалок шинели и бушлаты. Первым, кого Карпеко встретил в штабе бригады, был штурман с «малютки» Левка Белозеров. Левка осунулся, шея замотана бинтом, на рабочем кителе не хватало пуговицы, и вообще вид у него был запущенный.

— Здорово, — просипел он, — тебя на какую лодку кинули?

— На родную «триста шестьдесят четвертую».

— Я на «триста шестьдесят первой». Вместе пойдем на Север. Скорее бы. В общаге холодрыга, меня фурункулы замутили. Да, это тебе не Балтика.

Белозеров рассказал, что в бригаде бардак, кормят отвратительно. До города ходят автобусы, но пока доедешь — очуришься.

— Мы же здесь временные, Глеб, — Лева потрогал повязку на шее, — потому к нам такое отношение. Я вчера одному старлею в морду дал. Тыловик, шмотками заведует. Это не положено, того нет. Сука! А у меня моряки обносились, в рванине ходят.

-
- Почему ты шмотками занимаешься, а не помощник?
— Я и есть помощник. Пока доктора нет, на меня и продовольствие повесили.
— Веселый ты человек, Лева. Умеешь поднимать настроение.

Многое из того, что рассказал Белозеров, оказалось правдой. Утро начиналось с того, что старпом Акилов заходил в офицерскую выгородку в казарме и сиплым с похмелья голосом спрашивал: «Ну что, мужики, по рваному?» Это означало, что нужно было бросить в его засаленную шапку по рублю. Затем через рассыльного вызывался «шиловоз» — аккуратный чистенький старшина, ему вручались деньги и чемоданчик для напитков. Пили дешевую перцовку. Пригубить надлежало всем, те, кто отказывался, попадал под подозрение: стучач.

Из Сормова ракетоносцы вытолкнули спешно — Волга едва очистилась ото льда. Шлюзы Мариинской системы ремонтировались, и двум подводным лодкам проекта предстояло тянуться по большой воде окружным путем: Шексна, Кубенское озеро, Сухона, Северная Двина. Лодки вогнали в транспортные доки, на кормовой части, сразу за рубкой, наварили площадку для камбуза, установили газовые плиты, несколько столов, забили провизионки и даже аккумуляторную яму продовольствием, запаслись сухарями. И все это в обстановке абсолютной секретности. Доки затянуты брезентом, никакой переписки, никакой связи с берегом. Форма одежды: телогрейки, ватные штаны, сапоги, на головах — водолазные фески. Без погон, звездочек и иных опознавательных знаков. Не подводники — урки из «зоны».

Время шло, буксиры медленно тащили за собой транспортные доки. Что происходило в темных шхерах подводной лодки, никто не знал, народ в основном отсыпался. Свободные от вахт офицеры тайком резались в преферанс. А по левому и правому бортам распахивалась Россия.

Год в Северодвинске, бригада строящихся кораблей, гостиница рядом со штабом базы, скудная холостяцкая жизнь, короткое поморское лето, сразу перешедшее в суровую с тридцатиградусными морозами зиму. От того времени у Карпеко остались в памяти ошеломляющие белые ночи, каких ему не приходилось видеть в Ленинграде, тучи комаров, наполовину деревянный, наполовину каменный городок с Кулацким поселком, где жили на поселении «зэки», темень, траншеи в снегу, хруст обледеневших тротуаров под тяжестью матросских ботинок. Маршрут один: от казармы до судостроитель-

---

ного завода и обратно. Лодку пришлось доводить до ума, недоделок столько, что Глеб не раз поминал сормовчан недобрым словом. Выпихнули с завода, и гори все синим пламенем. Сдаточный механик Трапезников, из коренных поморов, как-то под рюмку сказал Карпеко: «Не нравится мне твой корабль. Во время стрельб, если не сработает автоматика и крышки контейнеров не захлопнутся, при свежей погоде можно принять воду. Емкость контейнеров тебе известна. С ходу не продуешься».

То, о чем говорил Трапезников, понимали и Карпеко, и ракетчики, потому сутками не вылезали из отсеков. Иногда Глебу казалось, что он спустился по трапу в лодку в пору белых ночей, а вылез, когда повалил снег. Кобров подбадривал: «Не трухай, ребятишки, прорвемся!»

В мае 1962 года лодки 665-го проекта после сдачи заводских и государственных испытаний были направлены в Сайда-Губу.

База в Сайда-Губе была заложена в середине пятидесятых годов. В ту пору у причала были ошвартованы две деревянные плавказармы, на них разместились штаб бригады лодок и личный состав. Семьи подводников жили в Полярном, и каждое утро на ходком буксиришке оттуда доставляли к подъему флага офицеров и сверхсрочнослужащих. Место дикое: отвесные скалы, покрытые зелеными пятнами лишайников, тундра в каменных надолбах, оставшихся с ледникового периода, летом полчища комаров, зимой штормовые, сшибающие с ног ветры.

Весной шестьдесят второго года Сайда-Губа еще не утратила первозданной дикости, но на берегу появились первые пятиэтажки, выросла обустроенная ракетная база, в море легли плавучие причалы. В Сайда-Губе базировалась дивизия подводных лодок, и все шло к тому, что скоро здесь разместится флотилия. Это отсюда, из северных урочищ пришли поговорки: «Сто рублей — не деньги», «Семьдесят лет — не старуха». Какой-то отчаявшийся умелец на недоступной высоте обрывающейся в море скалы начертал красным суриком: «ДМБ», а чуть пониже — «За что?»

Среди прикорнувших у причалов лодок 613-го и 641-го проектов выделялись две пузатенькие «каракатицы», сестры-близняшки, сработанные на верфях Ленинградского судостроительного завода. В Сайда-Губе народ шалел от оглушающих белых ночей. Небо к вечеру демонстрировало пейзажи безумного художника-авангардиста. У подкрашенных солнцем скал парили бакланы и чайки. От прицельных шлепков их гуано боцманы теряли душевное равновесие. Береговые постройки и корабли были выкрашены в белую крапин-

---

ку. После штабной круговерти, комиссий из различных служб, принимающих лодку в состав бригады, поступила информация: Северный флот грозит посетить сам Никита Сергеевич Хрущев. Началось нечто запредельное: стали перешвартовывать лодки, пряча ржавые, вернувшиеся из похода, чтобы их не было видно с борта катера с руководством при прохождении по Кольскому заливу. Откуда-то прислали группу альпинистов, которые закрасили на скалах неприглядные надписи. Рассказывали, что в Североморске к приезду высокого гостя даже разбили клумбы с искусственными цветами. В тихую Сайда-Губу долетали слухи один причудливее другого. Флагманский ракетчик выступил с инициативой, предлагая одной из прибывших из Северодвинска «каракатиц» отстреляться крылатыми ракетами. Аргументация у него была серьезная: ракеты П-5 проектировали в КБ, где работал сын Хрущева. Подобный маневр должен был смягчить сердце Никиты. Жребий пал на «С-361». Лодку спешно покрасили, обновили бортовые номера. Матросам выдали новые суконки и бушлаты, прогары заменили хромачами первого срока, загрузили ракеты. Механик «триста шестьдесят первой» Олег Котелков ходил подавленный и всем говорил: «Хана, братцы, утонем». Его прогноз едва не оправдался. Во время дифферентовки сработала сигнализация заполнения водой цистерны замещения ракеты. Чтобы избежать аварии, спешно продули балластные цистерны, всплыли. Мудрый комдив, изучив обстановку, доложил комфлотом, что две северодвинские «каракатицы» целесообразно включить в Экспедицию особого назначения (ЭОН) и, как можно скорее отправить по Северному морскому пути на Тихоокеанский флот. Кому нужны происшествия, да еще во время визита высокого гостя?

Лодки перегнали на судоремонтный завод в Росту, чтобы подготовить их к тяжелому переходу: обшить ледовым поясом, сменить винты, укрепить крышки торпедных аппаратов и прочее. Мурманск после Сайда-Губы выглядел столицей: неоновые огни реклам, ярко освещенные витрины магазинов, кафе, рестораны, а главное — не нужно в бинокль выискивать на безжизненном берегу женщин, чтобы убедиться, что лучшая половина человечества еще существует. А тут вот они, живые, теплые в разноцветных платяницах и кофточках. Идут себе, беспечно помахивая зонтиками. Чем не жизнь.

Прилетел Хрущев. Для обеспечения митинга на стадионе в Мурманске отрядили личный состав подводных лодок. От желающих отбоя не было. Даже Глебу, отвечавшему за подготовку корабля к межфлотскому переходу, удалось вырваться.

В природе что-то перепуталось. Денек выдался необычно солнечный, небо выкрасилось в южную голубизну. Народу — тысячи, цветы, лозунги, портреты вождей КПСС, всеобщее ликование. Хрущев, оглядев небеса, снял шляпу и приветствовал мурманчан: «Здравствуйтесь, дважды дорогие!», намекая на то, что северянам выплачивают полуторные, а кое-где и двойные оклады. При таком-то солнышке. После минутного замешательства рабочий люд отреагировал бурно, слышались гневные выкрики, переросшие в неодобрительный гул, на землю полетели портреты, транспаранты, по цепям забегали кагэбешники в штатском, призывая военных к готовности ликвидировать беспорядки. Обошлось. Народ стал расходиться, то тут, то там слышалась матерная брань. Радостной встречи с руководителем государства не получилось.

Впечатление от Заполярья несколько сгладили военные моряки: на Северном полюсе всплыла наша атомная подводная лодка, и Хрущев на крейсере отправился в Грехиху вручать подводникам Звезды Героев и ордена. Доктор Раевский сказал Глебу: «Тебе не кажется, что мы участвуем в плохом спектакле? Есть герои, есть статисты, есть мизансцены и потемкинские декорации. Хорошо хоть народ не безмолвствует».

8

Навигационный обзор.

Приблизительно около 05.00 часов будем проходить вдоль острова Фидер, где возьмем лоцмана на борт, который проведет нас в Ослофьорде, длина которого 54 мили. Наше прибытие в Осло планируется в 08.30 часов. Лайнер отдаст швартовы в 15.00 часов, пройдя фьорд, выйдет в открытое море около 18.30 часов. Оставив лоцмана в Фидере, продолжим навигацию курсом на юг в сторону Балтийского моря, в которое войдем приблизительно в полночь.

При заходе в Ставангер и Осло Карпеко отлеживался в своей каюте или, завернувшись в плед, сидел в кресле на девятой палубе. Он раз за разом пролистывал свою жизнь, отстраненно думая о себе. Сколько всего выпало на долю его и его ровесников: война, эвакуация, послевоенные годы, смена власти, нравственных ценностей и идеологии. Да, ему не очень везло со службой. Сначала «зажигалка», потом — «каракатица», но на его глазах рос могучий флот: атомные подводные лодки, тяжелые авианесущие крейсера, большие про-

---

тиволодочные корабли, которые американские моряки называли «поющие» фрегаты, его однокашники несли боевую службу в Мировом океане, ни в чем не уступая американцам. Что же, у каждого своя судьба. Он не завидовал, просто делал свое дело.

Самым важным для Глеба Ивановича всегда была работа, он уходил в нее, прятался в ней, как в лихие девяностые укрывался в своей квартире, отгородившись от внешнего мира. Нет, он не герой, никогда не пытался противостоять власти, как его друг Паша, единственное, что может оправдать его существование на земле, — он честно делал свое дело. Много это или мало?

Временами Карпеко дремал, но и во сне его не покидали воспоминания. Перед ним возникали разорванные картины, фрагменты. А то и целые блоки прожитой жизни, и были они ярки, реалистичны, как в кинофильмах, снятых по технологии 4D.

И опять снился Пашка Звягинцев, они сидели на скамейке в корме рейсового теплохода, а вокруг ширилась могучая река. Так оно и было на самом деле...

Пять лет назад Пашка, получив гонорар за перевод английского романа, предложил Глебу Ивановичу съездить в Москву, оттуда же прокатиться на теплоходе по Волге, скажем, до Чебоксар. «Махнем, Глеб, я стал забывать Центральную Россию».

Друзья сели в Северном порту на рейсовый теплоход «Капитан Рачков» и отправились вниз по Волге. От причала уходили в дождь — первый дождь за лето. Каюта оказалась крохотной, грязноватой, с двухъярусными койками, но все это были мелочи по сравнению с запахом речной воды и небесным простором, зависшим над каналом Москвы-реки.

Путешествие на теплоходе до Чебоксар и обратно не вернуло душевного равновесия, ибо глаза выделяли не роскошные виллы нуворишей, грибами поганками выросшие в природоохранной зоне Подмосковья, а серые избы на берегу, разрушенные церкви, старух в ветхих платочках, просящих на дебаркадерах милостыню, пьяных подростков с озлобленными волчьими глазами.

Смотрел Глеб Иванович на густо-синюю воду и припомнил, что с великой реки началось его сознательное ощущение Родины. С той поры минуло сорок с лишком лет, когда шли они эшелонами по внутренним судоходным путям.

Паша был сумрачен, чем-то недоволен. Спросил:

— Ты видел пацанов у пристани?

— Видел. Молодые волки.

— М-да-а... Не такой я хотел видеть страну, когда сидел в одиночке. Хренов мечтатель! На одной из пересылок я познакомился с интересным человеком. В пятидесятых годах он работал в нашем посольстве в США. На чем он погорел, не знаю. От него-то я впервые узнал о существовании доктрины Аллена Даллеса. Ты когда-нибудь слышал о ней?

— Нет. Впрочем, припоминаю, что-то связанное с проектом разрушения России...

— Верно. Я, признаться, тогда не поверил ему. Думал, фальшивки. А тут как-то зашел в интернет-кафе и пошуровал в поисковой системе. Элементарно. В мировой паутине все есть.

Павел достал из кармана потрепанную записную книжку.

— Я прочту тебе кое-какие выдержки из этого документа, датированного сорок пятым годом. Слушай. «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые, заставим их в эти фальшивые поверить. Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино, пресса — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства... вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху; незаметно, но активно и постоянно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности; бюрократизм и волокиту возведем в добродетель. Честность и порядочность будем осмеивать...» Слушай, слушай! — Паша перевернул страничку: «Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивое предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу...» Все, больше не могу. Ну и как тебе?

— Страшно. А главное, все позиции доктрины практически реализованы.

— Да, Глебушка. И все-таки Даллес ошибся, русский народ не так уж просто уничтожить, кое-что в генофонде осталось. Не всех молодых одурачили. Наши правители напоминают мне глухарей на весеннем току. Ничего не слышат. И видят только то, что хотят видеть. А за Московской кольцевой дорогой мгла. Казалось бы, все сделано, чтобы сохранить и укрепить свою власть. Армия и флот разрушены, ос-

---

тавлены лишь те структуры, которые ради сохранения их власти станут уничтожать собственный народ. Без жалости, без сожаления. А по берегам Волги уже бродят «молодые волки», по твоему определению. Им нет места в России, за границей они тоже никому не нужны. Недокормлены, недоучены. Но в них полыхает ненависть. Когда человек, разуверившийся во всем, загнан в угол — он страшен. Вспомним слова Пушкина о бунте...

— Народ сломлен, нет энергии, нет лидера.

— Энергии у молодых хоть отбавляй, лидер найдется. Самое страшное, что в этом антоновом огне сгорит Россия, обуглится, съжится до уровня Московского княжества. Зря я тебя уговорил совершить это путешествие. Все — зря! Пойдем уж лучше в ресторан водку пьянствовать.

Осталась позади Камчатка. Межфлотский переход подошел к концу. Карпеко поднялся на мостик. Стоял удивительный для начала ноября день. Лодка входила в бухту Коношково. Багрово-желтые сопки, розовое предзакатное небо с легкими, похожими на пух одуванчиков облаками. Запах свежести не мог перебить даже дизельный выхлоп — все это вызвало в душе механика смятение, которое сменилось предощущением счастья.

Обстановка царила идиллическая, под окнами паслись лохматые черные козы, бродили куры и кошки. Колонки в ваннах топились дровами. За домами в мелком подлеске сколотили дощатые сараи, где хранили дрова и разный домашний скарб. За сопкой в трех километрах поселок Дунай с первичными признаками цивилизации, там были поселковый совет, почта, магазины, клуб, небольшой, скорее, условный вокзальчик, откуда по узкоколейке с пересадкой за три часа можно было добраться до Владивостока.

Месяца через два, когда схлынула возня, связанная с приемом лодки в состав бригады, Карпеко, вырвавшись на берег, от скуки заглянул в клуб поселка Дунай. Было воскресенье, в глубине ветхого здания слышались детские голоса. Глеб толкнул первую попавшуюся дверь и увидел мальчишек, сбившихся у стола, на котором стояла модель неловко сделанного парусника. Пахло столярным клеем, ацетоном, деревом — этот запах всегда волновал Карпеко. Глеб осмотрел модель и насмешливо сказал:

— Да, ребятаки, ваш фрегат сделает оверкиль сразу же, как только его спустят со стапелей.

Рыжий, коротко стриженный мальчишка, покраснев, враждебно спросил:

— Почему?
— Тебя как зовут?
— Костя.
— Принеси мне стул и лист бумаги.
— Вот альбом, карандаш. Садитесь, я постою.
— Добро. — Глеб быстро, изящными штрихами нарисовал фрегат и стал объяснять устройство корабля. Мальчишки дышали ему в затылок.

— А вы сами-то модели делали? — спросил рыжий Костя. В голосе его звучала обида.

— Делал. Судомоделизмом я стал заниматься в школе, в Ленинграде. Ходил в Дом пионеров.

— Так то Ленинград! А у нас? Ни дерева, ни инструментов. Сами возимся. Судомоделизм — дело тонкое. Меня папа начал учить, но...

Дверь отворилась, вошла молодая женщина, изящная, небольшого роста, похожая на кореянку. С недоумением посмотрела на Карпеко, поздоровалась и спросила:

— Как успехи, Костя?

— Какие успехи, Екатерина Степановна? Товарищ капитан третьего ранга раскритиковал модель. Он прав, барахло. Сожжем сегодня на пустыре.

— Зачем же жечь. — Глеб улыбнулся. — С чем же вы будете сравнивать следующую модель?

— Не будет больше моделей.

— Будут, Костя. Будут.

Женщина взглянула на Карпеко:

— Простите, вы...

— Виноват, не представился. Карпеко Глеб Иванович.

— Я — заведующая клубом Екатерина Степановна Ли. Можно — Катя.

«А ведь она красавица», — подумал Глеб. И как случилось с ним и раньше, вздохнул: нет, брат, не по Сеньке шапка.

В первую встречу говорили они коротко и больше по делу. Карпеко предложил создать при клубе судомодельный кружок, у него есть необходимая литература, инструмент закажет ребятам на плавмастерской, кое-что наверняка есть во Владивостоке, с деревом и другими материалами для моделей особых проблем не будет. Катя согласно кивала, видимо, не очень веря в затею.

Лодку поставили на планово-предупредительный ремонт в бухте Чахма. И теперь Карпеко частенько бывал в Дунае. Дело с судомодельной мастерской постепенно продвигалось. Катя была с ним неизменно приветлива, иногда он ловил на себе ее внимательный взгляд, но предпринять какие-то шаги

не решался. Смущала красота Кати и разница в возрасте: Глебу перевалило за тридцать, Кате недавно исполнилось двадцать два. А потом... потом навалилась служба. После ремонта, сдачи курсовых задач «каракатицы» включили в состав лодок первой линии. Но командование бригады отнеслось к лодкам 665-го проекта настороженно.

«Триста шестьдесят четвертая» несколько раз ходила на боевую службу, стреляла крылатыми ракетами, прославился доктор Раевский — в условиях тяжелого похода отхватил аппендикс штурману. Об этом написали во флотской газете. К «триста шестьдесят первой» начальство применило иную тактику. Лодка с полным вооружением стояла у причала в бухте Павловского, ожидая команды выйти в море. Но команда так ни разу и не поступила. «Каракатицы» не пришлось ко двору, и это не могло не сказаться на личном составе.

Как-то Глеб, заскочив в клуб к своим ученикам, отправился провожать Катю. Улочки Дуная скатывались к заливу, из палисадников тянуло запахом опавшей листвы. Катя рассказывала:

— Я ведь местная, все мои корни здесь, в Дунае. Я никогда не была на Западе. Закончила во Владивостоке Институт культуры — и снова сюда.

— Дунай — странное название для дальневосточного поселка. Бухта Стрелок, Разбойник, остров Путятин — понятно. А Дунай!

— В начале века сюда перебрались несколько семей молдаван. Здесь жили только корейцы, переселенцев встретили настороженно. Молдаване выбрали место, построили землянки, по весне посеяли пшеницу, разбили огороды. Пшеница оказалась горькой, непригодной к еде. Да огороды не могли прокормить общину. Помогли корейцы, научили ловить рыбу, трепангов, чилимов, собирать морские гребешки. На парусниках улов отправляли во Владивосток. Здесь и поныне течет небольшая, но глубокая речка. Кто-то из молдаван сказал: «От большого Дуная пришли к маленькому...» Так родилось название поселка. — Катя остановилась. — Спасибо, что проводили, Глеб Иванович.

За покосившимся штакетником в глубине сада стоял дом, сложенный из бревен лиственницы. Причудливую крышу украшал дракон, вырезанный из жести.

— Дом строил еще мой дед, кореец, бабушка — молдаванка. В ту пору здесь было много смешанных браков. Потом корейцев стали выселять, отец был председателем поселкового совета, женат на русской. Его не тронули.

Мог ли Карпеко предположить, что в этом доме он прожи-

вет два счастливых года, пока ему не выделяют в новостройке две комнаты в трехкомнатной квартире. В третьей комнате поселился с молодой женой доктор Раевский.

...Свадьбу праздновали всем поселком, столы накрыли в кинозале клуба. Из Ленинграда прилетела мать Карпеко Мария Константиновна. Необычно было просыпаться в старом доме на окраине Дуная — в отдалении погромыхивал прибор, ветер гудел в саду. Ночами дом дышал, поскрипывали половицы, а то вдруг кто-то начинал бегать по чердаку, легкий топоток то замирал, то возникал снова. Катя утверждала, что это домовой.

Зимой ненадолго выпадал снег, и тогда все глохло вокруг, тишину прошивал лишь тоскливый вопль подводной лодки, проходящей боновые ворота. В этот дом Карпеко привез новорожденного. У мальчика было красное сморщенное личико, материнские глаза и светлые волосы на голове дынькой. Малыша назвали Валерием.

В поселке Дунай семь подводников и офицеров береговой технической базы жили дружно и весело, женщины сообра присматривали за детьми, по субботам то в одном, то в другом подъезде гремела музыка — праздновали чей-то день рождения, в конце прохладного, дождливого лета наступал купальный сезон. Бухты и бухточки окаймляли великолепные песчаные пляжи. Купались даже ночью, когда за пловцом оставался фосфоресцирующий след.

Ни один высоколобый философ не убедит Глеба Ивановича, что счастья нет. Даже Пушкин ошибся, когда писал: «На свете счастья нет, есть лишь покой и воля...» При чем здесь покой, воля? Счастье — это когда, не дождавшись служебного автобуса, в проливной дождь взбираешься на сопку и считаешь каждый шаг, отделяющий тебя от дома, счастье, когда на твои плечи ложатся руки любимой, а в кровати скачет малыш, счастье, когда в праздничном застолье ты видишь лица друзей.

Навсегда в памяти останется день: море, рыбацкий баркас, штиль, ровное постукивание движка, запах рыбы и Катя в ярком купальнике. Неподалеку зеленый курчавый островок, каких немало в Приморье, а на его фоне белоснежная яхта, шедшая параллельным курсом. Валерику пять лет, он спокойно сидит на банке и смотрит в воду. Катя надевает маску, ласты, берет авоську и соскальзывает за борт. Глеб с женой собрали уже полный морской чемодан-кису трепангов и гребешков. Вечером застолье, обмывают новую должность Карпеко — флагманский механик бригады. И хотя он не «академик», все, даже недруги, считают, что назначение

справедливо. Чемоданы собраны, денек в Дунае, утром поездом до Владика, ночь у родителей Раевского, аэропорт и перелет в Ленинград. Они впервые втроем летят на Запад.

А пока дымка над морем, громадина острова Путятин, стук движка, выбеленный ветрами деревянный причал рыболовецкой артели. Баркас взят напрокат за пять бутылок водки, водка — самая твердая валюта. Потом они медленно поднимаются на сопку. Гигантские, почти двухметровые лопухи подставляют глянцевиные листья солнцу. В Приморье все необычно, щедро. Плоды шиповника величиной с яблоко, а когда идет на нерест корюшка, ее черпают сачками и в воздухе стоит аромат огурцов.

Этому дню счастья, казалось, не будет конца. Он, капитан третьего ранга Карпеко, тогда еще не знал, что через год, в эту же пору, Катя утонет во время ночного купания на диком пляже — запутается в сетях браконьеров. Водолазы найдут тело только на третий день. А Карпеко будет в море и вернется в базу, когда жену уже похоронят рядом с родителями на кладбище Старого Дуная.

Теперь, вспоминая жену, он думал: а было ли все это? Дом в глубине сада, беседка, голубое небо, рыбацкий баркас, запах водорослей, сухое потрескивание в корзине, где лежали чилимы. Чайки... Какой-то праздник, флаги на балконе в поселке Конюшково, на центральной улице демонстрация, Катя в окружении мальчишек и девчонок. А он, Глеб, где? Или опять это обрывок сновидения?

Во время второго захода в Копенгаген Глеб Иванович сошел на берег с единственной целью — купить цветы. Чувствовал себя он неплохо. Таксист-турок отвез его в цветочный магазин. Букет белых роз обошелся недешево. День выдался солнечный. Копенгаген с его каналами, старинными домами и ухоженными скверам ему понравился еще в прошлый раз, но Карпеко представить не мог, как бы он остался жить в этом городе.

После памятного ужина в итальянском ресторане Пильгун исчез. Может, заболел? Где расположен лазарет на лайнере, Глеб Иванович не знал, да и удобно ли навещать — не близкий родственник. И все же наиболее достоверно выглядит иная версия: Пильгун увидел кого-то из старых знакомых, встреча была нежелательной, до поры укрывался в своих хоромах и незаметно сошел в Копенгагене. Вполне приемлемый детективный сюжет с учетом туманного прошлого его бывшего подчиненного.

Путешествие на лайнере утомило Карпеко, у него еще два раза прихватывало сердце, боль снимал нитроглицерином.

Завтрак и ужин заказывал в каюту. Круиз подходил к концу. И чем меньше становилось расстояние до Таллина, тем сильнее обострялась память, выплескивая детали и подробности минувшей трагедии. Он решил не сходить в Таллине. Зачем? Лайнер наверняка пройдет неподалеку от того места, где затонула «малютка» пятьдесят лет назад. Море и только море хотел видеть Глеб Иванович, чтобы в последний раз проститься с погибшими моряками.

Сорок пятую годовщину гибели «малютки» отметили достойно. Организатор — Петербургский клуб моряков-подводников. Панихида в Никольском Богоявленском морском соборе, запах воска, ладана, трепетание пламени свечей, голос священника, негромкий, наполненный теплотой. Народу собралось много, в основном старики. Белозеров не приехал, лежал в госпитале. Карпеко иногда с ним перезванивался. Глеб Иванович держался в стороне, никого не узнавал. Осень стояла теплая, сухая. Березы у собора слегка пожелтели, сорванные ветром листья планировали в черную воду канала. Кронштадт, кладбище, братская могила и памятник погибшему экипажу «малютки» с крестом на острие стелы. Карпеко смотрел на цветы у памятника, на крест, как бы улетающий в небо.

Глеб Иванович уснул лишь под утро, ему впервые за долгие годы приснилась жена. Сон был цветным, скорее, даже не сон, а видение. Они спускались с сопки по крутой тропинке, Катя впереди, он сзади. На Кате легкий сарафан, белые кроссовки, черные блестящие волосы завязаны в пучок. Она шла легко, пританцовывая, а он, Глеб Иванович, задыхался в вечернем черном костюме, ему хотелось остановиться, передохнуть, но жена смеялась, просила поторопиться. А вокруг цветущий багульник, от его дурманящего аромата кружилась голова. А потом возник командир «малютки»: «Ладно, механик, гуляй, — сказал он, — но чтобы из отпуска без замечаний». У леерных ограждений стояли матросы и прощально махали ему бескозырками.

Лайнер миновал стороной полигон, где в былые времена лодки проходили мерную милю, но это не имело значения. Море для погибших одно, как братская могила, хотя похоронены они на берегу.

Белые розы издавали едва различимый аромат. Как и пятьдесят лет назад штормило. Бурые тучи ветер сносил на северо-восток. Два тучных итальянца сидели в бассейне, похоже, отмокали после дружеского застолья. Лайнер только-только просыпался, лежаки были убраны — видно, ожидалось усиление ветра. Карпеко, перешагивая лужицы на па-

---

лубе, прошел в корму. Серая кильватерная струя гасла в туманной дымке. Глебу Ивановичу не хотелось привлекать внимания туристов, которые обычно собирались в кормовой части девятой палубы. По его расчетам, приблизительно через пять минут лайнер подойдет к точке, наиболее приближенной к полигону, и тогда он бросит в море цветы. Ветер, подгоняя волны, снесет цветы в нужное место.

Карпеко глянул на часы, перешел на левый борт и бросил букет, его тотчас подхватили волны, и вскоре он исчез. Впереди из балтийской мороси проступал шпиль Большого Томаса. И хотя ветер взбивал на гребнях волн пену, лайнер своей громадой гасил начинающийся шторм, и в его превосходстве над стихией было нечто величественное.

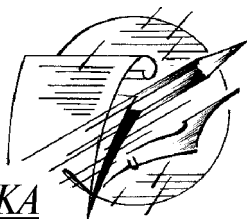
РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Глава 2. ГЕРМАНИЯ — СТРАНА ЧЕТЫРЁХ СОЦИАЛИЗМОВ

Небольшое отступление в историю

Западную и Центральную Европу можно считать творением германского гения. Государства, там расположенные, возникли в результате завоевания Западной Римской империи различными племенами германцев — франками, бельгами, тевтонами, вандалами, англами, саксами и др. Со временем они смешались с коренным населением римских провинций, этнический состав которых был также разный. В итоге образовались разные европейские нации — англичане, французы, итальянцы, немцы и т.п. Но в наибольшей степени и чистоте германское начало сохранили именно немцы, а потому о корнях европейского миропонимания будет правильным сказать именно в главе о Германии. И здесь сразу же возникает вопрос: **была ли Европа христианской?**

В упоминавшемся во введении докладе Олега Платонова содержалось грозное предупреждение: «Мировая христианская цивилизация стоит на краю пропасти... Из христианина средний европеец превращается в язычника — жадного потребителя това-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ров и услуг». Однако, на мой взгляд, отход народов Западной Европы и их культуры от духовных ценностей Нового Завета начался не «с эпохи Ренессанса» (как утверждает в цитируемом докладе), а гораздо раньше, о чём говорили многие западные мыслители, от византийских Отцов Церкви до Освальда Шпенглера и Альберта Швейцера. Пожалуй, наиболее полно эту идею высказал известный немецко-американский философ, психолог и социолог Эрих Фромм (1900—1980) в своей книге «Иметь или быть?», где прямо поставил вопрос: «Является ли западный мир христианским?» и в поисках ответа на него глубоко проанализировал исторический процесс распространения христианства в Европе. Вот его вывод: «...Христианизация Европы была в значительной степени мистификацией, что в лучшем случае может говорить лишь об ограниченной христианизации между XII и XVI веками... Короткий период христианизации закончился, и Европа возвратилась к своему изначальному язычеству».

Но ведь и язычество бывает разное. Характер европейского язычества в решающей степени определили его истоки — мировидения древних германцев, древних греков и римлян, а также католицизм и протестантизм.

Германские корни европейского миропонимания

В предыдущей моей работе «Россия XXI века: путь к мировому лидерству», напечатанной в «Молодой гвардии», я подробно рассказывал о германцах. Здесь лишь кратко напомню: «...Германцы занимались земледелием ради необходимости и предпочитали ему войну и грабёж... Убийство для варваров считалось только ущербом, и они не видели в нём нарушения нравственного закона... Отдельная личность вмещает в себе всё». Боги германцев — это «боги войны и насилия».

В 800 году король франков Карл Великий был провозглашён императором римским, франкским и христианским. Новая Римская империя олицетворяла «град Божий» на земле, власть императора признавалась священной.

После смерти Карла Великого его империя распалась — сначала на три части, а в дальнейшем — на тысячи частей, но установившийся в Европе феодальный строй был «полным торжеством» германских идей. Государство как целое в Средние века исчезло. Господствующим классом были дворяне, рыцари — свободные германцы, стоящие над угнетёнными римлянами, галлами и другими покорёнными народами. Сеньоры занимались войной, грабежом и охотой. Работа, промышленность и торговля считались презренным делом.

Сколько было замков, столько было и феодальных дворов. Свободные привычки германского воина обнаруживались и в феодальном сеньоре, который не мог выносить никакого господства над собой. **Вот что такое германский дух, каким его сформировала история.** Лишь на востоке Германии в начале XIII века появились духовно-рыцарские ордена (Тевтонский и Меченосцев, слившиеся впоследствии, образовав Ливонский орден), нацеленные на захват земель в Прибалтике. Затем на землях ордена в 1525 году было образовано светское герцогство Пруссия.

Это государство переняло орденские традиции, что придало ему новый лик спартанского военного государства. После объединения Германии вокруг Пруссии в ней воцарились железная дисциплина, и прежде присущая германцам анархия сменилась строгим порядком. Но германцы испытывали влияние и других культур.

Греческие корни европейского миропонимания

Всем известен «греческий феномен» в культурной истории человечества: какую бы область знания мы ни взяли, в истоке ее обязательно найдем древнего грека. Но при этом обычно умалчивается о главном — о диком презрении греков ко всему не-греческому.

Эллины говорили: «Кто не грек, тот варвар», вкладывая в эти слова откровенно расистский смысл (варвары достойны быть лишь рабами у свободных эллинов, эллин отличается от варвара, как человек от животного). Презирая труд, именно они «обогатили» человечество учением о «говорящих орудиях» — рабах.

Для грека было важным вырабатывать тщательно ухоженное тело. Кроме того, грека должны были отличать холодное и бесстрастное выражение лица и критическое направление ума.

А в таком государстве-полисе, как Спарта, вырабатывалась «новая порода людей: эластичных, могучих героев». Наконец, греков отличало то, что они жили в обстановке всеобщей и всеобъемлющей конкуренции. Это порождало в них не просто гипертрофированное честолюбие, а именно славолубие, стремление прославиться любой ценой, даже, как Герострат, сожжением одного из семи чудес света — храма Артемиды Эфесской.

Но есть часть культуры Древней Греции, о которой обычно стыдливо умалчивают. А о ней необходимо сказать уже потому, что **именно она заложила те основы западного образа жиз-**

ни, о которых мы мало что знаем. **В истории западноевропейской цивилизации прослеживаются «голубые» корни.**

Проституция, педерастия, педофилия и другие проявления беспремерной половой свободы (лучше бы сказать — распушенности) древних греков органически свойственны их культуре. Выдающиеся персонажи древнегреческой истории были гомосексуалистами. История любви греков к мальчикам и её выражение в греческой литературе была **наиболее существенной и значимой основой греческой культуры, которая имела решительно гомосексуальную направленность.** Со времён Солона до завоевания Афин Римом гомосексуализм и педофилия в Афинах были узаконены. Но превосходство свободнорожденного не должно было принижаться интимными отношениями с рабами. **Порок, таким образом, был привилегией, уделом избранных.**

И вот с наступлением эпохи Возрождения индивидуалистически настроенная «образованная публика» Европы, интеллигенция, обрела для себя идеал во вновь открытой тогда греческой культуре с её крайним свободомыслием, страстью к абстрактным проблемам и гипертрофированным почитанием собственной личности.

Интеллигенты эпохи Возрождения, гуманисты, хотели не только быть, но и слыть первыми на своём поприще. Им было присуще колоссальное честолюбие, жажда величия, независимо от того, каким способом, в какой области, насколько удачно оно могло бы быть достигнуто. Здесь нам открывается не просто род пошлого тщеславия, но что-то поистине демоническое. Гуманисты вынуждены были держаться вместе в ещё враждебном им средневековом мире, им также нужна была среда для общения. Но крайний индивидуализм и всеобщее соперничество порождали в этой среде обстановку взаимной ненависти и интриг. Среди них был широко распространён и гомосексуализм.

Римские корни европейского мировидения

Если гуманистическая европейская интеллигенция, сформировавшаяся в эпоху Возрождения, вдохновлялась духом древнегреческой культуры, то носители государственнического начала черпали свои идеалы из наследия Древнего Рима. Ведь лишь одни римляне в Средиземноморье смогли не только отстоять свой язык, но и создать свою, равноценную греческой, культуру. Правда, они строили её по греческому образцу, но все же отстояли и свои национальные принципы, решительно отличные от греческих. *«То, что у греков чти-*

лось, то не заслуживало внимания у римлян; то, что Рим клеймил как порок, в Греции считалось чуть не за доблесть. Римлянин смотрел на характер меркантильного грека (идеалом которого был хитроумный Одиссей) с более возвышенной точки зрения: отчасти так, быть может, как мы смотрим на жидофактора. Но и грек смеялся, в свой черёд, над чванством римлянина, над отсутствием в нём истинного художественного чутья, над тем, что он корчил из себя мецената, над тем даже, что он за модный язык взял язык греческий, оставив свой, родной, для плебса» (Гнедич. Всемирная история искусств. СПб., 1885, переизд.: М., 1997, с. 136).

Искусство вошло в плоть и кровь грека. У римлян «искусство отходит на второй план: их стройные мировые идеалы выражаются в могучем законодательстве, в стремлениях к определённым идеалам государства. Оттого-то история Рима так полна мощными характерами, образцами беззаветной жертвы ради принципа государственности. Весь Рим словно составляет одну железную волю... Задачи римского воспитания были несколько иные, чем в Греции. Греки развивали не только силу, но и грацию и пластичность движения. Рим требовал от гражданина только воинских доблестей, которые были идеалом всех добродетелей» (там же, с. 137, 139).

Греки так и не смогли добиться объединения своих карликовых государств, где «граждане знали в своём государстве всех в лицо» (Гнедич, с. 91), — это и было их идеалом. А римляне создали величайшую империю, и для них ключевой была **идея римского мирового господства, а, следовательно — государственности.**

Эллинской культуре болтовни, презрения к труду и окружающему миру римляне противопоставили культуру, почитающую лаконизм и труд (особенно земледельческий). Они создали образцовую правовую систему для подданных огромного многоязычного и многоконфессионального государства. Именно римский взгляд на человека и гражданина (в сочетании с влиянием получавшего все большее распространение христианства) привёл к исчезновению рабовладения и выравниванию прав подданных, а достижения римлян в государственном строительстве остались образцом и для последующих эпох.

Сильно различались и религии греков и римлян, несмотря на внешнее сходство их пантеонов: «Элин воплощал богов в человеческие образы; у него боги дрались, мирились, воплощались перед глазами смертных, даже жили среди них... Римские божества были отвлечённые абстракты» ... Отношения римлян к своим божествам были меркантильными. Римля-

---

нин приносил богам молитвы и жертвы, и за это бог обязан был ниспосылать ему благоденствие. «Внутренней религиозной веры римский культ не требовал» (Гнедич, с. 144—145).

Такое отношение к религии привело к печальным последствиям. Ради большего сближения покорённых народов Рим признавал их богов и сооружал в столице в честь их храмы. Это породило *«религиозную терпимость, но вместе с тем привело к совершенному безверию... Падение нравственности дошло до того, что в конце II и в начале I столетий до Р.Х. в Риме появились человеческие жертвоприношения, и сенат принуждён был обнародовать закон, воспрещающий эти жертвы»* (Гнедич, с. 145).

В обстановке практически полного безверия важнейшей потребностью, наряду с потребностью в пище, стали развлечения, часто кровавые: *«Хлеба и зрелищ!» — вот обычный крик римской черни... греческие олимпийские состязания приобрели у них характер безнравственный и ужасный... Цирк — это был главный пульс жизни римского народа»* (там же, с. 147—148), в особенности гладиаторские зрелища.

Увы, завоевав греческие города-республики, римляне наряду с военной добычей обзавелись также в полной мере и греческой порочностью. Гомосексуализм получил наиболее полное развитие как раз в Римской империи, а затем был успешно пронесён в сокровищницах европейского коллективного сознания сквозь тысячелетия. Безбрежная сексуальная свобода, как и всякая свобода, распространялась только на полноправных граждан, а рабам запрещалась законодательно. Но рабы предавались зачастую таким поистине гомерическим видам разврата, которые и не снились их хозяевам.

И когда римское рабовладельческое государство пало под ударами варваров, огромные массы сексуальных извращенцев в достаточно короткое время вдруг стали свободными жителями вновь образовавшихся на территории Европы стран и, более того, основным населением этих стран!

Теперь о самом названии «либерализм». Многие считают, что этот термин произошел от слова «свобода» в основных европейских языках (фр. la liberte, англ. liberty). На самом деле он получил название от одного из божеств, позаимствованных Римом из других стран.

Бог Либер у римлян первоначально был покровителем роста и плодородия, а также семени животных и растений. Религиозные праздники в честь Либера были исключительно разнузданными и грубыми, так что само имя Либера стало синонимом этой разнузданной свободы, передав само её наименование либерализму.

Таким образом морально-этические проблемы западно-европейского общества возникли вовсе не в последние несколько десятилетий, как сейчас нас пытаются убеждать западные идеологи и политики. **Эти отклонения существовали с самого зарождения западноевропейской цивилизации и были тщательно сохранены ею все эти тысячелетия. И либерализм возник именно в западноевропейской культуре вовсе не случайно, а как закономерная реакция общественного сознания на рабовладельческую традицию.** И даже своё имя это движение взяло у фаллического бога вседозволенности Либера.

Однако с первых веков новой эры на мировоззрение западноевропейцев начинает оказывать влияние постепенно распространявшееся на континенте христианство.

Влияние католицизма и протестантизма на менталитет европейцев

Католическая Церковь во главе с римским папой приобрела в Западной Европе громадную власть. Поскольку варвары приняли христианство, отлучение от Церкви было её главным орудием. Отлучённый устранялся от Церкви; а так как Церковью было всё общество, он оказывался отлучённым от всего мира. Церковь, убедившись в силе этого духовного орудия, пользовалась им впоследствии до злоупотребления и слишком часто обращалась к нему для достижения своих земных выгод. Короли и вожди варваров переполняли церкви дарами, искупая свои грехи щедростью, а не раскаянием. Богатство Церкви было последствием и венцом её могущества.

С восстановлением Священной Римской империи германской нации начинается борьба между императорами и папами, проходящая через всю историю Средних веков.

Когда на императорский трон были избраны Гогенштауфены, «они видели в монархии не только возможность держать в руках папу, но и первый шаг к **мировому господству**» («Очерки всеобщей истории», ч. I. М., 1900, с.292). Но и папы «своё **притязание на мировое господство...** проявили очень рано», намного раньше, чем императоры (там же, с. 305). А «стремления папства и империи были несовместимы...» (с. 306).

Папы, став не только духовными, но и светскими владыками, погрязли в политических интригах и войнах за земные блага, и католицизм сильно «приземлил» самосознание населения Западной Европы.

В католицизме постоянно возникали различные ереси. Все реформаторские, как бы направленные на улучшение хрис-

---

тианской церкви ереси в большей или меньшей степени отличал отход от Евангелия и обращение к Ветхому Завету.

Огромное влияние на мировоззрение немцев и других народов Северной Европы оказал Мартин Лютер, основоположник протестантизма, этого религиозного индивидуализма. И сам Лютер, и основанный им протестантизм — это продукты Северного Возрождения, т.е. перехода исторической инициативы от народов Средиземноморья к народам Северной и Западной Европы. Свободолюбивая до анархизма германская душа в области веры была много веков скована догматами католицизма и господством католической церковной иерархии.

Лютер своими глазами видел в Риме страшную картину разложения, продажности и разврата верхушки католического духовенства, практиковавшуюся папами продажу индульгенций — отпущения за деньги не только совершённых в прошлом, но и будущих грехов. Всё это привело его к убеждению, что для спасения души достаточно одной лишь веры в Бога, а католическая Церковь как посредница между Богом и человеком — институт излишний. Церковь должна лишь создавать благоприятную среду, в которой верующим было бы легче получать спасение.

Лютера поддержали князья Северной Германии, давно завидевшие на богатства епископов и монастырей. Так протестанты откололись от католицизма. Протест Лютера буквально взорвал Германию, что послужило прологом к Тридцатилетней общеевропейской войне 1618—1648 годов.

Протестантизм, как и ереси в католицизме, о которых упоминалось выше, означал во многом возврат от Нового Завета Христа к Ветхому Завету (что ещё более «приземлило» самосознание его сторонников).

В Швейцарии, где духовным диктатором стал Жан Кальвин, протестантизм принял ещё более радикальную форму. Кальвинисты, как известно, считают, что Бог изначально предопределил одних людей к спасению, а других к гибели. При этом признаком избранности для них служит успех (особенно в денежных делах, а точнее — величина банковского счёта), независимо от того, какими средствами он достигнут. Кальвинисты пустили глубокие корни в Голландии, а также во Франции (здесь их называли гугенотами). Сходная религия — пуританство — укоренилась в Англии.

Протестантизм, по сути, возрождал, уже на европейской почве, идею «избранного народа» и тем самым оправдывал жестокости, допускавшиеся «избранными» в отношении «не избранных».

Окончательный разрыв с религиозной традицией неприятия ссудного процента произошел ещё в 1545 году с написанием письма Кальвином о ростовщичестве. Таким образом кальвинистов и пуритан были полностью развязаны руки. А особенно после выхода в свет трактатов Джона Локка «Соображения о последствиях понижения процентов на денежные капиталы» (1691 г.) и Иеремии Бентама «В защиту роста» в экономической мысли окончательно закрепилось положение о допустимости ростовщической деятельности. Это привело в итоге к развитию цивилизованного кредита, к появлению первых банков современного типа.

Западноевропейский мировоззренческий коктейль

Вот какой «коктейль» получился от соединения мировидений франков, викингов, греков, римлян, евреев, католиков и протестантов: понимание европейцами только себя полными людьми и взгляд на другие народы как на варваров, которых надо цивилизовать, индивидуализм, выставление на первый план прав личности (причём личности только европейской), жажда обогащения, безудержная конкуренция, выливающаяся «в войну всех со всеми», преобладающее влияние «богоизбранного народа» во всех сферах жизни, растущее влияние гомосексуалистов и прочих извращенцев, практически полный разрыв с христианством, атеизм или процветание псевдохристианских сект, тяготеющих в разной степени к Ветхому Завету.

Хотя Западная Европа разделялась на ряд национальных государств, она превратилась в единую культурную область, что отмечал Ф. Энгельс:

«Различие положения в конце древнего мира (около 300 г.) и в конце средневековья (в 1453 г.): вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая лишь кое-где протягивала свои ветви в глубь материка... теперь одна сплошная культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 20, с. 506).

Как видим, культурной областью здесь признаётся **Западная Европа. А то, что лежит к востоку от Скандинавии, Польши и Венгрии, видимо, считается областью варварства.**

Новым ярким проявлением людоедского миропонимания европейцев стала их военная операция против Ливии. Преследуя корыстные цели — захват нефтяных богатств Ливии, они свергли противившийся этому режим, показав миру, что могут решать, какие правительства законны, а какие нет.

Обоснование этого вмешательства якобы необходимостью защиты мирного населения от расправы диктатора показало их лицемерие, поскольку первыми жертвами их авиаударов стали мирные жители. Своё чёрное дело европейцы осуществили руками наёмников, которые подло и варварски убили захваченного в плен Муаммара Каддафи. А затем хозяева обвинили исполнителей в негуманном обращении с диктатором.

Другие «компоненты» «европейского коктейля» читатель сам может вывести из изложенного выше. Этот «коктейль» и определил те качества европейцев и ту судьбу этого континента, о которых говорилось в предыдущей главе.

Теперь от истории формирования миропонимания европейцев пора перейти к судьбе Германии в XX — начале XXI века. О том, как в ней складывалось расистское тоталитарное государство нацистов, было показано в моей работе «Россия XXI века: путь к мировому лидерству», печатавшейся в «Молодой гвардии». Вот как она развивалась после её разгрома во Второй мировой войне.

Две Германии — две судьбы

9 мая 1945 года закончилась война в Европе капитуляцией нацистской Германии. Территория Германии (и Берлин) была поделена на четыре оккупационные зоны держав-победительниц — Англии, Франции, США и СССР. Однако державы-победительницы по-разному представляли себе будущее Германии.

Лишь недавно стало известно, что ещё к 1940-м годам приобрели очень весомую экономическую и политическую силу лидеры еврейской части (более 5 млн. человек) населения США, требовавшие сокрушения Германии и возмездия за её злодеяния по отношению к евреям. Один из ближайших сподвижников Рузвельта, министр финансов США в 1934—1945 годах Генри Моргентау, еще в сентябре 1944-го разработал «план аграризации Германии» — превращения её в страну «полей и пастбищ»: «Моя программа ликвидации угрозы германской агрессии, — указывал Моргентау, — лишение её всей тяжелой промышленности». Рузвельт и Черчилль одобрили план Моргентау. На Крымской конференции в феврале 1945 года этот план по инициативе СССР был отвергнут, но сам факт его одобрения главами США и Великобритании многозначителен (Кожин В. В. Война и геополитика. Интернет-журнал «Белый мир»).

Многие в Британии и Франции отстаивали раздел страны на несколько мелких государств, которые никогда бы не дали

возможности возродиться немецкой экономической и военной мощи. Французы хотели любой ценой оторвать от Германии левобережье Рейна или хотя бы Саарскую область.

Позиция Сталина в это время была очень миролюбивой: никакого раскола Германии. Американцы и англичане, наоборот, не признавали единого политического государства. Не было принято наше предложение разрешить действовать всем партиям и профсоюзам на территории всей Германии.

Не столько ошибкой, сколько неудачей Сталина иногда считают создание ГДР, поскольку из-за этого не удалось сохранить целостность Германии, сделать ее социал-демократическим государством. Ведь в 1947—1948 годах большинство немцев поддерживали социал-демократов и коммунистов. Сталин исходил из того, что будет республика типа Веймарской. Он предлагал свободные выборы по всей территории Германии, заявив: «Мы признаем любой выбор народа». Дело к расколу Германии повели американцы практически сразу после капитуляции. 5 января 1946 года они изложили свои претензии к Советскому Союзу, и можно считать эту дату началом «холодной», а по существу, Третьей мировой войны.

В итоге в англо-франко-американской зоне была создана Федеративная Республика Германия (ФРГ), а в советской зоне — Германская Демократическая Республика (ГДР). Два германских государства сосуществовали до 1990 года, за это время в ФРГ сложилась капиталистическая система с элементами корпоративного государства, всё более дрейфовавшая к социализму европейского образца. В ГДР складывался социалистический строй с элементами полукорпоративного, полутоталитарного государства. Но преданная своим союзником — СССР (руководство которым в то время осуществлял Горбачёв), ГДР была присоединена к ФРГ. Вследствие разных судеб двух германских государств процессы их развития приходится рассматривать отдельно.

ФРГ: от нацизма к корпоративному социализму

К моменту капитуляции Германии обе части страны лежали в руинах. В советской зоне оккупации первоначально обеспечение мирного населения продовольствием взял на себя СССР, хотя в нашей стране ещё голодала значительная часть населения. А вот каким было положение в Западной Германии.

Объем промышленного производства в 1946 г. составлял около 33 процентов от довоенного уровня, сельское хозяй-

---

ство было отброшено на 30 лет назад, производство стали сократилось в 7 раз, угля — в 2 раза. Германия лишилась 25 процентов своей территории, около 12 миллионов человек было выселено, каждый второй немец был безработный, 20 процентов жилья было полностью разрушено, а 25 процентов — повреждено. В 1946—1947 гг. царил массовый голод, подобного которому немцы не видели и во время войны. Предприятия в лучшем случае изготавливали всякий хлам.

Обесценившиеся деньги практически не имели ценности, население отказывалось их принимать, стремясь получить иностранную валюту или сигареты, кофе, бельё. Товары отпускались по талонам, карточкам и т.п. Один журналист написал: «Германия — это куча мусора, в которой копошатся 40 миллионов голодных немцев».

Вот как впоследствии вспоминал об этом времени автор германского «экономического чуда» Людвиг Эрхард (о нём — ниже): «...Мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет по одной тарелке, раз в двенадцать лет — по паре ботинок, раз в пятьдесят лет — по костюму... Только каждый пятый младенец может быть завернут в собственные пеленки и лишь каждый третий немец может надеяться быть похороненным в собственном гробу».

А вот воспоминания известного немецкого писателя Генриха Бёлля: «...моей единственной мыслью было: предстоят мне десять, двадцать или тридцать лет каторги. Я думал о своей семье... был занят очень личными делами... и прежде всего проблемами голода и холода... В 1945 году 80-летних было, кажется, вдвое больше, чем 25-летних... Даже Томас Манн... представлял себе будущую Европу только социалистической...» («ЛГ», 1985, №38).

Аденауэр — Эрхард: германский тандем успеха

Весной 1945 г. народ Германии был разорен физически и опустошен морально. Улицы немецких городов, нередко страшно разрушенных, были забиты беженцами и инвалидами войны. А немцам ещё предстояло выплатить 20 миллиардов долларов репараций.

Власти США и Англии искали в их оккупационных зонах немцев — сторонников западной демократии, не нацистов, а антикоммунистов. В числе «избранных» оказался бывший обер-бургомистр Кельна Аденауэр.

Немецким реформаторам повезло: «холодная война» побуждала США забыть прошлое ради стратегической важности ФРГ, и они простили ей значительную часть репараций,

---

оказали помощь по «плану Маршалла». Капиталовложения в германскую тяжелую промышленность потекли и со стороны иностранных инвесторов. Из-за наличия в ФРГ американских войск она не нуждалась в собственных вооруженных силах и в военных расходах.

Аденауэр. «Канцлер на руинах» — так в свое время называли Аденауэра. Он родился в 1876 г.в Кёльне, в 1917—1933 гг. — был обер-бургомистром Кёльна. В 1920—1932 гг. занимал пост председателя Государственного совета Пруссии. Аденауэр был человеком абсолютно западных убеждений. Он со скепсисом и цинизмом относился к Германии, больше всего не доверяя «германскому духу», пронизанному высокомерным морализаторством. «Немцы — это бельгийцы, страдающие мегаломанией (манией величия)», — говорил он. Особенно не любил он пруссаков: «Пруссаки, — говорил он — это славянин, забывший, кем был его дед». И ещё: «Как только ночной поезд из Кельна в Берлин пересечет Эльбу, я теряю сон». А в предыдущих главах было показано, что именно «пруссский дух» превратил склонных к анархизму германцев в народ дисциплинированных воинов.

Это мы по наивности считаем Германию страной Запада. Германская же традиция признавала Западом все, что за Рейном. Немецкое антизападничество тщательно культивировалось еще со времен Французской революции. На первый план в германской национальной мифологии выдвигалась идея «крови и почвы», проповедником которой стал Зомбарт.

Если англичан Зомбарт считал воплощением торгашества, то немцев — воителями и героями. Немецкий дух «с чувством омерзения» восстал против английских идей XVIII века — выгоды, счастья, удовольствий. В этом были едины Шопенгауэр и Гегель, Гёте и Шиллер, классики и романтики, старые и новые немцы.

Героическое понимание жизни рождает идею Отечества, служение которому для немца превыше всех личных целей. Немецкое государство — собранная в единство народная общность, которому отдельные люди принадлежат как части. Воинский дух тоже направлен только на службу Отечеству.

По Зомбарту, историческая задача немецкого народа — создание мощного государства, которое станет последней преградой, сдерживающей напор потока нечистот, изливающихся от торгашества, который захлестнёт все народы, ибо они не прикрыты от сей угрозы щитом героического мировоззрения. При этом Зомбарт был против захвата чужих земель. Призвание Германии — дать миру новую здоровую культуру. Но немцы, увы, пошли не за Зомбартом...

Он уже в 1915 году интуицией мыслителя почувствовал, что торгашеская культура неминуемо обрекает человечество на бесконечные беды, ибо запрограммированные корыстью, люди будут стремиться лишь к обогащению и удовольствиям, не думая, чем это грозит миру. Отсюда трагедии XX века («ЛГ», 2006, №47).

Кёльн превратился в крупный центр развивавшейся рейнской индустрии. Аденауэр был одним из руководителей католической партии «Центр». Состоял членом наблюдательных советов акционерных компаний энергетической и угольной промышленности и Немецкого банка.

В 1926 году он выставил свою кандидатуру на пост канцлера Германии и проиграл — как считают многие исследователи, только из-за неудачной, обогнавшей свое время программы христианского устройства общества. Кто знает, как сложилась бы история Германии, если бы Аденауэр стал тогда канцлером... Возможно, Гитлер имел бы намного меньше шансов прийти к власти.

Когда в 1933 г. рейхсканцлер Адольф Гитлер посетил Кёльн. Аденауэр отправил встречать его своего заместителя, запретил вывешивать на улицах города нацистские флаги, а два уже вывешенных приказал снять. Гитлер пришел в ярость. Вскоре Аденауэр был смещен с поста бургомистра Кельна и даже вынужден был бежать из родного города — нацисты развязали против него судебный процесс по надуманному обвинению. Он отказался от всех постов, уйдя во внутреннюю эмиграцию. Аденауэр не принял гитлеровский режим прежде всего потому, что нацисты подменили Бога фюрером, а своей нетерпимостью и жестокостью они напоминали российских большевиков, которых Аденауэр всю жизнь ненавидел. Нацисты несколько раз арестовывали Аденауэра, но суду пришлось освободить его ввиду недостатка улик. Он, опасаясь нового ареста, скрывался, а жил на деньги друга Данни Хейнемана — немецкого еврея, имевшего американское гражданство и проживавшего в Брюсселе.

Аденауэр вместе с семьей каждый день молился дома за поражение Германии, за то, чтобы на ее территорию как можно скорее пришли западные союзники. Поражение нацизма Аденауэр встретил как спасение для Германии. Он вернулся в Кельн, где от семисот тысяч жителей осталось чуть больше тридцати тысяч. Заводы и фабрики лежали в руинах. Аденауэру в то время было почти семьдесят, но он принял предложение оккупационных властей вернуться на должность обер-бургомистра...

Многие поддались тогда коммунистической пропаганде. Бургомистр Кельна, по традиции, является неформальным

светским главой всей католической общины Германии. И Аденауэр предложил христианскую альтернативу. Он приступил к созданию ячеек христианско-демократической партии. В первом своём публичном выступлении в марте 1946 года он определил цели Германии и Европы, каждого немца. Это — отказ государства от господства над индивидом, предоставление шанса для проявления инициативы каждому в любой области жизни, христианская этика как основа общественного устройства.

Германия должна была стать федеративной, а в будущем — составить часть Соединенных Штатов Европы. Может быть, именно с этого выступления Аденауэра началась новая история Старого Света.

Аденауэр создавал не просто новую партию, а подлинно партии нового типа. Его детище — Христианско-Демократический Союз (ХДС) — должен был стать не партией рабочего класса или крестьянства, латифундистов или промышленников. Народная партия обязана была иметь представительство во всех слоях общества, поскольку везде есть люди, тянущиеся к ценностям идейного консерватизма.

Для германской истории до ХДС было характерно два глубоких раскола — между католиками и протестантами, между предпринимателями и рабочими. Надо было преодолеть эти два раскола. Христианское мировоззрение, ориентация на западные духовные ценности привлекали немцев из различных социальных слоев.

Можно сказать, что Аденауэр создал новую политическую культуру Германии, а затем и всей Европы. Обеспечение классового мира стало фактором экономического роста. (Хотя Эрхард считал главной чертой Аденауэра «презрение к человечеству».) Аденауэр, с классической германской точки зрения, был плохим немцем, но, возможно, лучшим европейцем.

Обстоятельный, необычайно волевой человек, Аденауэр был чрезвычайно популярен в народе. К нему запросто обращались «Der Alte» («Старина»).

Аденауэр понимал, что внешнюю безопасность ФРГ можно обеспечить только присутствием войск союзников. Тем не менее, уже в 1956 г. он добился создания новых германских вооружённых сил — бундесвера. Он способствовал европейской интеграции и получил поддержку со стороны западных стран.

Политика Аденауэра базировалась на двух китах — **социальной рыночной экономике** и «новой Германии в новой Европе». Свою главную идею Аденауэр сформулировал так: «Капиталистическая система экономики не соответствует жиз-

---

ненным политическим и социальным интересам немецкого народа. Новая структура немецкой экономики должна основываться на учете того факта, что время безграничного господства капитализма ушло».

Речь шла прежде всего об **увеличении доли рабочих и других лиц наемного труда в «общем пироге», «депролетаризации» трудящихся путем «образования имущества» в руках наемных работников**, а также о **достойном уровне жизни для безработных и нетрудоспособных**. Шагами к этому стали «социальное» жилищное строительство (относительно дешёвые дома и квартиры для рабочих за счет бюджета); «динамичная» пенсия, которая не только зависела от пенсионного вклада, но и возрастала пропорционально увеличению ВВП; социальное страхование по болезни и помощь на детей. Аденауэр поощрял сбережения, предоставляя налоговые льготы вкладчикам сберкасс. Производилось «рассеяние» акционерного капитала — путём выпуска «народных акций», продаваемых лицам наемного труда по льготному курсу. Для этого были частично приватизированы государственные концерны («Фольксваген» и др.). Также поощрялось вложение рабочими части заработной платы в инвестиционные фонды предприятий, на которых они работали.

В 1951 г. в Лондоне состоялась тайная встреча Аденауэра с Наумом Голдманом, председателем Всемирного еврейского конгресса. Голдман высказал желание, чтобы Германия уплатила 1,5 миллиарда долларов евреям: один миллиард государству Израиль и еще полмиллиарда еврейским организациям во всем мире. Даже сейчас это более чем солидные деньги, а тогда, да еще для разрушенной войной Германии, это была вообще астрономическая сумма. Голдман ожидал, что Аденауэр станет торговаться, но тот согласился сразу. Министры его кабинета утверждали, что это невозможно, что таких денег просто негде взять, но Аденауэр был непреклонен: «Это еще очень низкая плата за то, чтобы хоть частично вернуть доброе имя Германии». И деньги нашлись. Естественно, это обеспечило ему поддержку всемирного еврейства.

Аденауэр выбрал для своей страны роль форпоста западного демократического мира против коммунистической экспансии. «Только включив в себя свободную Германию, — утверждал он, — Европа может построить плотину против красного потопа». А еще он говорил: «Мы должны границы ликвидировать, чтобы в Европе возникли хозяйственные регионы, которые могли бы стать основанием европейского единства народов». Он был одним из отцов-основателей и

Европейского объединения угля и стали, и Евроатома, и Европейского экономического сообщества, из которых со временем выросло здание Европейского Союза. А в 1955 г. ФРГ стала членом НАТО.

В единстве с Западом канцлер видел и предпосылки решения вопроса о воссоединении страны. Он выступал против любого компромисса с коммунистической идеологией и планово-распределительной системой хозяйствования. Объединенную Германию он видел только в союзе с западным миром и отвергал все планы ее нейтрализации.

Аденауэр не сочувствовал марксистскому социализму. Но, признавая роль СССР в мире, он пошёл на установление дипломатических, а затем и торгово-экономических отношений между нашими странами. В 1955 г. Аденауэр приехал с официальным визитом в СССР — для переговоров о судьбе пленных немцев, и добился возвращения части из них на родину. Это сделало его национальным героем.

Руководители западных стран воспринимали Аденауэра как равноправного и уважаемого партнера. Особенно тесные отношения сложились у Аденауэра с де Голлем. Столетняя межнациональная вражда была преодолена. Аденауэр и де Голль подписали договор о дружбе. «Не забывайте, — произнес тогда Аденауэр, — что я — единственный немецкий канцлер, который во главу угла ставит единство Европы, а уже потом своего собственного государства. Я готов пожертвовать немецким воссоединением, если мы создадим и войдем в сильный западный лагерь. Во взаимопонимании между Германией и Францией находится европейское будущее». В 1961 г. Аденауэр говорил: «Наша цель, чтобы в будущем Европа стала единым домом для всех европейцев, чтобы она стала жилищем свободы».

Аденауэр руководил страной 14 лет и весьма успешно. Но страна устала и от несменяемого канцлера, и от его политики. Наступали новые времена, в жизнь вступало новое поколение, не знавшее ужасов разрухи и нищеты первых послевоенных лет. Сказались и последствия американизации жизни немцев за время оккупации страны войсками держав Запада. Молодые жаждали лёгкой жизни и лёгких денег, призывы к упорному труду уже не встречали сочувственного отклика. Демагогия социал-демократов оказывалась более привлекательной.

Аденауэр и де Голль провели около сорока встреч. Без этих двух стариков сегодняшняя Европа не существовала бы. При этом оба были в сущности британофобы, считая, что и Францию, и Германию британцы сдадут, если почуют выгоду.

Аденауэр хорошо представлял себе круг мыслей и чувств среднего немца, потому что и сам был средним немцем. Его отличала страсть к экономии. В музее лежит его старомодный кожаный портфель, весь покрытый кожными же заплатками. И он пользовался им до самой смерти.

Умер Аденауэр в 1967 г. в своем скромном доме в Рёндорфе в возрасте 91 года, до последних дней сохраняя ясный ум.

В 2007 г. в устроенном германским телевидением голосовании по определению величайшего немца всех времен победителем оказался не Эйнштейн, не Гутенберг, не Бах, не Гёте, а Аденауэр. В России об Аденауэре издано несколько книг. Наиболее значимые из них: «Конрад Аденауэр и германский консерватизм 50—60 гг. XX века»; «Конрад Аденауэр — немец четырех эпох» — в серии «Жизнь замечательных людей» (М., 2003).

Эрхард. «Апостол свободной экономики» — так называли министра хозяйства, а впоследствии канцлера ФРГ Людвига Эрхарда.

Он родился в 1897 г. В Первую мировую войну был ранен и стал инвалидом. Он закончил институт, стал экономистом, защитил докторскую диссертацию. Он не вступал в нацистскую партию, не сотрудничал с нацистами. Участником антифашистского сопротивления Эрхард не был, но его связывали деловые и дружеские отношения с одним из руководителей заговора против Гитлера 1944 г. Эрхард тщательно изучал централизованную экономику, сравнивая ее с другими моделями, и развивал свое видение экономики. Он видел судьбу Германии в капитализме и стремился привнести в анархию капиталистического развития относительный порядок. В 1942 г. по поручению руководства союза промышленников он объединил вокруг себя группу специалистов, которая произвела критический разбор национал-социалистической финансовой и денежной политики и наметила идеи, которые нашли свое осуществление после войны. Эта группа превратилась в Научно-исследовательский институт промышленности. Он разрабатывал план экономической реформы, которая понадобится после того, как рухнет нацистский режим. Эрхард еще в годы войны разработал концепцию социальной рыночной экономики, которая, по его мысли, должна была стать неким «третьим путем», лежащим между необузданным капитализмом и социалистическим плановым хозяйством. **Эрхард оказался первым в мире либеральным реформатором нового типа.**

Массированное государственное вмешательство в экономику стало реальностью, и она уже не могла вернуться к тому либеральному капитализму, который существовал в середи-

---

не XIX века. В условиях значительного влияния социалистических идей не обойтись без использования широких мер по социальной защите населения. Но принципиально важным для Эрхарда было сохранение хозяйственной свободы и финансовой стабильности.

Эрхард представил свою работу о восстановлении промышленности американцам. Стал министром экономики Баварии и профессором Мюнхенского университета. А в марте 1948 года его назначили директором Управления хозяйства трёх западных оккупационных зон, и он провел свою реформу цен.

В плане Маршалла Эрхард увидел единственную возможность справиться с послевоенной разрухой. Конгресс США не утвердил бы план, если бы в нем не указывались стратегические цели, отвечающие американским интересам: необходимо вернуть Европе способность платить за американские товары. И еще: Соединенные Штаты нуждались в сильной Европе как в оплоте борьбы против коммунизма. Поэтому они были заинтересованы в восстановлении немецкой экономики, ибо оздоровление Германии — решающий фактор подъема Европы. Но для американцев главное было в том, чтобы в Германии появились настоящие деньги, а что при этом будет с уровнем жизни немцев, особенно малообеспеченных, их не волновало. А для Эрхарда денежная реформа была не самоцелью, а ступенью на пути к «обществу всеобщего благоденствия» на немецкой земле. Вот как он понимал свою миссию служения народу: «Экономические концепции и экономические уклады всегда были и будут подвержены изменениям, однако вечной останется цель экономической деятельности — служить и содействовать благосостоянию людей... Никакая экономическая ситуация не может быть настолько безнадёжной, чтобы решительная воля и честный труд всего народа не могли справиться с ней».

Идея социального рыночного хозяйства была выдвинута, исходя, в частности, из гуманистических и христианско-социальных принципов как свободная и гуманная альтернатива центрально планируемой командно-административной государственной экономике и чистому капитализму. Но Эрхард поставил задачу **создания «массовой покупательной способности всех слоев населения»**.

В 1948 г. лидер ХДС Аденауэр пригласил Эрхарда выступить перед руководством партии. В 1949 г. Эрхард стал министром экономики ФРГ.

Особенность Эрхарда, как и Ф.Д. Рузвельта в том, что он был прекрасным оратором, умел объяснить простому народу смысл экономической политики правительства.

Эрхард выступал за свободную экономику, однако он строил социальное рыночное хозяйство и потому был далёк от приверженности крайнему либерализму в хозяйственной жизни и экономической политике. Он ощущал свою высокую ответственность перед обществом за результаты своей политики не только в экономической, но и в социальной сфере.

Либерал нового, современного типа никак не мог бы считать своим достижением, например, рост ВВП или снижение темпов инфляции, если при этом произошло обнищание большинства народа. **В условиях современного социального рыночного хозяйства примитивными оказываются не только конкуренция, но и практически все категории экономической науки, установившиеся в мире на рубеже XX и начала XXI века.** Не случайно официальное название должности Эрхарда было не министр экономики, а министр хозяйства. Думается, Эрхард согласился бы с определением: экономика — это буржуазная лженаука, потому что в современных условиях приходится принимать решения не по привычным для экономистов критериям (величина ВВП, стоимость, срок окупаемости капиталовложений и пр.), а с учётом влияния решений на все стороны народной жизни. В основу идеологии Эрхарда лег синтез неолиберализма и философия социальной ответственности.

Основу социально-ориентированной рыночной экономики, по Эрхарду, составляли: частная собственность, свободные цены, антимонопольное регулирование, низкие налоги. «Рыночное социальное государство» требовало, чтобы бизнес был «ответственным». Бизнесмен может транжирить на личные нужды порядка 10 процентов прибыли. Остальное должно было тратиться на расширение производства. Государство же строго отслеживало политику монополий, ввело благоприятное для рабочих и служащих трудовое законодательство (за 50-е гг. рабочая неделя сократилась с 48 до 40 часов).

В стране имелись институты рынка — банки, биржи, правовая система, частная собственность на средства производства и землю, квалифицированная рабочая сила и навыки предпринимательства. После войны имелся колоссальный внутренний и внешний спрос, что создавало хорошие условия для высоких темпов развития экономики.

США не очень торопились с реформами, опасаясь слишком быстрого восстановления Германии, но ситуацию изменила «холодная война». И Европа нуждалась в германском угле, а восстановить уровень его добычи без поднятия эконо-

---

мики в целом было невозможно. Вот почему Германии досталось более половины помощи по плану Маршалла, оказанной всей Европе.

Денежная реформа была одним из наиболее болезненных мероприятий. Она готовилась в течение двух лет в условиях строжайшей тайны. Новые деньги печатались в США.

Западные оккупационные власти 17 июня 1948 г. одобрили план реформ. Но заявление, с которым выступил по радио утром 21 июня 1948 года Эрхард, ошеломило оккупационную военную администрацию. Эрхард без её разрешения на свой страх и риск объявил об освобождении основных цен (до этого цены практически на все товары были заморожены) и об отказе от регулирования заработной платы. Американцы предполагали лишь введение вместо рейхсмарок стабильной валюты. Эрхард же отменил и государственное планирование и централизованное ценообразование на большую часть товаров, предоставив немецким предприятиям полную свободу деятельности.

Американский военный губернатор Клей был возмущён этим. Но Эрхард объяснил ему, что нацистская военная экономика парализовала предпринимательство, устранила конкуренцию и привела к социальным перекосам, поэтому необходимо восстановить естественные отношения между трудом и его оплатой. Нужно постоянно повышать покупательную способность населения. Производство не может развиваться, не имея широкой базы для сбыта; увеличение покупательной способности населения, в свою очередь, постоянно стимулирует производство и повышение производительности труда. И всё это должно регулироваться исключительно рыночными рычагами. Эти доводы были понятны любому американцу, они в большинстве своём были приверженцами рынка. Понял это и Клей, который к тому же был политик и потому увидел, что Эрхард стремится сделать невозможными возврат немецкой экономики к методам нацизма и попытки перенять методы социалистического хозяйствования.

В ночь на 21 июня 1948 г. администрация объявила о вводе новой валюты — дойчмарки (вместо нацистской рейхсмарки). Каждый гражданин получил по 40 новых марок, потом к ним добавили еще 20. Пенсии, заработная плата, квартирные платежи пересчитывались по курсу 1:1. Половина наличных денег и сбережений, а также все обязательства предприятий обменивались по курсу 1:10, вторая половина временно замораживалась с последующим обменом по курсу 1:20. Все предприятия получали средства для выплаты первой заработной платы, но в дальнейшем они должны были

работать за счёт своей выручки. В качестве противовеса был принят закон против произвольного завышения цен, публиковались каталоги так называемых уместных цен. Цены выросли, но незначительно.

Реформой Эрхарда был включен рыночный механизм. Немцам трудно было представить, что можно жить без карточного распределения. Отмену его многие восприняли прямо-таки с ужасом. В общем, реформа подчистую ограбила среднестатистического немца (хотя, казалось бы, куда дальше) и подстегнула рост цен. Но... в том же 1948 г. немцы увидели магазины, забитые товарами на любой вкус. Первый месяц население, хрустя в кармане 40 новыми марками, бродило в экскурсиях по магазинам. Затем пошла на убыль цены, а резко возросшее промышленное производство позволило работникам получать приличную, а главное, стабильно возрастающую зарплату. Исчез «черный» рынок. Цены, конечно, отпугивали, но и стимулировали трудиться. Открывалась просто невероятная конъюнктура.

Реформы Эрхарда поборол инфляцию. Несмотря на критику слева и непонимание даже со стороны своих сторонников, Эрхард был верен своему главному принципу — твердой марке, и его терпение и хладнокровие в итоге победили.

На помощь реформаторам пришла и война в Корее 1951 г. США размещали в Германии заказы на изготовление военной техники. Это дало экономическому развитию ФРГ новый толчок: был отмечен экономический рост по 8 процентов в год, она превратилась в один из экономических гигантов мира.

Обеспечить быстрый экономический рост можно было только за счет захвата внешнего рынка и вытеснения с него конкурентов. С 1953 г. начался бурный рост промышленности, производства товаров народного потребления, жилищного строительства. По выражению Эрхарда, это был «год потребителя». Период непрерывного экономического роста до конца 60-х годов получил название «немецкого экономического чуда». ФРГ занимала второе место по величине золотовалютных резервов, третье место после США и Англии по объему промышленного производства. Так же активно развивалось сельское хозяйство, превзойдя довоенный уровень уже в 1953 г. благодаря проведенной в 1947—1949 гг. земельной реформе, передавшей основную часть угодий юнкерских хозяйств в руки мелких собственников.

ФРГ имела активное сальдо торгового баланса. Началась внешнеторговая экспансия Германии, ее товары в силу высокого качества и приемлемых цен находили спрос по всему

миру. Значительную роль в становлении экономики Германии сыграл подъем автомобильной промышленности (фирмы «Фольксваген» и «Ауди»), производство бытовой техники («Сименс» и др.). Известно, что англичане отказались от завода «Фольксваген», предназначавшегося им по репарациям, считая, что это производство является устарелым и нерентабельным, но уже в 1950 году завод стал производить всемирно известные «жуки», выдерживающие жесткую конкуренцию даже на рынке США. Как и в США машины Форда, этот автомобиль стал всенародным и доступным. Покупка автомобиля стала мечтой каждого немца, люди стремились хорошо зарабатывать. В свою очередь, развитие автомобильной промышленности породило спрос на строительство инфраструктуры и качественных дорог — автобанов. Получил широкое развитие автомобильный туризм.

Повышался уровень доходов населения, шло активное и массовое формирование среднего класса. В 1951 г. был принят закон, закреплявший участие рабочих в управлении производством, вводивший в совет директоров предприятия их представителя. Были снижены налоги, приняты меры по стимулированию инвестиций в обновление и развитие производства (метод ускоренной амортизации недвижимости и др.). Для поощрения экспорта предоставлялись налоговые льготы, под крупные контракты выделялось финансирование.

К 1956 г. Германия расплатилась с долгами и стала кредитором. Был создан государственный банк — Bundesbank, принимавший активное участие в развитии промышленности, выдававший кредиты под низкий процент.

Одним из важнейших локомотивов роста экономики Германии стало решение жилищной проблемы в крайне сжатые сроки. Немцам хватило ума отказаться от строительства временного, дешевого жилья. В основном строилось бесплатное, т.е. социальное жильё для малоимущих семей. Частные инвесторы получали компенсацию в размере разницы между затратами на строительство и арендными доходами. Строилось и коммерческое жильё. Стимулировалось переселение малообеспеченных немцев в дома с приусадебными участками. Субсидирование в зависимости от числа детей составляло до 30 процентов, выделялись беспроцентные кредиты.

Общий объем возведенного жилья составил около 250 млн. кв. м. (около 5 миллионов единиц жилья), при этом доля государственных инвестиций составляла от 30 до 50 процентов.

Всемирную славу Эрхарду принесли первые 10 лет его деятельности. О росте благосостояния немцев красноречиво

свидетельствовали массовая автомобилизация и массовый транснациональный туризм. Даже расколота, Германия превратилась в первую индустриальную державу Западной Европы. По объему экспорта промышленной продукции она обгоняет США. Немецкая марка становится символом прочности. О безработице немцы тогда забыли. Страна поглощала несколько миллионов гастарбайтеров, чей дешевый труд тоже способствовал «экономическому чуду». Никогда еще в немецкой истории благосостояние «рядового» немца не росло столь быстрыми темпами.

Для ограничения власти монополий была ограничена принадлежащая им доля рынка. Основой рынка стал мелкий и средний бизнес. В ФРГ он обеспечивал основную часть занятости, около 30 процентов экспорта, до 46 процентов валовых инвестиций и 57 процентов ВВП.

Решающее значение в развитии промышленности в ФРГ сыграл бурный научно-технический прогресс, создание новейших технологий.

Эрхард в 1963 г. стал канцлером ФРГ, но покинул этот пост в 1966 г. В глазах бедняков он выглядел выразителем интересов буржуазии. Но именно он выковал то оружие, которым до него воспользовался Аденауэр.

Эрхард правильно выбрал приоритет для широких масс. Но творческая интеллигенция и молодёжь надеялись на перемены, а этого не последовало. Эрхард стал терять поддержку не только интеллигенции, но и «среднего класса», который больше не хотел внимать призывам Эрхарда к сдержанности, экономности, к воззваниям больше работать, чтобы лучше жить. Народ желал хлеба и зрелищ, благосостояния, достигаемого быстрым и легким путем.

Творца «экономического чуда» не порадовало бы нынешнее усиление государственно-бюрократических структур в ФРГ.

Итоги своей деятельности Эрхард подвел в книгах «Благосостояние для всех», «Военные финансы и консолидация долгов» и «Полвека размышлений. Речи и статьи». В идейном смысле, деятельность Эрхарда протекала не в русле либерализма, и уж конечно, не социализма, а в русле солидаризма. Сам он этого термина избегает и говорит о себе лишь как о христианском демократе. Он сформулировал принципы настоящего социального государства. Но и рост благосостояния, по Эрхарду, — не был самоцелью: рост потребления не приносит человеку счастья, а увеличение материального благосостояния еще не гарантирует гармоничного общежития людей и народов. Чем больше пирог национального богат-

---

ства, тем больший его кусок достанется каждому. С помощью разумной фискальной системы можно уменьшать разрыв между самыми богатыми и самыми бедными, не лишая наиболее энергичных и предприимчивых стимулов к преуспеянию.

Умер Эрхард в 1977 году. И тут пришёл конец чуда. К власти пришли социал-демократы, активно использовавшие подходы Кейнса. Немецкая социальная рыночная экономика становилась постепенно всё более социальной и всё менее рыночной.

Еще при жизни Эрхарда его противники, по-социалистически борясь с безработицей, заявляли: «Лучше иметь пятипроцентную инфляцию, чем пятипроцентную безработицу». На что Эрхард ответил: «Вы получите и то, и другое». Что вскоре и произошло: после 1966 года начался рост долга Германии, еще быстрее росли социальные пособия, затем безработица. Экономика вновь обростала неисчислимым количеством регулирующих актов, бюрократия её попросту душила.

Так, не отказываясь от рыночной экономики, лидеры СДПГ решили усилить её государственное регулирование и внести в неё элемент плановости. Под давлением рабочих и служащих была повышена зарплата, снижен пенсионный возраст — до 63 лет, повышены наиболее низкие пенсии.

Был принят новый закон о статусе предприятия (1972 г.), направленный на «социальный мир». Рабочие получали сертификаты и другие титулы собственности.

Далее был принят план развития народного хозяйства на 1975—1985 гг., предусматривавший государственное стимулирование экономики и поддержание темпов роста не менее 5—6 процентов в год.

Правительство Аденауэра—Эрхарда всегда действовало в интересах подавляющего большинства населения, ему не было присуще отстаивание интересов узкого круга приближенных лиц или монополий. Эрхард создал модель практически идеального рынка, где требования рыночной эффективности были так же важны, как и соблюдение социальной справедливости.

Историческая заслуга Эрхарда заключается в том, что благодаря его усилиям под западногерманскую демократию был подведен мощный экономический фундамент.

Страна, прежде считавшаяся очагом агрессии, национализма и империализма, превратилась в одну из самых стабильных и процветающих демократий Запада. Германия органично вписалась в контекст европейского и мирового сообществ и играет в них серьезную позитивную роль.

К сожалению, в ГДР не нашлось политиков, равных по масштабу дарования Аденауэру или Эрхарду. Историю ГДР, просуществовавшей всего 41 год (1949—1990) делят на три периода: эпоху Ульбрихта (1945—1971) — это период построения социалистической системы по советскому образцу; эпоху Хонеккера — период попытки приспособления ее к задачам и вызовам социалистического индустриального общества; и краткий этап кризиса и распада.

Эпоха Ульбрихта. Эту эпоху можно разделить на три этапа — по именам руководителей СССР: этапы Сталина, Хрущёва и Брежнева.

В 1945 г. в Восточной Германии оказались 2 миллиона советских солдат. Мирное население, которому проведенная в свое время пропаганда Геббельса представляла советскую армию как «нашествие степных орд», жаждущих возмездия, со страхом ожидало своего рода «конца света». Однако, если не считать отдельных эпизодов насилия, неизбежных после столь долгой и ужасной войны (которые, тем не менее, жёстко пресекались советским командованием — вплоть до расстрела насильников), скоро убедилось, что именно Советская Армия взяла на себя миссию его спасения и налаживания мирной жизни. Советский военный комендант Берлина обеспечивал снабжение жителей города хлебом, их кормили из солдатских кухонь.

Еще до окончания боев за Берлин, 30 апреля, десять коммунистов («группа Ульбрихта») были доставлены в Германию из Москвы. Глава группы, Вальтер Ульбрихт, бывший депутат рейхстага, выжил и при гитлеровском терроре, и в ходе сталинских чисток, и считался несгибаемым сталинистом. Вышли из подполья и примкнули к этой группе многие коммунисты и социал-демократы, ещё остававшиеся в Германии.

Политика СССР в отношении Германии определялась позицией Сталина, которая менялась с изменениями международной обстановки. Сталин не советовал ориентироваться на создание советской коммунистической модели, политика СССР оставляла открытым путь к решению германского вопроса. Поэтому на первом этапе СССР относился к восточной Германии как к части побеждённой страны. Советские власти захватили «командные высоты» в экономике: либо национализировали, либо демонтировали и отправили в СССР в счёт репараций, либо перевели в советскую собственность крупные предприятия, принадлежавшие нацистам или их

попутчикам. Были конфискованы крупные частные банковские вклады как нажитые при нацистах. Провели земельную реформу, распределив владения крупных землевладельцев между 500 000 крестьянских хозяйств. Развернули чистку государственного аппарата.

Понимая, что компартия в одиночку проиграет любые свободные выборы, советские власти принудили социал-демократов и коммунистов объединиться в новую партию — Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). Несогласные с линией на становление СЕПГ как ленинской «партии нового типа» по образцу Компартии Советского Союза были исключены из партии, многие оказались в тюрьме. В целом в советской зоне оккупации проводилась «сталинизация».

Поскольку США, Англия и Франция поддержали образование в их зонах оккупации Федеративной Республики Германии и тем самым отказались от советского предложения об образовании единого германского государства, 7 октября 1949 г. была провозглашена Германская Демократическая Республика. Президентом ГДР стал бывший коммунист Вильгельм Пик, а главой Временного правительства — бывший социал-демократ Отто Гротеволь. Властители ГДР изображали её образование как «поворотный пункт» в истории Германии и, более того, всей Европы. Коммунистический лагерь, согласно его идеологии, был предназначен самой историей проложить путь всему человечеству и вести его по этому пути к новому всемирному строю мира и социальной справедливости.

Ульбрихт в июле 1950 г. был избран Генеральным секретарем СЕПГ и фактически — верховным властелином ГДР. Он вёл ГДР по суровому сталинскому пути «планомерного строительства социализма».

ФРГ в 1950 г. приняла решение участвовать в создании Европейского объединения угля и стали и Европейского оборонительного сообщества с участием западногерманских частей. ФРГ разрешалось создание армии. Тогда и Сталин указал руководителям Восточной Германии, что ГДР должна создать с помощью СССР Народную армию, поскольку «*нацифистский период закончен*».

СЕПГ в 1952 г. приняла решение о «планомерном строительстве социализма» не как реализации «национальной модели социализма», а как освоения существующей в СССР системы сталинизма. В повестку дня встали проведение форсированной коллективизации сельского хозяйства, огосударствление промышленности и осуществление политичес-

---

ких репрессий. В общественной сфере усиливалась борьба с классовыми врагами. Началась разработка пятилетнего плана развития народного хозяйства. Следуя сталинской модели, лидеры ГДР навязывали жесткую экономическую систему с централизованным планированием и государственным контролем. Курс на форсированное развитие тяжелой промышленности отрицательно сказывался на работе других отраслей народного хозяйства. На протяжении всего своего существования ГДР переживала экономические трудности. Населению ГДР было трудно понять, почему многие товары повседневного спроса отпускались только по карточкам.

Второй этап начался сразу после смерти Сталина. В Москве пришли к выводу об ошибочности прежнего курса на форсированное строительство социализма в ГДР. От руководства ГДР потребовали принять меры по улучшению ситуации. Прежде всего следовало прекратить преследование церкви, обеспечить рост производства товаров народного потребления. Главное — нужно было как можно скорее повысить уровень жизни граждан ГДР.

Правительство ГДР провозгласило более мягкую экономическую политику, но не отменило 10-процентное повышение норм выработки для рабочих при сохранении прежней зарплаты. И 16 июня последовал взрыв. Начались забастовки, демонстрации протеста. Советские войска привлекались для «наведения порядка». Среди демонстрантов и сотрудников полиции и госбезопасности был убитые и раненые.

Итак, главным толчком к началу народных волнений в ГДР 16—17 июня послужила радикальная смена политического курса внутри страны, которая произошла под влиянием нового кремлевского руководства и, в частности, Берии, который считал, что нужна не социалистическая, а прежде всего мирная и объединенная Германия. (А позже именно Берия обвинят в том, что он якобы чуть ли не инициировал беспорядки в Восточном Берлине.) Для скорейшей реализации этих планов требовалось завоевать доверие народных масс ГДР, общественного мнения ФРГ и ведущих западных стран. Москва еще более укрепилась в мысли о непрочности и уязвимости структур власти в «рабоче-крестьянском государстве» и встала на сторону Ульбрихта в его противостоянии с внутрипартийной оппозицией, которая требовала его отставки. Возможно, Ульбрихт сам спровоцировал народные выступления, чтобы добиться от Москвы проведения германской политики в духе концепции «двух Германий» и признания незаменимости режима СЕПГ. После событий 17 июня

1953 г. Москва взяла курс на включение ГДР в военно-политический блок во главе с СССР. Вместо взимания репараций, СССР стал оказывать ГДР экономическую помощь. Советским ответом на включение ФРГ в НАТО стало создание 14 мая 1955 г. Организации Варшавского Договора (ОВД). ГДР превращалась из бывшей оккупационной зоны в партнера СССР.

В январе 1956 г. ГДР учредила Национальную Народную армию и министерство обороны. Вооруженные силы ГДР практически полностью зависели от СССР, в том числе в вопросах обеспечения оружием.

Еще одним потрясением для стран советского блока стал XX съезд КПСС (1956 год), на котором Хрущев выступил с разоблачением сталинских репрессий. Откровения лидера СССР вызвали волнения в Польше и Венгрии, но в ГДР ситуация осталась спокойной благодаря улучшению экономического положения, вызванному новым курсом, а также возможности для недовольных граждан «голосовать ногами», т.е. эмигрировать через открытую границу в Берлине. Уходили не чернорабочие, а квалифицированные специалисты, особенно медики. Это обескровливало ГДР.

Руководством ГДР все более овладевало чувство, что стране угрожает скорый экономический крах. И в августе 1961 г. была возведена бетонная стена с заграждениями из колючей проволоки между Восточным и Западным Берлином. Разрывались семьи, рушились дружеские отношения между людьми.

Ульбрихт оценил установление Берлинской стены как «второй день рождения ГДР».

В июне 1962 г. Хрущев публично продемонстрировал растущее раздражение поведением Ульбрихта. Но в октябре 1964 г. на пенсию был отправлен Хрущев, а Ульбрихт оставался на должности первого секретаря ЦК СЕПГ до мая 1971 г.

Эпоха Хонеккера. Третий этап наступил, когда недовольное попытками Ульбрихта саботировать восточную политику Брандта, направленную на улучшение отношений между ФРГ и советским блоком, новое советское руководство добилось его отставки с партийных постов. Его преемником на посту первого секретаря СЕПГ стал Эрих Хонеккер.

И всё же можно говорить об определённом периоде стабильности и процветания ГДР. К концу 1960-х гг. уровень жизни вырос втрое. К 1980-м гг. ГДР стала высокоразвитой индустриальной страной с интенсивным сельским хозяйством. Уровень жизни в ГДР был самым высоким из всех стран социалистического блока. Население стало терпимо

относиться к политике СЕПГ. Удачной была реформа образования, которая обеспечивала бесплатное восьмилетнее обучение как базовое (за образец приняли советскую школу). Это выдвинуло ГДР в сфере образования на одно из первых мест в мире. Образцово было поставлено здравоохранение. Хорошей признавались системы социального страхования и социальной поддержки населения (детские сады, профсоюзные дома отдыха, поликлиники). Молодым семьям предоставлялось бесплатное жилье и т.п.

Конечно, как и в любом обществе, в ГДР существовали иерархия и неравенство в уровне жизни. Мечты миллионов о своем доме, полных прилавках магазинов были воплощены лишь в небольшом «оазисе социализма» на улице имени Сталина в Берлине и на страницах иллюстрированных журналов. Рост уровня жизни не сопровождался политической либерализацией. Интеллектуалы ГДР испытывали в своем творчестве ограничения.

Даже самые ярые недоброжелатели социализма вряд ли станут отрицать, что развитию культуры в ГДР уделялось большое внимание. Но успешнее всего ГДР повышала свой международный престиж в области спорта. Развитая система государственных спортивных клубов и тренировочных лагерей воспитывала высококлассных атлетов, добивавшихся поразительных успехов на летних и зимних Олимпийских играх, начиная с 1972 г. Однако **восточные немцы слишком поздно поняли преимущества своего социализма по сравнению с социализмом западноевропейского образца.**

В ФРГ социализация жизни шла в основном по линии повышения заработной платы. Поэтому там жизненный уровень, измеряемый покупательной способностью, был выше, чем в ГДР. Но культурная жизнь, развлечения, занятия спортом в обществе индивидуалистов — дело частное и должны оплачиваться каждым индивидом (семьей). Ясно, что посещение, например, Венской оперы, билет в которую стоил несколько сот марок, было доступно только весьма обеспеченным гражданам. Эта система напоминала систему натурального хозяйства, только в денежной форме. Человек должен был сам «вырастить на своём участке» (то есть заработать) всё необходимое для жизни, а если ему требовалось что-то, чего на участке произвести нельзя, он должен был продать часть выращенного и купить недостающее на рынке. А в ГДР разностороннее развитие человека считалось задачей государства, и на средства государственного бюджета осуществлялось развитие инфраструктуры, необходимой для удовлетворения культурных потребностей самых широких народных масс. Вступая в жизнь, человек уже заставлял гото-

---

вой инфраструктуру жизнеобеспечения, он даже не замечал её, как не замечал воздуха, которым дышал. Но и сам в дальнейшем отдавал часть своего заработка на дальнейшее развитие этой инфраструктуры. Естественно, это ограничивало возможности повышения заработной платы трудящихся. А что означал для людей этот «воздух» инфраструктуры, они почувствовали только тогда, когда его лишились.

Отношения людей на производстве при социализме отличались гораздо большей демократичностью и человечностью, чем при капитализме. В ФРГ, как бы ни продвигалась вперёд социализация жизни, как бы ни наращивалась социальная ответственность предпринимателей, всё же хозяин предприятия оставался хозяином, наёмный работник — наёмным работником. В ГДР, естественно, существовала иерархия отношений на производстве, директор был директором, рабочий — рабочим. Но директор — не хозяин предприятия, сегодня он директор, а завтра... Всё может быть. Директор, инженер, рабочий — это члены единого производственного коллектива, работающего ради укрепления социалистического Отечества. И если в быту кто-то и называл соседа (соседку) «герр (фрау) Мюллер», то на производстве они были товарищи. Обращение «геноссе» («товарищ») больше было принято в партийной среде, а в трудовых коллективах к работникам обращались как к коллегам. ГДР была в гораздо большей степени, чем ФРГ, корпоративным государством (и даже с элементами тоталитарного государства).

С приходом к власти в СССР Горбачева советское руководство предупредило своих сателлитов: *«Вы самостоятельны и несёте ответственность за свои действия, за свою политику перед своими партиями и перед своими народами. С этого момента ни на какое вмешательство из Москвы больше не рассчитывайте»* (из интервью Горбачёва компании «Financial Times Deutschland» (Германия) 10 ноября 2004 г.)

А вот интервью Горбачева компании BBC (Великобритания) 20 сентября 2009 г.:

«Я был в ГДР, когда отмечали 40-ю годовщину ГДР. ...Если бы Хонеккер понял вызовы и опасности, которые подстерегали его, он мог еще многое сделать в такой стране, как ГДР. Даже решение германского вопроса было бы иным... Конечно, мы в это время общались и с Великобританией, и с Францией. Тэтчер и Миттеран настойчиво просили остановить процесс объединения. Я спрашивал, какие у них есть идеи, и понимал, что у них одно предложение — чужими руками жар загребать.

И Буш, и госсекретарь США Бейкер, и канцлер ФРГ Коль говорили о том, что войска НАТО не выйдут за пределы ФРГ,

---

что даже и бундесвер до ухода наших войск не будет на территории ГДР, и так далее. Немцы говорили, что НАТО не имеет никаких планов расширения на Восток... Что значит идти на Восток, когда есть Варшавский Договор? Это значит идти на военные действия. Никто не мог пойти на это. А вот когда не стало Советского Союза, им захотелось использовать этот шанс... Они, кстати, это и называют аргументом, что мы, мол, вели разговор с руководством одного государства и обещали ему, а теперь уже это другое государство... После этого я подвергаю большому сомнению позицию своих партнеров. Не надежные люди... Делегации приезжали одна за другой, видели, в каком положении находится Россия — безработица, промышленность в упадке, сократился ВВП, но наши друзья и партнёры довольно потирали руки. В тот момент у меня сформировалось мнение, что наши западные партнеры хотели, чтобы Россия подольше пребывала в полупридушенном состоянии. Они и сейчас от этого не освободились.

...Хонеккерское руководство СЕПГ все еще упорствовало в своем нежелании вступить, подобно СССР, на путь внутренних реформ. Оно старалось оставить все по-старому, хотя волнения в стране нарастали с каждым днем».

В общем, приход к власти в СССР М.Горбачева и его политика перестройки и гласности подорвали основу существования правящего режима СЕПГ. Лидеры ГДР рано осознали потенциальную опасность и отказались от перестройки у себя. Но СЕПГ не могла утаить от граждан ГДР информацию об изменениях в других странах советского блока. Передачи западногерманского телевидения, которые жители ГДР смотрели, широко освещали ход реформ в Восточной Европе. И преимущественно пассивные дотоле граждане ГДР требовали поначалу другого, подлинно демократического социализма, а потом стали призывать к воссоединению Германии.

В своей речи, посвященной 40-летию существования ГДР, Хонеккер обрисовал положение в стране как полнейшую идиллию. А то, что происходило в эти дни на улицах Берлина, напоминало настоящее извержение вулкана. Идолом демонстрантов был Михаил Горбачев. Народ скандировал: «Горби, Горби!»

17 октября 1989 г. Хонеккер был снят с поста Генерального секретаря СЕПГ. Когда же 9 ноября 1989 г. стена между Западным и Восточным Берлином рухнула, с социалистической ГДР было практически покончено. Большинство народа требовало покончить с ГДР посредством воссоединения с ФРГ. Последним премьер-министром ГДР стал Лотар де

Мезьер (профессиональный музыкант и юрист, потомок французских аристократов, бежавших в Германию от революции). Под его руководством был осуществлен быстрый демонтаж прежнего аппарата управления. 3 октября 1990 г. кончилась эра ГДР и началась эра объединенной Германии.

Жители ГДР были полны надежд на лучшее будущее. Оправдались ли их ожидания?

Объединение Германии. Конфедерация или поглощение?

Пора сказать о современном лидере ФРГ. 10 октября 2005 г. новым канцлером ФРГ впервые в истории Германии стала женщина — Ангела Доротеа Меркель, представляющая правую коалицию ХДС/ХСС. По итогам выборов в бундестаг 27 сентября 2009 года она сохранила этот пост.

Меркель родилась в Гамбурге, в семье лютеранского священника и учительницы. Но в 1954 г. её отец Хорст Каснер перевёз семью в ГДР, где у него были дом и два автомобиля. Ангела окончила привилегированную школу, а затем Лейпцигский университет и получила место в Центральном институте физической химии АН ГДР, где проработала вплоть до 1990 г. В 1986 году защитила докторскую диссертацию. Она, негативно относившаяся к социализму, в то же время была членом районного комитета Союза молодёжи. Она отказалась сотрудничать со «Штази», не вступила в СЕПГ, но и не участвовала в оппозиционном движении. В рассекреченных архивах «Штази» зафиксированы её высказывания с критикой социалистического строя. Победив в общенациональной олимпиаде по русскому языку, получила в награду поездку в СССР. Меркель хорошо говорит по-русски. В 1990 г. Меркель стала пресс-секретарем премьера ГДР де Мезьера.

Колю нужны были в правительстве представители новых федеральных земель, женщины и новые политики. Меркель отвечала всем этим требованиям. После объединения Германии она стала депутатом бундестага от ХДС. Коль пригласил её в свое правительство на должность министра по делам женщин и молодежи. Он называл ее «девочкой» и сделал заместителем главы ХДС. Меркель была предана канцлеру, который в 1994 г. назначил её министром по делам окружающей среды. Но в 1998 г. Коль проиграл на выборах, да ещё и стал героем коррупционного скандала. Меркель возглавила движение по свержению Коля с партийного поста. (Между прочим, сама она была замешана в скандале, но его удалось замять.)

В 1998 г. Меркель была избрана генеральным секретарем партии, а в 2005 г. стала канцлером Германии. В партии её не

очень любят старые функционеры ХДС. Многие немцы считают её ставленницей «Штази».

Особенно тесные отношения у Германии установились при Меркель с Израилем. Премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт 3 августа 2006 г. сказал: «В настоящее время нет другого народа, который бы относился к Израилю более дружелюбно, чем Германия». В 2008 г. Меркель выступила с речью в Кнессете Израиля, которую начала на иврите. Она подчеркнула историческую ответственность Германии перед Израилем и то, что безопасность еврейского государства входит в интересы Германии и никогда не станет предметом торга.

Личная жизнь Ангелы поначалу не удалась — во время учебы в университете она вышла замуж за своего одноклассника Ульриха Меркеля, с которым прожила пять лет. Но в 1982 г. ушла от мужа. Второй раз она вышла замуж в 1998 г. — за профессора химии Иоахима Зауэра. Детей у неё нет.

Ныне Германия играет ведущую роль в Европе. Ну, а что же с «новыми землями»?

Запад и Восток есть и в Германии. В объединённой Германии бывшая ГДР сразу же потонула, будто и не существовало никогда германского социалистического государства. На восточные земли ФРГ были распространены капиталистические порядки, действовавшие в ФРГ. Социальная система ГДР была разрушена. Подвергли люстрации не только чиновников высокого ранга, а чуть ли не всех государственных служащих ГДР, даже почтальонов увольняли с работы, если обнаруживали их принадлежность к тайным агентам «Штази». Эта показная беспощадность к основной массе мелких стукачей только маскировала снисходительность властей Германии к действительно важным фигурам — иногда даже к публично разоблаченным агентам.

Горбачев, дав согласие на объединение Германии, не оговорил условия, чтобы бывшие руководители ГДР были ограждены от судебного преследования. Хонеккер, искавший убежища в Москве, был возвращён в Берлин, где в 1992 г. предстал перед судом, но был освобожден, поскольку умирал от неизлечимой болезни, и отправлен в изгнание в Чили (умер в 1994 г.). Другие руководители ГДР были осуждены на разные сроки лишения свободы.

Практически ни одно промышленное предприятие ГДР не могло быть использовано в условиях рынка. Замены требовали транспорт, средства связи, системы энерго- и газоснабжения, жилищный фонд.

Западные немцы, взявшись за реконструкцию доставшегося им хозяйства ГДР, содрали со стен домов облицовочную

плитку и заменили её минеральной ватой, покрытой тёмным (чтобы поглощал солнечные лучи) цементом. Двойные рамы заменили тройными стеклопакетами, что превратило балконы и лоджии в удобные мансарды, и т.д. В итоге они сократили расход энергии на ЖКХ на 58 процентов. И так во всём.

Прошла приватизация колоссального государственного имущества ГДР — промышленных предприятий, государственных и кооперативных хозяйств, лесов и сети сбыта. Были приватизированы около 15 000 фирм; около 3,6 тыс. предприятий пришлось закрыть. В новые земли были перечислены триллионы марок из общественных фондов. Но тут стало нарастать недовольство сравнительно бедных восточных немцев, которые не ожидали, что преобразование окажется столь мучительным. Нарастала взаимная неприязнь между «осси» (как стали называть жителей восточных земель Германии — от немецкого Ost — восток) и «весси» (от немецкого West — запад). Вместо Берлинской стены возникли «новые стены» в отношениях между немцами: экономические, социокультурные и психологические. Полагают, что потребуется время жизни по крайней мере одного поколения немцев, чтобы это изжить.

Большинство восточногерманских предприятий закрылись. Немногие предприятия выжили в новых условиях лишь благодаря безжалостному сокращению персонала. Безработица на востоке Германии была в разы выше, чем в западной её части. Порт Росток не смог конкурировать с Гамбургом и Килем, и большинство рабочих рук оказались лишними.

После присоединения ГДР территория ФРГ увеличилась с 248 тыс. кв. км до 357 тыс. кв. км, а численность населения — с 63.5 млн. до 80 млн. человек. ФРГ не только укрепила свое положение как экономического гиганта, но и окончательно перестала быть политическим карликом. Теперь она на полных правах будет стремиться завоевать себе «место под солнцем». Уже сейчас она добивается включения её в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

ФРГ получила не пустошь, а развитые промышленные земли, накопленные ценности которых исчислялись суммой в 1 триллион 400 миллиардов марок, не считая военной техники и вооружений армии ГДР на сумму в 90 миллиардов марок. Часть этой техники вскоре попала на мировой рынок вооружений, а самые современные самолеты МиГ-29 взяты на вооружение бундесвера.

Порыв восточных немцев, энтузиазм объединения были настолько велики, что они сами не успели осознать, какую чудовищную ошибку они совершили. Но в чём же всё-таки причина таких последствий объединения?

Военная экономика, царившая в нацистской Германии, была только «приостановленным капитализмом», поскольку в ней существовали все институты капиталистической экономики: частная собственность (и частные собственники), коммерческие банки, фондовая биржа и пр.. Теоретически в любой момент можно было возродить действие рыночных механизмов. В Западной Германии так оно и произошло. Но социализм, установившийся в Восточной Германии, означал полное уничтожение всех основных институтов капитализма, а не только их временное выключение. Чтобы ввести свободный рынок, следовало не только убрать приказно-распорядительное регулирование и стабилизировать валюту, но и провести приватизацию предприятий, перестройку налоговой системы, реформу социального обеспечения, построение правовой системы, обслуживающей рынок и т.п.

Официально рисуемая картина положения восточных земель радужна. Для превращения экономики бывшей ГДР, построенной на принципах планового хозяйства, в систему социального рыночного хозяйства нужен был гигантский перевод средств с запада страны на восток. В экономику восточных земель уже вложены триллионы марок. Благодаря этому удалось повысить качество восточногерманской продукции, что было необходимо для выхода на мировые рынки. Уже отмечен рост экспорта почти на 26 процентов. По сравнению с 1991 г. стоимость валового внутреннего продукта в новых землях выросла более чем на 40 процентов, а его доля в ВВП Германии увеличилась до 11,6 процента. Там сегодня имеется самая современная и эффективная телефонная и коммуникационная сеть. Развиваются научные исследования, новые технологии внедряются в практическую деятельность предприятий. Однако в восточной Германии заработная плата и производительность труда значительно ниже западногерманского уровня.

В действительности же размежевание ФРГ и бывшей ГДР оказалось настолько глубоким, что годы, прошедшие с момента их объединения, не привели к нивелировке менталитета и жизненного уровня западных и восточных немцев. Сохраняется дотирование восточных земель западными. В ГДР жизненный уровень повысился незначительно, а главное, производство, упав после объединения, так и осталось на нуле. В чем дело, куда идут деньги?

Восточные земли так и остались отсталыми и дотационными. Из-за дешевизны западных товаров на востоке полностью развалилось производство, что привело к исчезнове-

---

нию всемирно известных товарных марок. А что же дали многомиллиардные вложения? Деньги идут на реорганизацию силовых структур (кадры армии и полиции в восточных землях полностью смены), строительство автобанов и тому подобные стратегические цели. Кое-что делается для благоустройства городов — новые рабочие места появились именно в этой области. Но если на востоке без работы — каждый четвертый трудоспособный, какая уж там индустрия? Зато, если заводы не работают, то и экология становится лучше. Государственной программы по интеграции бывшей экономики ГДР в западную нет и не предвидится. Новые производства в США и Западной Европе не создаются — это и не нужно, и невыгодно. Сейчас в самой Западной Германии почти ничего не производится. Ширпотреб, электроника, автомобили, бытовая техника германских марок — все это производится в других странах.

Не за счет производства живёт сейчас Запад. Самая скрытая тайна западного общества — это источники его благосостояния. Наиболее выгодна не работа на фабрике, а управление этой фабрикой, а лучше всего — получение прибылей от неё.

Западные рабочие достаточно заняты. Но чем? Товары можно привезти из-за моря, а услуги — не привезешь, гамбургер нельзя пожарить в Таиланде, а съесть в Нью-Йорке. Поэтому промышленное производство заменено на Западе сферой услуг.

Пролетарий, занятый в сфере услуг или производстве предметов роскоши, — это уже не совсем пролетарий, и по экономическому положению, и по психологии. Пролетариат Запада стал как бы частью буржуазии, а новым пролетариатом окажутся целые народы «третьего мира». Вот и США сейчас не страна слесарей и токарей, а страна банкиров, управленцев и юристов. Весь мир производит, Америка отбирает и делит. Пока что ни один буржуй не собирается разворачивать новое промышленное производство в стране с высоким уровнем оплаты труда! «Глобализация» экономики оборачивается деиндустриализацией стран Запада.

Ностальгия по ГДР

Очень многие на востоке зажиточной единой Германии ощущают ностальгию по ГДР. Бывшие граждане ГДР грустят о порядке, хороших манерах, социальном статусе. Спустя 20 лет после объединения Германии почти половина немцев считает, что в существовании ГДР было больше хороше-

---

го, нежели плохого, несмотря на то, что в течение 20 лет вся жизнь в социалистической ГДР изображалась с лживых антикоммунистических позиций.

В ГДР немцы имели работу, а сейчас её нет. И наверняка тогда они чувствовали себя лучше, чем сегодня. И дети узнают о ГДР от родителей, которые часто говорят, как здорово им тогда жилось.

Немцы — страшные материалисты, постоянно считающие деньги и свихнувшиеся на экономии, и пока существовали два германских государства, жители ГДР мечтали о том уровне благосостояния, какой был достигнут в ФРГ. После объединения Германии на восточные земли пролился золотой дождь. Но чем выше поднимается благосостояние «осси», тем менее они принимают демократические ценности Запада и связанные с ними официальные двуличие и ложь, а «весси» они воспринимают как «оккупантов» или «колонизаторов».

Но главное — это ощущение миссии. Авангард народа ГДР ощущал себя носителем самого передового в мире мировоззрения и строителем самого справедливого общества. Само образование ГДР её патриоты воспринимали как «поворотный пункт» в истории Германии и, более того, всей Европы. Они считали себя представителями совершенно новой, прогрессивной Германии.

После объединения канцлер Коль заявил: «Через 15 дней у нас не будет колхозов». Но колхозы на восточных землях не исчезли, и производство в них поставлено более эффективно, чем на западе страны. **Социализм пустил прочные корни на немецкой земле, во всяком случае, в восточной её части.** Может быть, даже более глубокие, чем в России. «Осси» больше задумываются над смыслом жизни.

Германия сегодня. О мещанском социализме в ФРГ

Широко распространённое представление о ФРГ как о высокоразвитой индустриальной стране ныне устарело. Капитал, стремящийся к максимальной прибыли, по сути, безроден и устремляется туда, где прибыль более высокая. После вхождения в НАТО и ЕС стран Восточной Европы немецкий капитал устремился туда. Ведь час квалифицированного рабочего в ФРГ стоит в 5, а то и в 15 раз больше, чем в Польше или Венгрии. Поэтому крупные предприятия из ФРГ переводятся в страны Восточной Европы. А рабочие из этих стран переезжают в ФРГ, где открывают малые предприятия и выполняют разные работы за мизерную плату, разоряя немецких предпринимателей на их же родине. Поэтому сегод-

---

ня ФРГ — страна в значительной мере деиндустриализированная, основанная на малом бизнесе, то есть преимущественно мещанская

80 процентов немецких компаний — это малые фирмы, в которых задействовано более 70 процентов работоспособного населения страны.

Сфера услуг в сегодняшней Германии непочётна. Большая часть ресторанов с национальной кухней принадлежит выходцам из Сербии, Польши и даже Испании. Сферу частных химчисток, маленьких продуктовых магазинов, табачных лавок, прачечных, парикмахерских, студий красоты, мастерских по ремонту обуви и пошиву одежды также стали заполнять мигранты. Это устраивает немцев. Их высокий образовательный и интеллектуальный уровень не позволяет им заниматься столь низкоквалифицированными и приземлёнными ремёслами. Другое дело информационные технологии, биолaborатории, исследования в области химии и фармакологии, средств коммуникаций.

Ежегодно в ФРГ возникает не менее 300—500 венчурных компаний» (но столько же ежегодно и разоряется, иначе они уже давно забрали бы всю рабочую силу страны). На долю малых компаний приходится до 60—70 процентов всех зарегистрированных патентов и открытий, но не в сфере информационных технологий, биолaborаторий, исследований в области химии и фармакологии, средств коммуникаций. Германия была и остаётся лидером в отраслях со средним уровнем наукоёмкости. Эти отрасли и составляют основу её экспорта: автомобиле- и машиностроение, химическая промышленность, традиционная электроника. Но она слаба в верхних эшелонах хай-тека, где доля научных исследований в себестоимости продуктов очень высока — в фармацевтике, биотехнологиях. Тут её опережают не только США, но и Голландия, Швеция, Дания и даже Финляндия с Южной Кореей. Главная причина — острейшая нехватка специалистов высочайшей квалификации — программистов, математиков, физиков, биологов. Примерно 700 тысяч вакансий — и это при 4 миллионах безработных! («Деловой вторник», 31.08.2004).

В ФРГ каждый коренной житель, желающий организовать собственное дело, может легко получить льготный кредит в размере до 50 тысяч евро на срок до 20 лет.

Огорчает немцев, занятых в малом бизнесе, то, что их дети не хотят продолжать бизнес родителей — этот бизнес недостаточно привлекателен.

Мещанским выглядит и весь быт этих бургеров. Здесь настолько любят и умеют веселиться, что непонятно, когда остаётся время для труда. Хотя остаётся в силе знаменитый

немецкий порядок, но куда ни глянь — всюду шумят карнавалы, гремят салюты и заполняют улицы парадные шествия — то в честь любимого городского фонтана, то во славу самой старой в городе хлебопекарни. А тут ещё время летних отпусков.

С 1970 г. длительность оплачиваемого отпуска выросла в ФРГ с 21 до 30 дней, тогда как американцы по-прежнему удовлетворяются 12 днями, а японцы и того меньше. Да и средняя немецкая трудовая неделя, исчисляемая 37,5 часа, короче, чем в США и Японии, где она равняется соответственно 40 и 42 часам.

Летом встают на колёса все, кто на это способен. Семьи с достатком ниже среднего предпочитают внутренний туризм — едут в деревню, где столяр-умелец соорудил стул высотой 8 метров, или куда-то ещё, чтобы поглядеть на подобные диковинки. В июле-августе в ФРГ прекращает работу половина фирм и учреждений. 60 миллионов зарубежных туристических выездов в год — свидетельство приличного уровня благосостояния немцев, но не более того.

Немцы повсю используют возможности побродить по свету. Приличные заработки позволяют среднему немцу колесить по средним зарубежным местам отдыха.

Особенно гордилась ФРГ как социальное государство с рыночной экономикой высоким уровнем социального обеспечения граждан. Каждый может оформить медицинскую страховку. За постоянно работающих платит работодатель, а за находящихся за чертой бедности страховку оплачивает государство. Сумма взносов зависит от дохода. Работающие платят от 10 до 15 процентов заработка. Но зато все лекарства, получаемые по рецепту врача, вызов «скорой помощи», госпитализация и пр. доступны пациенту лишь с символической оплатой. При малых доходах или их полном отсутствии застрахованный освобождается от оплаты медикаментов и услуг врачей. И беднейшие граждане уверены, что при любых скачках цен на таблетки своё лечение они гарантированно получат. Это — социальная сторона немецкой системы здравоохранения. А вот сторона рыночная.

В Германии существуют 120 тысяч частных лечебных кабинетов, 8 тысяч частных клиник и 52 тысячи стоматологических приёмных. Количество врачей на 100 тысяч населения — самое высокое в Европе и в мире! И оно растёт! В 1970 г. в сфере охраны здоровья в ФРГ работал миллион человек, а сегодня — более двух миллионов.

Почти все врачи в ФРГ относятся к самой зажиточной категории населения, живут в роскошных особняках, ездят в

престижных автомобилях. Зарплата частного врача (обычно 3—5 тысяч евро в месяц) зависит от числа принимаемых пациентов, но зато при обнаружении брака в работе из неё делается существенный вычет.

Если в сверхблагополучной Швеции в ходе «всего» 2000 наименований медикаментов, то в ФРГ 20 тысяч аптек забыты 45 000 (!) видами лекарств. Система социального обеспечения была разработана ещё «железным канцлером» Бисмарком и в целом работает до сих пор.

Пенсионный возраст в ФРГ до недавнего времени составлял 65 лет для мужчин и 60 лет для женщин. Недавно он был повышен на 2 года, а в перспективе, по мере дальнейшего увеличения продолжительности жизни, предполагается постепенно повышать пенсионный возраст до 75 лет. Стаж для получения полной пенсии — 45 лет. Полная пенсия составляет 70 процентов от чистого заработка. Но эту пенсию немец оплачивает всю свою трудовую жизнь, отчисляя ежемесячно на эти цели 10 процентов заработка. Столько же платит за него в пенсионный фонд и работодатель. Задержка выплаты пенсии так же немислима, как, скажем, перенос восхода солнца.

Ещё недавно у нас с таким восторгом описывали немецкую пенсионную систему:

«Отношение к старшему поколению в Германии трогательно-заботливое. Целые отрасли промышленности, транспортные организации, туристические агентства, социальные службы ориентированы на пожилых людей.

Немецкий пенсионер кардинально отличается от российского, привыкшего сидеть на скамейке возле дома, судачить о соседях, а в перерывах нянчиться с внуками. Пожилые граждане Германии, как правило, ведут активный образ жизни: занимаются спортом, совершают пешие турпоходы, участвуют в обществах по интересам, очень много путешествуют... Понятно, чтобы позволить себе путешествие на Канары или в Доминиканскую Республику, Таиланд или США, нужны деньги. И они у бюргеров старшего поколения есть». («Труд-7», 05.07.2007).

Но и в этом очерке уже звучали тревожные нотки: «Однако времена, когда пенсионеры ФРГ жили беззаботно, — похоже, миновали».

Ныне эта пенсионная система трещит по всем швам. Стариков становится всё больше, и живут они всё дольше. При «железном канцлере» одного пенсионера финансировали семь работающих. Сегодня два с половиной работающих обеспечивают нормальную жизнь одному пенсионеру. А скоро пропорция может стать катастрофически обратной. Конфликт поколений в сложившейся ситуации неизбежен.

Вот и кончается райская жизнь для пенсионеров. Уже введён подоходный налог с пенсии. Отменены многие льготы, дорожают лекарства, услуги.

Дело осложняется тем, что в ФРГ связь поколений практически прекращается по достижении отпрысками 18-летнего возраста. Разъезжаются по отдельным квартирам, всякий живёт своей жизнью. Но если даже дети, став взрослыми, и продолжают заботиться о престарелых родителях, проблем остаётся немало.

Уже сегодня работающим супругам не под силу оплачивать содержание родителей в домах престарелых (от 2 до 5 тысяч евро в месяц). Всё чаще один из них вынужден оставлять работу или брать отпуск по уходу, получая от государства пособие, которое намного ниже заработной платы.

До недавнего времени в Германии не были приняты большие семьи — взрослые дети ищут себе отдельные квартиры, за маленькими детьми присматривают приходящие няньки или живущие в семье гувернантки, старики уходят в дома престарелых. Ещё в 70-е годы многодетные семьи считались пережитком, присущим разве что турецким иммигрантам. А теперь приходит понимание того, что в бедных семьях есть достоинства: старики присматривают за внуками, поэтому родителям легче найти работу.

Со страхом смотрят в будущее 40—50-летние люди, не создавшие семьи и не имеющие детей. А их счёт идёт на миллионы. Среди них много низкооплачиваемых граждан. Выйдя на пенсию, платить за услуги дома престарелых они будут не в состоянии. Все расходы должны будут взять на себя государство или пенсионные кассы, которые давно уже жалуются на катастрофическое финансовое положение.

Есть данные о тяжёлом положении стариков в домах престарелых самого низкого уровня. Так, немалая часть самоубийств стариков вызвана опасением попасть в такой дом, где, как видно из оставленных записок, их не кормят, не меняют бельё, привязывают к кровати, держат на постоянных снотворных, чтобы не вставали, избивают санитары.

Всё дело в тяжёлой демографической ситуации в ФРГ. Начиная с 1970 года (бум применения противозачаточных таблеток) в ФРГ наблюдается самая низкая рождаемость в Европе. Ежегодно число детей и молодых людей до 21 года снижается на 230 тысяч, тогда как число пенсионеров увеличивается на 160 тысяч. К тому же среди немцев особенно распространён «социальный подход» к выбору партнёра в браке. Только один из пяти немцев берёт в жёны даму, стоящую хоть немного ниже его по степени образованности. И жен-

---

щины тоже предпочитают мужчин «высокого статуса». Не-квалифицированные или безработные мужчины чаще всего бывают одиноками по причине своей ненужности, женщина предпочитает холостяцкую жизнь замужеству с человеком, уступающим ей «по статусу», а соответствующего её запросам найти не так просто. Происходит поиск партнёров через Интернет.

В ФРГ утверждается такой стиль жизни, при котором нет места для детей. Но государство установило и периодически повышает пособия на детей — одинаково и бедным, и богатым. Пособие выплачивается до 27 лет, если «ребёнок» продолжает учиться и живёт на иждивении родителей (и пожизненно — инвалидам и душевнобольным). На эти деньги вполне возможно достойно жить семье с детьми, но большинство (две трети) немцев считает, что лучше жить без детей. Социальные отчисления поглощают почти половину зарплаты работающих. Как выходить из кризисной демографической и социальной ситуации, не знают. Резко снизить размер пенсии — это социальный взрыв. Поощрять граждан к разным формам частного страхования своей старости — тоже не очень получается. Повышение пенсионного возраста многие считают необоснованным, поскольку в стране немало безработных, и лучше дать возможность раньше освободить рабочие места для молодёжи. В качестве меры борьбы с безработицей профсоюзы ещё в 1984 году потребовали сокращения рабочей недели с 40 до 35 часов.

В стране социальной рыночной экономики создана весьма дорогостоящая система страхования по безработице и поддержке малоимущих, но финансировать её всё труднее. Пока она позволяет относительно обеспеченное существование лицам, лишённым работы, и их семьям. Некоторым выгоднее получать пособия и негласно подрабатывать за наличные халтуркой. Парадокс здесь в том, что при миллионах безработных насчитываются миллионы рабочих мест, которые не получается заполнить (например, рабочие места в отраслях «новой экономики», связанных с компьютерными и информационными технологиями). ФРГ вынуждена принимать людей со стороны, иначе уже к 2016 году в некоторых промышленных отраслях некому будет работать.

С точки зрения жителя бывшей ГДР, социальная и демографическая политика ФРГ — во многом плод лицемерия. Старики представляются обузой, их уже много, но будет ещё больше. Чтобы спасти «социальную государственность», необходимо исправление демографических дефектов. От муссирования темы «конфликта поколений» СМИ переходят к

теме «детских садов» и «работающей женщины», а всё, что ныне преподносится как новость, отлично функционировало в ГДР, но было раскритиковано и разгромлено западными политиками после воссоединения.

Однако ныне социальное государство не может позволить себе три года (ибо именно с этого года ребёнок может претендовать на место в детском саду) содержать его на пособия неработающих матерей-одиночек. В стране уже более четырёх миллионов безработных. Рабочих мест вообще-то хватает, но это не те рабочие места, где хотят или могут работать безработные. Например, нельзя заставлять безработного принимать рабочее место, на дорогу к которому он тратит более трёх часов. Нельзя требовать от инженера работать мусорщиком. Поэтому квалифицированные безработные ожидают от биржи труда соответствующих предложений или курсов переквалификации, получая пособия по безработице...

Такой роскоши нынешнее социальное государство себе позволить уже не может, и поэтому важнейшей частью его «обновления» становится новая политика занятости. Безработным придётся занимать места, не отвечающие их представлениям о своём месте в этом мире и к тому же расположенные далеко от дома. Отказ автоматически означает прекращение выплаты пособия. А для тех, кто долгое время без работы, пособие по безработице (которое раньше, как правило, составляло половину зарплаты по последнему месту работы) автоматически сокращается до уровня социальной помощи... Получателей же социальных пособий, независимо от профессии, будут привлекать к непривлекательным, но общественно полезным видам труда — типа уборки кладбищ или сортировки мусора...

Шоком и откровением для немецких граждан явился тот факт, что их собственные безработные программисты не обладают необходимой квалификацией, а, к примеру, индийцы обладают... Приспособление «социального государства» к изменившимся условиям выливается в возвращение капитализма к естественному своему состоянию.

Несколько слов о других сторонах жизни в ФРГ. Есть сложности в сельском хозяйстве. *«Терпение фермеров ФРГ, крупнейшего производителя молока в Европе, лопнуло. Чем продавать продукт молокозаводам за цены, которые животноводы Германии считают несолидными, лучше его уничтожить. В сточные канавы текут сотни тысяч литров молока. Фермеры стремятся с помощью бойкота молокозаводов достичь повышения цен. Но представители фирм, перерабатывающих молоко, не верят в действенность протестов фермеров: молоко-*

заводы могут ведь покупать сырьё и на европейском рынке» (г. «Крестьянская Русь», 2009, №23).

Однако поддержку немецким коллегам пообещали фермеры из ряда европейских стран. Еврокомиссия выступила с призывом к фермерам не уничтожать драгоценный продукт, поскольку в иных странах мира царят голод или ощущается недостаток продовольствия.

К проблемам культуры немцы подходят как прагматики. Власть гордится тем, что учреждения культуры финансируются в ФРГ лучше, чем где бы то ни было в Европе. Несмотря на все протесты! (А возражающие приводят неоспоримый довод: приход нацизма не остановило то, что многие тогда знали Гёте и Шиллера наизусть. Лучше бы потратить деньги на больницы и пр.) Но дальновидные бизнесмены понимают, что, пропагандируя немецкую культуру во всём мире, мы делаем первый шаг, а за нами идёт индустрия.

Когда ФРГ (и Запад в целом) упрекают в том, что там достигнут высокий уровень материального благосостояния, зато нет ныне гениев, на это следует ответ (его повторил и российский дирижёр Михаил Плетнёв): «Что ж, зато там есть другое. Например, в Западной Германии каждый третий школьник знает все симфонии Бетховена. Он приходит на концерты с партитурой» («Советская Россия», 14.11.1990).

Благосостояние немцев не избавляет многих из них от алкоголизма. На каждую душу населения приходится в год 13 литров чистого спирта. Злоупотребляют спиртным от 8 до 10 миллионов человек. Три процента от 83-миллионного населения — хронические алкоголики. А ещё пять процентов употребляют спиртное не реже семи раз в неделю. Каждый год из-за чрезмерного увлечения спиртным преждевременно уходят из жизни свыше 40 тысяч граждан ФРГ. Две трети из 11 тысяч самоубийц — алкоголики. Ущерб от алкоголя исчисляется в 20 миллиардов евро в год. Валяющихся на улицах пьяниц полицейские бережно (иначе хлопот не оберёшься) укладывают в машину и доставляют в выпрезвитель — стерильно чистый, бесплатный, сберегающий как здоровье клиентов, так и их имущество. Алкоголизм законом признан болезнью, а потому увольнять алкоголика с работы на время его лечения нельзя. Но в последние годы в ФРГ начата решительная борьба с алкоголизмом («ЛГ», 2006, №52).

Но обычно пьяных в Германии не видно. Алкоголиков немало, только живут они в резервациях. Там за ними присматривают, моют их комнаты, власти оплачивают свет и газ. И на день на выпивку дают по 10 евро. Но при условии: чтобы они не шатались по улицам.

В ФРГ чиновник — это человек уважаемой профессии. К ним относят не только людей, сидящих в присутственных местах, но и полицейских, пожарных, учителей. До недавнего времени даже немецкие почтальоны числились в чиновниках. Постоянная гарантированная занятость в стране с рыночной экономикой, где сокращение персонала на частных предприятиях — обычное дело, заставляет человека дорожить местом. К тому же он не платит взносы в пенсионную кассу (за него это делает государство). Он имеет семейное пособие: минимальное — 100 евро, если семья состоит только из жены (или мужа), плюс надбавки за каждого ребёнка. Многие имеют право на бесплатную медицинскую страховку.

Зато они не имеют права бастовать и требовать увеличения зарплаты (она ниже, чем в частном секторе), заниматься политической деятельностью на рабочем месте, принимать подарки на сумму свыше 15 евро (если выше — сдай в казну). И ещё у него масса всяких мелких обязательств, перечисленных в контракте. И попробуй только отправить жену в магазин на служебном автомобиле — запросто лишишься места!

Житьё у немецких военнослужащих привольное. А в итоге около 40 процентов военнослужащих ФРГ старше 40 лет имеют избыточный вес. (Причины — нормированный рабочий день, свободный рацион, высокая оплата и... комфортабельная служба в армии.) Чтобы покончить с этими недостатками, решено имеющих избыточный вес направлять на три недели на военные сборы, где они будут жить в палатках, питаться в соответствии с установленной диетой и проводить день в усиленных тренировках.

Лиц женского пола брали служить в бундесвер только на должности медсестёр и в музыканты. Недавно решено зачислять женщин и на боевую службу. Но выявились случаи насилия. Командирам запрещается вмешиваться в личную жизнь семейных военнослужащих в воинских частях после отбоя.

Казармы обычно состоят из комнат на 4—6 человек. Но в связи с сокращением армии появляются и двухместные номера. Их-то и предоставляют семейным парам, которые живут по контракту.

Как и везде, в ФРГ процветает коррупция. Но, к чести правоохранительных органов ФРГ надо признать, что они не знают различий в рангах и политической весомости взяточников. Сам канцлер Коль не смог удержаться у власти, когда оказался в центре коррупционного скандала.

В религиозном отношении Германия ещё с XVI века расколота на две разновидности западного христианства — на ка-

---

толицизм и протестантизм. Тогда это вылилось в страшную религиозную войну. Сегодня две религии относительно мирно сосуществуют, но богословская полемика между ними не утихает. Один из виднейших протестантских теологов Адольф Гарнак ещё в прошлом веке доказывал, что Реформация есть дело германцев, духовная колыбель германской нации. Он считал протестантизм высшим достижением христианства. (Его книга «Сущность христианства» в 2001 году была переиздана в России.) Естественно, он находил в католицизме немало искажений учения Христа. Католики в долгу не остаются.

Церковь в ФРГ не столь резко отделена от государства, как во Франции или в США. Однако она и не пользуется здесь такими привилегиями, как в Англии или Швеции. Уроки религии являются обязательными в школьной программе. Но ещё в 1995 г. по решению Конституционного суда ФРГ из классов в католической Баварии были убраны распятия как «нарушающие свободу вероисповедания» («ЛГ», 2008, №7).

Ещё 40 лет назад заработки менеджеров были примерно в 30 раз выше среднего заработка граждан, сегодня они превышают его в 240 раз. Годовые менеджерские зарплаты по 7 миллионов в год становятся скандальной темой (как и заработки политиков).

Своё благосостояние немцы создают своим трудом, но буквально все, кто может, уходят от высоких немецких налогов. Юридические основания для этого есть. Не жульничая, а вполне законно чемпион мира, автомобильный пилот Михаэль Шумахер, например, платит со своего почти миллиардного состояния гроши, проживая не менее 180 дней за пределами родного фатерлянда — в Швейцарии.

Сегодня в ФРГ расширение пропасти между богатыми и бедными, «вымывание» среднего сословия, увеличение числа живущих ниже прожиточного минимума ставят под сомнение важнейшее достижение послевоенной Германии — социальное государство.

Ни один немецкий бедняк не умрёт от голода. Из хорошей квартиры за неуплату его выгонят не на улицу, а в плохую квартиру, плату за которую возьмёт на себя Социальная служба. Если он заболеет, то к врачам обращаться не станет, а пойдёт в университетскую клинику, где им займутся студенты-медики под присмотром профессора. Медицинскую страховку такого лечения тоже берёт на себя Социальная служба. Дети «социальщика» бесплатно учатся в школе, ему платят за них пособие, а если он это пособие пропивает, детей вос-

---

питывают в детском доме (больных — в дорогом частном интернате). Увы, дети стойких социальщиков, как правило, идут по стопам родителей. Они учатся в школе самого низшего уровня, с каждым годом безнадежно отставая от социальнее более благополучных сверстников.

Все «социальщики» находятся под контролем. Практикуются регулярные и неожиданные визиты «социальных контролёров», проверяющих, не разбогател ли живущий за счёт государства бедняк? Не работает ли он где-нибудь тайком?

Немецкое социальное государство в условиях холодной войны должно было демонстрировать миру преимущества «развитого капитализма». Но когда враг исчез, лист социальных достижений ФРГ становился всё короче.

Дорога назад, в старое, доброе и уютное социальное государство времён «холодной войны» и противостояния блоков, закрыта навсегда. Но и возвратиться капитализму к своему «естественному состоянию» невозможно. Путь лежит в «социальное государство» XXI века («ЛГ», 2005, №23).

И всё же в ФРГ социализм. Даже орган КПРФ — газета «Правда» признаёт: «Сейчас уже трудно сказать, где больше социализма... в бывшем ли СССР или в нынешних Швеции, Германии, Канаде, Японии, Италии, Франции, Дании».

А как этот современный немецкий социализм соотносится с «государством всеобщего благосостояния» Эрхарда?

Сегодня экономическую деятельность в Германии регулирует 80 тысяч правовых актов, 50 процентов общественного продукта перераспределяется посредством бюджетов. Отсюда и все нынешние проблемы Германии, и в первую очередь, высочайший уровень безработицы с 1933 года, а система государства-опекуна поглощает более 46 процентов заработка работников, что также является историческим рекордом. Высокая стоимость труда в Германии приводит к уменьшению инвестиций и утечке капитала за границу. Темпы экономического роста резко упали, немецкая экономика утратила способность к созданию конкурентных рабочих мест, что и привело к росту безработицы. Огромен дефицит бюджета. Как тут не вспомнить слова Эрхарда: «Лучшей социальноей политикой является хорошая экономическая политика». Потому и вызывают депутаты бундестага и члены правительства к духу умершего «патриарха» реформ в поисках выхода из порочного круга.

Канцлер ФРГ Ангела Меркель заявила, что экономическая модель Людвига Эрхарда по-прежнему жизнеспособна. Однако чтобы сохранить её, необходимы реформы, которые «обеспечат конкурентоспособность Германии и в условиях

глобальной конкуренции... Именно поэтому мы делаем инвестиции в будущее — к примеру, тратим 3 процента ВВП на научно-исследовательскую деятельность и увеличиваем финансирование образовательных программ».

В то же время в Берлине, констатирует радио «Дойче велле», не устают напоминать: ответственность за сохранение социальной рыночной экономики лежит и на участниках рынка. Министр финансов Петер Штайнбрюк предупредил банкиров и предпринимателей, что «алчность и жажда наживы» подрывают основы немецкого общества.

Наверное, после всего сказанного не покажется удивительным следующий факт: Немецкий институт, проводивший в разных уголках Земли опрос на тему «самый известный немец», опубликовал результаты, повергшие людей в шок. Оказалось, что наиболее известный немец не Гёте, не Бах, не Томас Манн, а Гитлер («Труд», 25.03.2006). Другой опрос, но только в границах ФРГ, призвал таковым Аденауэра. Число неонацистов в Германии стремительно пополняется за счёт молодёжи с востока («АиФ», 2001, № 32).

Нерешённые проблемы ФРГ

Очень тяжелой проблемой стали мигранты. В Германии всё более распространяются пугающие немцев явления. Журналистка Мария Хамахер писала: *«Германию потрясла волна так называемых убийств чести. Молодые женщины, выросшие в консервативных мусульманских семьях, по разным причинам пытались отказаться от традиционных поведенческих норм и стали жертвами убийств, содеянных их родственниками с молчаливого одобрения клана. Последней жертвой стала 15-летняя девушка, не желавшая носить предписанный отцом платок и мечтавшая поступить в университет, а не работать в семейном бизнесе по приготовлению шаурмы»* («ЛГ», 2009, №28).

Да, есть чего опасаться. По данным социологического исследования умонастроений преподавателей ислама, *«свыше 20 процентов опрошенных считают, что их вера не совместима с демократией. Треть придерживается мнения, что невозможно быть одновременно мусульманином и европейцем. 18 процентов заявили, что отход от ислама должен караться смертью. 8,5 процента верят в правомерность вооружённой борьбы за веру. И это преподаватели ислама, люди уже взрослые. В детские головы всё чаще закладываются сумрачные радикальные представления, не совместимые с окружающим миром»*. А опрошенные девочки признались, что посчитали убийство с целью смыть позор с семьи справедливым.

Объединительный стресс вызвал дальнейшее снижение рождаемости, особенно в «новых землях». Если тенденция сохранится, то через полвека численность этнических немцев в ФРГ сократится вдвое, и они радикально постареют. В этих условиях приток не-немцев, которых в ФРГ уже 8 миллионов, становится долгосрочным императивом. Иностранцев в ФРГ к 2040 году должно быть около 40 процентов всего населения. Дети мигрантов, родившиеся уже в Германии, считаются полноправными гражданами ФРГ, их не депортируешь. А как уживаться с мусульманами, не желающими жить, как живут немцы?

Да, есть от чего немцам чувствовать себя на вулкане, извержение которого вот-вот начнётся. Долго игнорируемое противостояние культур и вероисповеданий пришло в движение и грозит приобрести разрушительную для общества силу.

ФРГ и Россия

В моей работе «От лжекапитализма — к тоталитаризму!», также печатавшейся в «Молодой гвардии», подробно излагался вопрос о взаимоотношениях России и Германии и о судьбах немцев в России в историческом разрезе. Ныне Германия входит в НАТО и в ЕС и снова заняла доминирующее положение в Европе. А европейцы всегда были настроены агрессивно по отношению к России. Но самые агрессивные намерения в отношении России всегда имели немцы. Пока сохраняется старая тенденция: Германия хотела бы сделать Россию своим вечным сырьевым придатком, делясь с ней технологиями сомнительной новизны, которые самой уже не нужны, и инвестициями с целью приобретения российских активов за бумажки.

Вот что писал на основе исторического опыта о взаимоотношениях ФРГ и России дипломат и германист Юлий Квицинский в своей книге «Россия — Германия. Воспоминания о будущем» (М., 2008): к сильной России Германия приспособилась и иногда действовала с ней заодно. На слабую Россию она нападала и грабила её. Вспомним, что тот же Гитлер считал Россию колоссом на глиняных ногах. И отсюда вывод: «Нет никаких оснований полагать, что в будущем это будет иначе. Поэтому решение вопросов наших отношений с Германией лежит прежде всего на путях решения наших внутренних проблем. Если встанем с колен, то будет один рисунок игры. Не встанем — будет другой и отнюдь для нас не радостный».

Итак, Германия пережила и перепробовала четыре вида социализма.

Первый вид немецкого социализма — т.н. «императорский государственный социализм», существовавший в годы Первой мировой войны при Вильгельме II: тогда государство взяло на себя контроль над производством и распределением всех важнейших видов продукции.

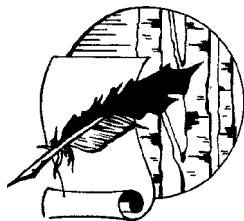
Второй — расистский национал-социализм, господствовавший во времена Гитлера и впоследствии осуждённый и немцами, и мировым сообществом.

Третий — современный бездуховный мещанский социализм (при сохранении частной собственности — обеспечение зажиточности среднего класса).

Четвёртый — социализм в ГДР при общественной (государственной) собственности, который предполагал обеспечение роста благосостояния не за счёт повышения зарплат и пр., а через развитие общественных фондов и всего необходимого для разностороннего развития широких народных масс. Это — полукорпоративный, полутоталитарный социализм, в известной мере ориентированный на советский образец.

И на каком виде социализма остановится будущая Германия, ещё окончательно не определено.

Продолжение следует

Эдуард БАЛАШОВ

НА КРАЮ ЗЕМЛИ

* * *

Война. Кто сумел — уехали,
Как мать говорит, в чём есть.
Не помню я то, что ели мы,
А помню: хотелось есть.

А помню: в низеньком городе
Шумел барахольный ряд.
Но слышно вздыхали: «Дорого»,
Шептали: «Москву бомбят».

Не помню я улиц с деревьями.
В садах — лишь стволы да пни.
Ни дня с облаками, сиренями.
Сплошь мокрые, голые дни.

Не видел я неба с птицами.
Пикировал с неба страх,
И я окружен был лицами,
Светящимися впотьмах.

А мимо — шинели серые,
Красивые танки шли...
И вдруг в сорок пятом первые —
Весна и зеленые щи.

АРТОБСТРЕЛ

...Легли снаряды
Прямоком в один квадрат.
Рай кладбищенской ограды
Превратился в суший ад.

Все как есть, могилы взрыты.
Камни, плиты — всё вверх дном.
Были снова те убиты,
Кто почил здесь вечным сном.

И смешался с облаками
Порохом пропахший прах.
Заскрипел надгробный камень.
И настал загробный страх.

Повставали криво-косо
Уцелевшие кресты.
Где здесь я? А где здесь ты?
Тихо так — и нет вопроса.

И всю ночь в разрыв огады
В тишине за строем строй
В маскировочных халатах
Души шли к передовой.

Прямо с марша в наступленье
Подкрепление ушло.
То не значилось сраженье
В сводках Совинформбюро.

И того не помнят плиты,
И в неведение село:
Сколько ожило убитых,
Сколько мертвых полегло.

* * *

Свободный ветер света
Из солнечной страны.
В широком шуме ветра
Зеленый шум весны.

Трава, деревья, люди,
Надежды и мечты —
И всё о том: что будет?
И всё о том: кто ты?

Кто ты? — ликуют ветки.
Кто ты? — поют цветы.
В широком шуме ветра:
Кто ты? Кто ты? Кто ты?

---

* * *

Всё увядающее — мимо!
Всё увядающее — прочь!
А увядающее мило,
Как бабушка моя точь-в-точь.
Ей можется вставать до света
И по хозяйству хлопотать,
Страницы Ветхого Завета
Рукой морщинистой листать.
Она давно не верит в чудо
Всеисцеляющего сна.
Живет задумчиво и мудро,
Как за туманами луна.
Она со мной и словно где-то,
В краю далеком, как весна.
Ждет писем от отца и деда,
Забыв, что кончилась война.
Забыв, что возымела осень
Над лесом и над ней права.
Но зелены верхушки сосен,
И бабушка моя жива!

РЯБЬ

Глазу доверься —
Увидишь, как ходят деревья.

Вон та береза
Следом за взглядом моим
Сбежала с откоса и — в воду!

Чуть слышимой рябью
Зашелестела река.

Поднял глаза —
Береза на месте!
Стоит. Посвежела.

С шелестом неуловимым
По веткам ее, торопясь,
Осыпается рябь.

КТО РАДУЕТСЯ — ЛЮБИТ

Кто радуется — верит
Всему, что шепчет ветер

В сиреновой тиши.
Ты веришь ли, скажи?

Кто верит, тот и знает,
О чем собака лает,
Забывшая свой дом.
Скажи, скажи о чем?

Кто знает — понимает,
Зачем вдова стирает —
Рубаху мужа трёт,
И плачет, и поет.

Кто понимает — любит,
А любит — приголубит
И сирого мальчика,
И ветхого отца.

* * *

Опять я на краю земли.
По эту сторону границы.
И письма матери, как птицы,
Манят и кличут издали.
И сладко слышать мне:
«Сынок,
Здоров ли ты?
Что ж не ответил?..»
«Спасибо, мама, за пирог...»
«Тебе спасибо, что отведал...»
«У нас морозные деньки.
А снегу — не откроешь двери...
Спасибо, мама, за носки...»
«Тебе спасибо, что примерил...
Приехал бы... Уж я стара...»

И вот я дома. Отобедал.
— Спасибо, мама, мне пора.
— Тебе спасибо, что проведал.

ПТИЦЫ

А люди? — Люди станут боги...
Федор Глинка

Никто не знает неба так, как птицы.
Простор бескрайний. Даль без берегов.
Придуманные сферы и границы
Неведомы для птиц и облаков.

И «Закурим, товарищ!» —
взятяжку дымили, юнцы,
И по праздникам, помню, отцы надевали медали —
У кого они были, конечно, отцы.

ЗЕМЛЯ

Пускай — нехоленая,
Пускай — больная,
Зато — намоленная,
Родная.

* * *

Николаю Зиновьеву

Пусть лошадь нынче в недокорме,
Телега напрочь развалилась,
Ну а мужик не унывает,
Не ждет, сойдет ли Божья милость.
Колеса ладит, сбрую чинит,
Растит овес и травы холит.
Он верит: он еще поедет,
Да так — Европа не догонит.

НА СЕНОВАЛЕ

Мышь или ветер?
Наверное, мышь.
Эй, вылезай! Что в потемках шуршишь?
Ужин поделим — вот хлеба краюха.
Здесь и тепло, и просторно, и сухо.
Жуть — одному быть в ночи и на свете!
Мышь или ветер?
Наверное, ветер.

В ОКТЯБРЕ

Улетели на юг
Гуси.
Стала осень тиха
До грусти.
И озера синеют
В низинах
Отраженьями крыльев
Гусиных.

ВЕРЛИБРЫ

* * *

Колодец памяти неисчерпаем,
Даже если в него плюют.

* * *

Опуститься покаянно на колени
Труднее,
Чем с них подняться —
В храме не действует
Закон земного притяжения.

СПОР

Мы спорили о солнце.
Он говорил:
— Солнце — желтое.
Я — что оно необъятного цвета.

...А солнце
Спокойно
Светило.

* * *

Брожу
По тем же улицам,
По которым с тобой ходили...
Хочу еще раз
Споткнуться
О тот же камень.

* * *

Воспоминания —
Как брусника из-под снега:
Ягодки, оттаивая,
Алеют капельками крови,
Слезятся,
Сладят и горчат.

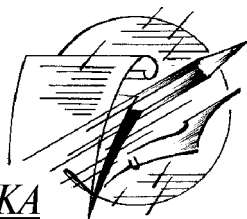

Людмила ФИОНОВА
Анатолий САМАРИН

КРОВАВЫЙ ЗАКАТ ФИНАНСОВОГО ФАШИЗМА

«Финансовый фашизм» — это словосочетание родилось в колоннах греческих демонстрантов, борющихся против политики своего правительства, поддерживающего роскошную жизнь банкиров за счёт нищеты народа. «Нам нечем кормить детей!» — кричали на площадях Афин отчаявшиеся люди. Какую же адскую систему надо было соорудить, чтобы благодатная земля Эллады не смогла прокормить свой народ!

Финансовый фашизм — точное определение существующей сегодня ситуации, когда малая группа социальных паразитов — не более 1% населения — с помощью мошеннических схем захватила основные ресурсы мира, оставляя остальных нищими и бесправными. Ряд авторов в России, США и Европе используют для обозначения нового мирового порядка категорию «либеральный фашизм», ибо он вылутился из кокона «либеральной демократии» и неолиберального социал-дарвинизма. Институты даже весьма ограниченной «демократии» на Западе ныне выхолащиваются и деградируют, сме-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

няясь ультраправым неототалитаризмом с концентрацией всей общественной мощи в руках практически одной мегакорпорации. Финансовая верхушка последней, которую сегодня, по оценке известного депутата Европарламента и публициста Д.Къезы, составляют всего лишь 9 банкиров из ФРС США, де-факто управляет миром («Этим миром правят 9 человек»).

Видный сербский философ и социолог З.Видоевич, исследуя судьбу западной демократии, приходит к выводу: система близится к своему закату, переходя в стадию тоталитаризма. Только социальным геноцидом, насилием и военной экспансией она может продлить свои дни.

Финансовый фашизм разрушил Советский Союз, чтобы сделать его своей сырьевой колонией, уничтожил Югославию, чтобы превратить сербское Косово в натовские базы, где приземляются самолёты с наркотиками из Афганистана, с начала американской оккупации увеличившего это производство в 10 раз. Финансовый фашизм превратил в кровавый хаос Ирак, чтобы украсть иракскую нефть, разбомбил Ливию, чтобы украсть ливийскую нефть и миллиарды ливийских денег, которые хранились в западных банках. Убивать кредиторов — нормальная практика финансовой мафии. Финансовый фашизм собрал толпы отребья, готового грабить, насиловать, убивать, объявил их «ливийскими повстанцами» и бросил их вместе со спецназом натовских стран, в нарушение резолюции ООН, громить правительственные войска Каддафи, а на деле — мародерствовать. Операция по ограблению Ливии была прикрыта фиговым листком информационной химеры «борьбы народа за свободу и демократию».

В боевых действиях на стороне противников М. Каддафи участвовало 17 иностранных государств. В их числе члены НАТО: США, Великобритания, Франция, Канада, Бельгия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Румыния, Испания, Болгария, Греция, Турция, а также Катар, ОАЭ, Иордания и Швеция. С 31 марта по 18 октября авиация НАТО осуществила 25 тысяч 726 полетов над Ливией, из них 9 тысяч 525 — боевых. Количество беженцев из Ливии с населением в 6 млн... за время конфликта превысило более миллиона человек. Только за две недели октября в результате массированных бомбовых ударов НАТО и непрерывающихся обстрелов города Сирт здесь погибло около 5 тысяч человек. Сирт превращен в руины.

Страны Запада приступили к массовому переделу природных богатств Ливии (залежи нефти — 29,5 млрд. баррелей и газа — около 1,6 трлн. кубометров). Контракты на право раз-

---

работки полезных ископаемых с новыми ливийскими властями подписали страны, при активном участии которых был свергнут Каддафи: Великобритания, Франция, США, Италия и Катар. Депутат Европарламента от Великобритании Э.Бронс рассказал о сделке на сумму 1 млрд. долларов между лондонским нефтетрейдером Vitol и новыми властями Ливии.

Вот что пишет о войне в Ливии бывшая сотрудница ЦРУ С.Линдауэр в статье «Дары Западной демократии: беспредел натовцев в Ливии»: «Это войска НАТО поддерживают мятежников, повинных в зверствах — а вовсе не солдаты Каддафи. Данные видео изображают чудовищные зверства, чтобы спровоцировать панику, нагнетать страх, вогнать противников в молчаливое подчинение».

Приведем несколько цитат из других статей о Ливии. «Обезумевшим в жажде наживы мировым лидерам невозможно было видеть чужое благополучие и не разграбить его», «Система международного права ликвидирована, узкий круг избранных держав может свободно вмешиваться в дела любого государства, в мире восторжествовал диктат нового рейха, пресекающий малейшие проявления самостоятельности и независимости...»

Ещё одним «гуманитарным подарком» ливийцам от стран победившей демократии стала активная «утилизация» боеприпасов с наконечниками из обеднённого урана. Такие же боеприпасы применялись в Сербии и Ираке. Радиационное заражение Ирака от этого оружия во время войны в заливе эквивалентно атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму. Применение Америкой запрещённых видов оружия (напалм, кассетные и игольчатые бомбы) является характерным признаком её войн. В Ливии город Бени-Валид подвергся бомбардировке с использованием т.н. «атомного оружия для бедных» (вакуумные бомбы высасывают воздух на поражённой территории, и люди гибнут от удушья). Жертвами стали сотни мирных жителей.

Садистская жестокость — норма поведения нынешних фашистов. Попытки в секретных тюрьмах ЦРУ, на базе Гуантанамо, стали обыденностью. Бессудные убийства неугодных финансовой олигархии государственных деятелей превратились в правило международной политической жизни. Организованные этими кругами убийства лидеров национальных государств — преступление особого рода, несущее угрозу выхода всей политической жизни за пределы правового поля, угрозу возврата в варварство. Только в последние годы от рук финансовых структур, которые прячутся за кулисами большой политики, пали лидеры национальных го-

---

сударств: С. Милошевич, С. Хусейн, М. Каддафи. Брошены в Гаагскую тюрьму на произвол нелегитимного суда защитники Сербии — Р. Караджич, Р. Младич, В. Шешель.

Финансовая мафия просто убивает всех, кого считает опасным для себя. А для неё опасны все образованные и думающие. При оккупации Ирака там массово убивали учёных. «Я не вижу различий между вторжением в Ирак и вторжением в Польшу Гитлера в 1939 году. Буш воспользовался террористическими актами, совершенными в США 11 сентября 2001 года, точно так же в своих целях, как и в свое время Гитлер — пожаром в рейхстаге» — это слова бывшего инспектора ООН по вооружениям С. Риттера.

В последнее время от рук сотрудников Моссада на территории своей страны погибли два иранских физика-ядерщика. В России в июне 2011 года потерпел крушение самолёт, на котором летели пять русских физиков, принимавших участие в работе на Бушерской АЭС в Иране. Вместе в ними погибли ещё 45 пассажиров. И хотя имеются небезосновательные подозрения, что это была диверсия, российские чиновники назвали причиной аварии погодные условия и ошибку пилота, игнорируя сообщения о том, что самолет загорелся в воздухе до крушения.

Незадолго до убийства Каддафи в Триполи на несколько часов прилетела Х.Клинтон. Под охраной не одной тысячи «коммандос» на военном аэродроме в своём самолёте она провела встречу с членами Переходного национального совета (ПНС), потребовав схватить Каддафи «живого или мёртвого». За его голову была назначена изрядная цена.

21 октября весь мир мог видеть, как обезумевшие садисты, именуемые западными СМИ «борцами за свободу и демократию», добивали окровавленного Каддафи. Миссис Клинтон, получив известие об исполнении своего требования, разразилась истерическим хохотом и криком «вау!». Ликование главы госдепа «самой демократической страны мира» при известии о зверском убийстве главы суверенного государства — это подлинное лицо финансового фашизма. И лидеры европейских государств не скрывали радости — «демократия победила!», «Ливия свободна!». Но для кого она «освобождена»? Для международных грабителей и местных мародеров? Ливийская операция показала: словосочетание «цивилизованный Запад» утратило право на жизнь.

Проправительственные СМИ России озаглавили сообщение о гибели лидера Джамахирии цинично: «Каддафи протянул ноги». Президент демократической России назвал новость о поимке М. Каддафи «прекрасной». «Мы рассчитывали

ваем, что в Ливии наступит мир, а все те, кто представляет это государство, различные представители ливийских племен, смогут прийти к окончательному согласию по конфигурации власти, и Ливия будет современным демократическим государством», — заявил он. Оказывается, для того, чтобы страна стала «демократическим государством», её надо разнести бомбами, зверски убить мирных жителей и главу страны. После того, как канал «Аль-Джазира» показал тело мертвого Каддафи, которого волочат наёмники, Д. Медведев озвучил «глубокомысленный» прогноз о том, «что теперь в Ливии установится порядок».

Вялым диссонансом всеобщему ликованию мирового и российского политического бомонда прозвучало заявление министра иностранных дел России С. Лаврова о том, что Каддафи имел право на обращение с ним, предусмотренное законами о военнопленных.

Государственная Дума РФ 21 октября большинством голосов отвергла проект заявления с осуждением действий ливийского ПНС и НАТО и выражением соболезнований гражданам Ливии, предложенный депутатом от КПРФ Б. Кашиным. Хотя предложение фракции КПРФ поддержала ЛДПР, а также пять депутатов от «Справедливой России», голосами «Единой России» оно было отклонено. Заседание вёл председатель Госдумы, председатель Высшего совета «Единой России» Б. Грызлов. Партия власти России проголосовала в данном случае за правовой беспредел — за игнорирование резолюции ООН, не предусматривающей наземной военной операции в Ливии, за применение запрещённых видов оружия, за разрушение суверенной страны и массовое убийство мирных граждан, за самосуд — т.е за жестокое убийство толпой бандитов главы суверенного государства.

Одновременно с известием об убийстве М. Каддафи пришли сообщения о том, что западные компании приступили к разделу и добыче ливийской нефти и что Россия будет отстранена от «ливийского рынка», несмотря на молчаливую поддержку властями РФ натовской агрессии.

Финансовый фашизм, параноидально рвущийся к захвату чужих природных ресурсов, к золоту и мировому господству, одну за другой, как орешки, разгрызает страны, превращает их в руины, уничтожает народы, разрушает культурные ценности — уникальные памятники Двуречья в Ираке, сербские храмы и монастыри...

Муаммар Каддафи однажды сказал: «Почему же мы молчим?... Любой, кто говорит неправду, является молчащим дьяволом». Но мир уже, похоже, не молчит. «Бунтом против бан-

---

ков» назвали комментаторы движение «Захвати Уолл-стрит», направленное против «финансового терроризма», против низких налогов для богатых, против бюджетных вливаний в финансовый сектор, породивших огромный госдолг, высокую безработицу, нищету. Массовые выступления в США спровоцированы непомерными аппетитами американских финансистов — «жирных котов» с Уолл-стрита, считают аналитики. Их спровоцировали и правительства, в первую очередь спасающие банки, финансовые институты.

Претензии к транснациональным корпорациям у людей копились годами, усиливались кризисами, ростом безработицы, падением уровня жизни. Шесть из десяти американцев поддерживают движение «Захвати Уолл-стрит». «Мы не хотим платить за ваш кризис!», «Нас 99%», — пишут на плакатах американские демонстранты. В акциях, которые переименовали в «Захватим вместе», участвовали сотни тысяч человек из 82 стран. Акции протеста перекинулись из США в Канаду, Европу, Японию и докатились до Австралии и Новой Зеландией. Среди протестующих — граждане Португалии, Швеции, Франции, Польши, Германии (Берлин, Мюнхен, Франкфурт, Ганновер), Италии и даже Швейцарии. Мировая пресса уже назвала акцию самой массовой и организованной за последние десятилетия.

«Мы — не цифры и не валюта, подлежащая обмену. Мы люди. Мы граждане своей страны. И мы — гражданское общество, основа государства — вернём себе наши страны и наш мир», — заявил участник акций протеста в Аргентине.

«Меня не устраивает неравенство. Меня не устраивает высокомерие банков. Они добились экономической нищеты, но духовной бедности народа они не получают», — говорит участница акций протеста в Чили.

В Лондоне к манифестантам присоединился основатель Викиликс Д. Ассанж, который обвинил банкиров и политиков в коррупции. Манифестанты попытались прорваться к фондовой бирже. Полиции едва удалось отразить их атаки.

В Берлине, чтобы разогнать тысячи демонстрантов, собравшихся на площади перед рейхстагом, полиции пришлось применить слезоточивый газ. В Риме масштабный погром у здания минобороны с поджогами машин, с камнями и бутылками, летевшими в полицию, также привел к применению слезоточивого газа и водометов. Пострадали не менее 70 человек, десятки арестованы. В Греции появились тяжело раненые и даже убитый.

Известный американский экономист, Нобелевский лауреат Пол Кругман считает: «Хозяева вселенной понимают в

глубине души, насколько несостоятельна в нравственном отношении их позиция. Они получили богатство в результате ненужных, запутанных финансовых планов, которые далеко не пошли на пользу американскому народу, ввергли нас в кризис, последствия которого продолжают раздражать жизни десятков миллионов сограждан... Экстремисты здесь — это американские олигархи, которые хотят подавить любую критику источника их богатства».

Проправительственные СМИ России пытались представить вышеописанную массовую акцию как действие маргиналов — бомжей, хиппи, а также молодых людей, которым заплатили. А что ещё им остаётся? Ведь всё громче звучит вопрос: может ли акция «Захвати Уолл-стрит» дойти до России?

Ещё недавно цветущая Ливия, обеспечивавшая своим гражданам высочайший уровень жизни, превращена в чудовищные руины. Не лучше ливийских руин выглядит мировая экономика. Изобретатели финансовых пирамид и пузырей привели к тому, что стоимость мировых деривативов, то есть производных инструментов от реальных денег, достигла 600 трлн. долларов, что почти в десять раз превышает мировой ВВП. Спекулятивная экономика растёт как раковая опухоль. В 2000 году финансовые инвестиции ростовщического характера превосходили инвестиции в основной капитал в 1,2 раза. В 2007 году, накануне кризиса, это соотношение выросло в три раза. По итогам первого полугодия 2011 года оно увеличилось в 9,7 раза. Раздувание разрушительного виртуального финансового мира должно быть вменено в вину банковским финансистам.

Протесты свидетельствуют: мир быстро подвигаться к новому Нюрнбергскому процессу — на этот раз над финансовым фашизмом. Второй Нюрнберг должен исправить ошибки первого, оставившего в тени главных организаторов Второй мировой войны — финансистов. Второй Нюрнберг должен предъявить финансовой олигархии обвинение в развязывании войн и революций, в уничтожении культурных ценностей, в убийстве лучших представителей рода человеческого и массовом геноциде. Сегодня мало кто помнит, например, о скверной роли, которую сыграл в подготовке Второй мировой войны незаметный Банк международных расчётов. Через него англо-американская финансовая элита оказала мощную поддержку гитлеровскому режиму в период его перевооружения. После разгрома гитлеризма президент Чехословакии Э.Бенеш, хорошо знакомый с этим закулисным финансированием третьего рейха, которое привело к унич-

---

тожению его страны, требовал суда над руководством указанного банка. Однако этому воспрепятствовали банкиры США и Англии. Они же содействовали оправданию и контрагента указанного банка со стороны Германии, главного банкира Гитлера, рейхсминистра Я.Шахта, привлеченного Международным Нюрнбергским трибуналом в качестве одного из главных военных преступников.

Любопытно, что господствующая ныне в России финансовая «элита» склонна оценивать нацистского министра Я. Шахта как великого реформатора, «спасителя отечества и узника Нюрнберга», ставя его рядом с другим «великаном» — Е. Гайдаром. Действительная близость идеалов «двух реформаторов», равнявшихся один — на Гитлера, другой — на Пиночета, говорит о давней тяге финансовой олигархии к профашистской политике «твёрдой руки», к развязыванию войн. Е. Гайдар, начиная с 1991 г., всего лишь отражал рекомендации известного теоретика современных либеральных реформ, лидера чикагской школы монетаризма Милтона Фридмана, полагавшего, что идеальным реформатором нашего времени являлся чилийский диктатор А. Пиночет. Главная же функция ультраправых режимов состоит не столько в урезании социальных расходов и в усилении эксплуатации народов, сколько в подготовке войн — самом доходном бизнесе для финансовых маньяков. Для этого, наряду с установлением диктатур, требуется достаточно щедро оплачивать политику стравливания народов и их близоруких «элит». Неслучайно различные страны нынешней Европы одна за другой то вспоминают давние территориальные претензии, то изобретают новые. И основные линии претензий слишком живо напоминают линии прежних фронтов на Востоке Европы в предыдущие мировые войны, а также линии вооруженного противостояния в России в эпоху Гражданской войны и иностранной интервенции в 1918—1922 годах.

Вопрос о развязывании очередной крупной войны, состоящей из серии вооруженных конфликтов, уже решён международной финансовой олигархией. Многие влиятельные лица на Западе активно обосновывают её необходимость. Вот что говорит цитированный нами выше Нобелевский лауреат и советник группы банков ФРС США Пол Кругман: *«Что нам сейчас нужно — так это экономический эквивалент войны. На самом деле Великую депрессию свела на нет программа многочисленных общественных расходов, более известная под именем Второй мировой войны»*. Об «экономической эффективности» и высокой вероятности новой крупной бойни неоднократно высказывались также руководители международ-

---

ных финансовых институтов. Им это действительно нужно, чтобы не оплачивать свои долги вкладчикам и кредиторам, чтобы захватить новые рынки и ресурсы завоёванных стран. Главные заказчики мировых катаклизмов хотя и взяли практически даром те ресурсы, за которые сегодня приходится платить. Именно в таком контексте следует воспринимать ливийскую войну в Ливии, готовящиеся нападения Запада на Сирию, Иран и в регионы Центральной Азии.

Независимые от власти эксперты и журналисты почти единодушны во мнении, что «нынешняя картинка в России, как никогда, подходит под описание «С чего начинается Ливия...» Агрессия неумолимо приближается к нашим границам и угрозы изготовившихся к нападению мощных хищников малоэффективны, как и попытки компромиссов с Гитлером в 1939 году. Финансовым вдохновителям новой мировой войны уже неинтересны мелкие уступки со стороны жертв, когда военной силой можно «сорвать весь банк». В начале сентября прошлого года начальник Генштаба Вооружённых сил России Н.Макаров, напомнив, что революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке стали «сигналом для всех государств», заявил, что теперь российские военные должны быть «готовы к наихудшим сценариям».

Вернёмся к эпилогу ливийской драмы. Обнажённое тело М. Каддафи было выставлено на всеобщее обозрение в техническом холодильнике, где хранились мороженые куры, в торговом центре. Как сообщили некоторые западные СМИ, убийство лидера Джамахирии носило ритуальный характер...

Зеваки могли сфотографироваться на фоне экспоната. Этот зверинец длился не один день, грубо попирая священное для каждого мусульманина правило — погребение в день смерти до заката солнца. Просьба вдовы выдать ей тело была отвергнута. В конце концов тело было тайком похоронено в неизвестном месте в пустыне. Наши предки, носившие звериные шкуры, вряд ли были способны на такое глумление над покойным, которое демонстрировали особи, облачённые в костюмы европейского покроя. Они пытаются умалить память о погибшем лидере, осознавая собственную низость, не выдерживающую никакого сравнения с отвагой воина, защищавшего свою Родину до конца. Деградация рода человеческого, захваченного новым фашизмом, достигла опасного предела.

Финансовый фашизм, почувствовавший после своей грандиозной победы — развала СССР — полную безнаказанность, превратился в кровавого маньяка, презревшего все правовые и гуманитарные нормы, опасного для человечества.

Финансовый фашизм залил планету кровью, ложью и грязью. Он обречён, ибо несовместим ни с человеческим сообществом, ни с природой. Видный деятель сионистского движения, тесно сопряжённого с финансовым интернационалом, Л.Троцкий сказал: «Придёт время, и нас попросят уйти с земли. Но, уходя, мы так хлопнем дверью, что небо обрушится». Небо уже рушится. Финансовый фашизм, относясь к природе как эксплуататор, привёл планету к экологической катастрофе.

Всемирная тирания представляет огромную угрозу не только для жизни и свободы народов, но также для существования человеческой цивилизации и самой жизни на нашей планете. Под руководством финансовых структур с их установкой на прибыль любой ценой Земля станет непригодной для обитания всего живого. Остановить эту тиранию могут только массовые народные движения, международные коалиции, которые будут в состоянии утвердить альтернативу миру насилия.

В дни, когда убивали Каддафи, у зачинщика агрессии против Ливии — президента Франции Н.Саркози — родилась дочь. Малолетние внуки М. Каддафи были убиты при бомбардировке, а эта девочка будет жить. Но её искренне жаль. Её отец навлёк на неё проклятие, которое она понесёт через всю свою жизнь.

ДУХ ВОИНА

РАССКАЗ-ВОСПОМИНАНИЕ

Памяти Вячеслава Дёгтева

Он называл себя русским Джеком Лондоном. Было в том, конечно, эпатаживание читающей публики, стремление привлечь внимание к своему творчеству. Но не только. Вернее, не это было главным: свеча его писательской судьбы, мне кажется, затеплилась, а затем и ярко разгорелась, когда он открыл для себя яростный, волевой, жизнелюбивый мир упорного парня из Сан-Франциско. И выстраивал свою жизнь так, как делал ее Джек и герои его книг.

В молодости, когда казалось, что силы, дарованные природой, неисчислимы, испытывал себя на прочность даже в единоборстве с «Джоном Ячменное зерно». Но никогда не пьянел, не мучился по утрам тяжким похмельем. Лишь круче и упорнее наклонял голову навстречу будущему, где его ждали лавры победителя, в чем никогда не сомневался.

В те годы он принял в сердце еще одного писателя близкого ему душевного и творческого склада — Куприна. И так же щедро принял его мир романтика, удальца, бродяги, пьяницы, сильного человека. Не чурался женского общества. И ве-

ПРОЗА

сельные, легкомысленные подружки, словно чувствуя его непохожесть на других, силу, удаль и прямоту натуры, устремились к нему, как бабочки на огонь.

Он воспринимал их ласки как должное. И хоть с детства робок был до стеснения, расценивал робость как не подобающую мужчине слабость, которую должен преодолеть.

— О, мой милый скиф! — восклицала какая-нибудь временная подруга. Это нравилось: еще острее чувствовал в себе дикую силу страстей.

Все материальное воспринималось им чрезвычайно ярко. И неизменно томило желание поделиться впечатлениями, словно им было тесно в груди.

Впрочем, в детстве тянула его к акварельным краскам, к цветным карандашам жажда отразить с их помощью переполнявшую душу радость.

Жизнь и в самом деле казалась сказочной в окружении солнечных далей, лиловеющих у горизонта древних скифских курганов, меловых скал, походящих на грозных воинов, седого ковыля на холмах, зарослей кустистого портулака, неведомо когда поселившегося в окрестностях степного хутора.

С взрослением слово влекло все больше: запах книжных страниц волновал, желание писать самому было велико.

Он понял: красоту и многообразие жизни в полной мере можно выразить только словом. Надо лишь чувствовать глубокий и тайный смысл, самую суть всего в мире сущего: гармонию соловьиных переливов, душистый запах трав, солнечный переплеск речных струй, свист сурка, тепло материнских рук, горечь полыни, сладость ожидания, печаль разлуки... И выстраивать повествование на бумаге так, чтобы отображаемый мир стал ярче, виднее, ближе... Но для этого нужно быть писателем.

В четырнадцать лет он решил, что готов для высокого поприща: задумал написать толстый роман. Для чего из районного центра, куда ездили с дедом за хозяйственными покупками, привез пять общих тетрадей в клетку. За лето — такую цель поставил себе — они должны быть заполнены, заселены героями и событиями, которые придумает сам.

Роман он не закончил, исписав крупным почерком лишь две тетради. Понял главное: писательство, как и любое серьезное дело — тяжелый труд и многому надо учиться.

Написать что-то дельное — все равно, что построить дом: кирпичик к кирпичику, по определенному плану, красиво, удобно, прочно. Да чтоб душа радовалась и глаз веселился!

Забросив рукопись, обложился книгами. Чтение умудряло: все вокруг обретало иное содержание, ранее словно со-

---

крытое от него. Во всем была тайна, запечатлевать которую на листе бумаги было подобно чуду. И это чудо, — он всегда ощущал это, — ему дано!..

Первый рассказ был о поезде в дальнюю степную деревушку — на родину деда. Удивительно — когда он поставил точку в рукописи и затем, не спеша, перечитал написанное, то показалось — будто не его это творение. Вернее, не только он трудился над рассказом-воспоминанием, а еще кто-то неведомый помогал. Но кто? Кто водил его рукой?..

Потом наступил период, наполненный мечтами, любовью, трудом. Он многое взял для себя от Джека Лондона, более того: порой казалось, что душа писателя вселилась в него, неистовая, жадная к жизни, жаждущая подвигов и славы.

Однажды он понял: в его жизнь вошла Женщина. И влюбленный со всей неистовостью природы, убедил себя — это избранница, рука об руку с которой он покорит мир.

Но надо было доказать, прежде всего себе самому, что он настоящий мужчина, способный создать достойную жизнь для нее — подруги, жены, матери будущих сыновей. Именно сыновей!

Он знал, что нужно делать. Его уже печатали, о рассказах говорили серьезные критики, а однажды пришло признание — лауреатская премия в конкурсе молодых писателей. А потому поставил правилом — трудиться ежедневно, выдавая нужную норму строк, которую постепенно повышал. И рассылал, рассылал — «веером» — готовые вещи в столичные и провинциальные журналы, в центральные газеты и областные альманахи.

Это было только начало большого плавания. И нужен был корабль надежный и прочный, который он должен построить. К тридцати годам умел многое. С детства прикипал к любому ремеслу по совету деда: «Учись, внук! — говаривал тот частенько. — Жизнь, она разнообразная, а умелому да грамотному кусок хлеба добыть проще!»

Четыре года флотской службы еще более укрепили в нем волю и силу духа, вылепили сильный характер.

Дом решил возвести на окраине старинного пригородного села, на холмистом берегу, плавно переходящем в пойменные луга. Дон был рядом: голубая лента воды здесь мягко изгибалась, отчего с холма открывались дали по обе стороны реки. Мыслилось выстроить не просто дом, а ферму, где разведет гусей, будет держать корову, пару кабанчиков, разобьет огород, построит оранжерею.

Но когда же писать? Ведь именно ради этой, главной, цели все и замышлялось. В том, что все получится, не сомневался. Ведь

получалось у Джека Лондона! К тому же перед глазами была жизнь Дмитрия Балашова, кремень-мужичка: тот жил по-русски, на земле, большой семьей... А какие книги успевал писать!

Помогали дядя, умудренные хуторские мужики. Как-то в сумерках, завершив очередной, полный напряженного труда день, ужинали тут же, на стройке, под старой ветлой.

— Запомни, племяш, — назидательно заметил один из дядьев, Митрий, — дом построить, конечно, трудно. Но семейный лад куда труднее обрести!

Ему верилось — получится и это: главное, чтобы жена понимала его.

Постройка вышла на славу: крепость, а не усадьба.

Жена к тому времени одарила вторым сыном. Все, казалось, шло по Божьему соизволению и собственным замыслам.

И разве мог в те незабываемые годы представить, что спустя шесть лет после новоселья он покинет обжитой дом, жену, оставит двух крутолобых сыновей — копия он сам! — сиротами. А так и вышло.

— Завел семью, содержи! — злобно сощуривав широкие и длинные глаза (ох как он любил их — какие-то персидские, восточные!) шипела жена. — И нечего по ночам бумагу на макулатуру переводить! Все, что надо, давно написано умными людьми...

И, словно желая уколоть побольнее, добавляла:

— Не чета тебе!

Он пытался убедить ее: подожди, дай расправить крылья! Будет слава, будет известность, будут деньги... Заживем широко!..

Его рассказы охотно брали в любой редакции. Но началась очередная российская смута, и продать рукопись стало стоить большого труда — людям в тяжкие времена не до чтения. Журналы и издательства едва выживали, а потому все издания выходили малыми тиражами. За тексты платили гроши, а то и вовсе ограничивались благодарностью...

Нашлись старые друзья, не растерявшиеся в хаосе и сумевшие наладить свое дело. Они-то и помогли выпустить в свет первый солидный сборник. Но радости книга не принесла. Жена встретила сигнальный экземпляр демонстративно равнодушно. Не спасли и восторженные статьи о появлении нового «русского таланта» — это о нем...

Хозяйство тоже не ладилось: у жены не было желания заниматься им: он разрывался один. Все шло через пень-колоду. И тогда решил: «Все, баста! Или продолжение бесконечного семейного бреда, где ничем хорошим дело не кончится, или...»

Увязал шпагатом рукописи, написал записку сыновьям: «Простите меня, сыны! Я оказался плохим отцом...» — и покинул дом, созданный собственными руками, так и не принесящий ни счастья, ни покойного труда...

А потом вновь пришла любовь. Избранница принадлежала к старому дворянскому роду: в ее жилах текла кровь Татищевых, Куракиных, Голицыных. Зачем она переехала из Англии, где обосновались после революции ее бабка и дед, в Москву, он поначалу не понял.

Тоска по незнакомой родине? Но ее «англизированной» напрочь отвергала все русское, что хранили в сердце ее предки — что ей Россия? И что она ему? Влекла к ней, и он не скрывал, именно ее родовитость, кровь старых аристократических родов. Его-то предки — казаки, земледельцы, воины — это все простые мужики, трудовая соль русской земли. Породниться с «голубой кровью» — вот что льстило, возвышало в собственных глазах.

И она как будто всерьез была очарована его крепкой ладностью, яркой мужской красотой, где так много было степных черт, его волевым, независимым и прямым характером. И снова он слышал ласкающие ухо слова: «Ты мой, мой! Как это... орел степной, казак лихой, да?»

Ему казалось, что, войдя в круг высшего света, коснувшись родовых преданий и воспоминаний, он сумеет создать выдающиеся вещи — не только рассказы, но и широкие исторические полотна, которые будут переведены на все европейские языки. О них заговорят потомки тех, кто создавал великую Россию, а потому самозабвенно работал...

Пока однажды, после месяца совместного жития истина вдруг не открылась ему. В московской квартире подруги, увешанной авангардистской мазней, стали все чаще появляться многочисленные друзья и знакомые. Вначале новый круг увлек и его: произносились, как он считал, имена знаменитостей из другого мира — Алена Гинзберга, Нормана Мейлера, фон Хайека, Алистера Кроули, то и дело звучала музыка «Битлз», струился временами сладковатый наркотический дымок...

— Кто они? И зачем ты здесь? — спросил ее, когда тусовка изрядно надоела.

Она томно и многозначительно улыбнулась:

— Мой милый казак, ты слишком наивен для своего возраста. Мир давно изменился, стал «ню-эйдж», и той России, которой, как тебе кажется, ты служишь своим пером — о да, ты талантлив, знай это! — нет и уже никогда не будет. Вопрос лишь во времени: как быстро вы, сегодняшние русские, обретете необходимую нам толерантность. Запад — ваш друг...

Услышав такое, он поначалу опешил — как так? А потом кровь словно вскипела в нем:

— Сука европейская! — взревел с негодованием. — Толерантности приехала нас учить?.. Поклоняться гнилому За-

---

паду?.. Твои предки кровью русскую землю поливали, а ты!.. Кто ты после этого?! Кому служишь, дегенератка?!

— Туземец! Совок! — брезгливо бросила она, подводя глаза у зеркала. — Акум!

— Что ты сказала? Повтори! — тихо произнес он и резко повернул ее к себе.

— Хам! Вы давно обречены, и новую европейскую Россию построят другие...

От его пощечины она улетела далеко в угол гостиной, опрокинув столик с вином и бокалами...

Покидав шмотки в сумку, он, ни слова не говоря, хлопнул дверью...

Не раз и не два, прокручивая в памяти его жизнь, я всякий раз удивлялся его способности творить яркие миры и жить ими. Прекрасное писательское качество! Предлогом могло стать все: событие, идея, факт, прочитанная книга, статья, дорожный попутчик. Все, что так или иначе будило его неумное воображение. Так рождались его рассказы. Он словно исчезал из окружающей действительности и силой чувств уходил в иные миры, в далекие эпохи.

В ранний период своего творчества он пристально и с любовью всматривался в прошлое и отражал детские и отроческие годы жизни на степном хуторе, позже так же талантливо воссоздавал героев разных эпох — времен жестокого Рима и завоевательных походов Атиллы, скифской кочевой вольницы и покорения Руси Батыем... И все — в сжатых как пружина, коротких новеллах. Вот эта сжатость, уплотненность повествования, за которой чувствовалась огромная энергия, и выделяла его вещи в неубывающем вале беллетристики. Энергетическая сгущенность фраз, всей конструкции рассказов придавала особое звучание его прозе, создавала неповторимую интонацию. А это — достоинство, которое нельзя не заметить. Его читали и знали по всей России...

Сюжет! Вот что должно быть осмыслено им по-новому — решил он. Он размышлял о том, читая и перечитывая лучшие вещи Куприна, с которым ощущал какую-то таинственную связь — художническую и человеческую. Но, пожалуй, больше открылось ему, когда ради заработка на пару месяцев подрядился быть «литературным рабом» у одной известной беллетристы, чей издательский бизнес-проект оказался успешным. В пошлом криминальном «романе», полном крови, неестественных страстей, любовных интриг, измен и коварств, он дал волю своему дару перевоплощения и понесся как конь, освобожденный от пут и выпущенный в степь. Это, конечно,

---

не литература — он отдавал себе отчет, — а потому писал, не придерживаясь никаких правил и канонов. Когда закончил труд и перечитал, плюясь, то, что вышло из-под пера, неожиданно обнаружил главное: секрет подобного чтения в сюжетной раскованности и смелости. Не будь этой основы, конструкция рассыпалась...

Эту догадку он блестяще реализовал в своих новых произведениях. Как раз началась чеченская кампания по «усмирению» подкупленных и обманутых горцев. Это была живая рана в душе каждого русского человека, и он глубоко и искренне переживал боль за происходящее. Чеченский цикл рассказов напоминал нам, русским, о собственном национальном достоинстве, о подлинном, не плакатном, героизме русского солдата и человека. Была в них и историческая переключка с произведениями Пушкина, Лермонтова, Толстого, Бестужева-Марлинского. Только жестче, кровавей, реалистичней рисовал он кавказскую трагедию. Ведь диктовала сама жизнь. Многие понимали: истоки войны — в предательстве верхов, засевших за стенами Кремля, а потому державный романтизм старых авторов, повтори он его, оказался бы фальшью...

Но однажды я с горечью стал отмечать — увлечение сюжетным конструированием стало преобладать в его рассказах, все чаще стала ощущаться их заданность, искусственная и ловкая «сделанность».

Не знаю, обратили ли внимание на эту опасность критики, что с восторгом писали о его прозе, но я позвонил ему:

— Послушай, искусно сделанный рассказ — не вполне художественно полноценен. Таких ловких вещиц немало даже у Мопассана...

— Я подумаю! — кратко и недовольно буркнул он в ответ.

Впрочем, думаю, эти формалистические поиски были, скорее, от избытка сил. Он не мог не чувствовать вдруг обретенную мощь рассказчика, не поиграть силушкой и удалью... Меня и самого в молодые годы распирало такое же ощущение власти над словом. Окружающий мир не был для меня немым, бессловесным. Я чувствовал живое дыхание слов, которые излучал он.

Некоторые вещи задумывались им в виде эксперимента: иногда весь рассказ строился на едином предложении, перебиваемом лишь ритмической сменой пульсирующих пауз...

Похоже, эпатировать читателя доставляло ему удовольствие. И не только в подаче текста. Нередко, как я уже говорил, врывались на страницы его книг экзотические персонажи: японские самураи, гладиаторы Эллады, обладатели «черного пояса», эски, для которых чужая головушка — по-

---

душка... Он и названия для своих книг выбирал краткие, как выстрел, как удар бича: «Гладиатор», «Волки», «Крест», «Карамболь»... А как, играючи, он мог выстроить сюжет, используя лишь богатейший словесный багаж, знание предмета описания. Тут, думается, он многое взял у высоко чтимого Куприна: тот ведь был великий мастер проникновения в суть ремесла. Вспомним «Листригонов», «Юнкеров»... Так появлялись оригинальные вещи, читать которые было наслаждением: столько тонкого, досконального знания секретов мастерства было в его строках.

Он, кажется, любовался каждым словом, взвешивал на ладони, описывая тайну изготовления скрипки Страдивари или, до мельчайших деталей, снаряжение и оружие скифского воина... Но в этом не ощущалось искусственности, своего рода инвентаризационной книги слов и понятий, как, например, в стихах Бродского: ожерелье названий лишь ярче оттеняло сюжет, уплотняло его, делало упругим, рассказ обрстал плотью, становился более выпуклым и достоверным...

В интервью, в беседах с журналистами какой-нибудь газеты (впрочем, демократические он презирал) он предпочитал давать самохарактеристики и не стеснялся этого. «Одинокий лев», «Один на льдине», «Снайпер», «Гладиатор» и так далее...

— Зачем тебе это? — спросил я как-то.

— Да пойми ты, — не мне это нужно, а имени, что стоит на обложке моих книг! И потом — вспомни, кто из великих не знал себе цену и публично не напоминал о том?..

Помню, как-то в одном телефонном разговоре он с удовольствием, с юмором подробно рассказывал о поездке в Пензу — в качестве не только известного писателя, но и... внука Куприна.

— Поверили! — добродушно посмеивался он. — Потому что хотели поверить. Ну и прием был как самому Куприну. Я, честное слово, и впрямь ощутил себя потомком Александра Ивановича. А когда в музее облачился в его шляпу и крылатку... Незабываемо!

Одним словом, было в нем это — умение подать себя или, как говорится теперь на «новоязе», умело пиарить. Но кто в наше время бросит в него камень?

Он любил людей неординарных: вёл дружбу с операми, омовцами, зеками, спецназовцами, прошедшими Афган и Чечню, какими-нибудь самородками из глубинки. И въедливо, дотошно вслушивался в их рассказы, присматривался, отмечал характерные детали, жадно переживал ситуации, в которых эти люди побывали, впитывал, как губка, словесную ткань их жизни и судьбы.

И все виденное и слышанное, высоким словом говоря, переплавлял в тигле своего таланта, используя каждую находку умело, рачительно, мастерски. Оттого каждый рассказ его воспринимался живым куском жизни, выхваченным из потока ее и вынесенным на ладонях к людям...

Нет, он не был таким невозмутимо крутым парнем, победоносно шедшим по жизни напролом, в нем никогда не утихла боль одиночества, чувство вины и раскаяния за покинутых сыновей, брошенных жен.

Печаль о так и не состоявшейся семейной жизни мучила его, томила. Оттого в его творчестве чаще преобладали герои с сильным характером, люди «длинной воли», но все — одиночки. Он частенько повторял любимый афоризм Джека Лондона «Если твой удел одиночество — стой на том!» И стоял...

Перечитывая его «покаянные» рассказы, я, может быть, более других чувствовал горький их привкус, потому что, как и он, шел по жизни одиноко, убежденный: настоящему мужчине, воину по духу, «много женщины» не надо! А уж семья — не для таких, как мы...

Впрочем, в наши смутные годы эта проблема для нас отошла на задний план: на кону была судьба Родины, России, будущее русского человека.

В последнее пятилетие своей жизни он вполне осознанно шагнул на путь борьбы с существующим режимом. Не располагая в достаточном объеме информацией о тайной взаимосвязи многих, казалось бы, разрозненных явлений и событий, явно осуществляемых по чьей-то злой режиссуре, он безупречным чутьем художника видел болевые точки растерянного и заблудившегося общества. Каждый рассказ этого творческого этапа — вскрытый нарыв, смело обнаженная язва.

В том не было сознательного отбора протестных тем: он писал о болезнях, боляя ими сам. Расстрел Верховного Совета, предательство армии в Чечне, героизм русского солдата, нашествие этнического криминала, утрата русской земли, трагедия молодого поколения — вот что захватывало его бунтующий разум.

Он оставался бунтарем — в жизни и в литературе, хотя возраст перевалил на пятый десяток. Не всеми этот бунт воспринимался с пониманием. Творческая позиция, философия его жизни невольно уравнивались с чертами непростого характера, вызывающим поведением в кругу собратьев по перу.

Все было не просто. Эпатажа ли ради, по действительному ли убеждению, он опубликовал несколько резких статей не только о современниках, но и о великих писателях прошлого, изобразив их, мягко говоря, в «кривом зеркале». Бунин,

---

Чехов, Платонов, Пришвин... Если бы опусы вышли из-под пера какого-нибудь «продвинутого» — это не показалось бы странным. Но тут-то...

Такая нравственная мешанина взглядов отталкивала от него многих. Я же не придавал тому ровно никакого значения. В этих упражнениях было что-то от утраченной задиристой молодости.

— Послушай! — позвонил я ему. — К чему этот лай на ушедших? Величия их ты не умалишь, особое место в русской литературе не сотрешь... И потом, ты же пока не Бунин, который на исходе земных дней раздал всем сестрам по серьгам — талантливо и доказательно, надо заметить...

— Видишь ли, — услышал в ответ, — если не я, то кто же?

— Но ты отдаешь себе отчет, под чью музыку пляшешь? Иль «в свои» записаться хочешь: чтоб издавали в нескольких издательствах сразу? — не сдержался, уколол его. — Как какую-нибудь Улицкую...

— Ну, это ты брось! Просто разозлить хочу нашу «рассудительную» писательскую братию. Тошно порой: ноют, сопли по щекам размазывают, плач Ярославны на стенах Путивля имитируют... И все о «бедном» русском народе рыдают... То одну, то другую щеку подставляют... Хватит! Пора братья если не за оружие, то за ум. Сколько можно «долготерпеливую» задницу подставлять сволочам? Все по нормам, вместо того, чтобы сжать единый кулак. Но если мы уже не способны к сопротивлению, то туда нам, дуракам, и дорога!

— Наверное, ты прав: я сам порой так думаю. Но при чем тут классики?

— А при том, что чрезмерно идеализировали и Россию, и мужика русского! Вся нынешняя орда — не только жида, но и предатели своего народа.

— Это Бунин-то идеализировал? Одумайся...

— Да ладно тебе — от Бунина не убудет! А вот некоторым нашим «радетелям за народ» кое о чем напомнить надо: когда приватизация началась — сколько оказалось соблазненных?

Впрочем, откровенно ненавидели его и в другом писательском стане: за яркое, как считали, русофильство и, конечно же, антисемитизм.

Он только посмеивался:

— Антисемит не тот, кто не любит евреев, а тот, кого они не любят! Значит, я кое-чего значу в литературе. Ведь я сражюсь всего лишь художественными средствами: коль им не по нутру, значит, моя проза — высшей пробы...

Понятно, что имя его не могло пройти мимо внимания тех, кто отслеживал литературные процессы с целью «давить и не

пушать» неугодных. Он как-то прорвался в один из престижных литературных конкурсов, стал номинантом его и шансы на победу — в иных обстоятельствах — у него были велики. Но, разумеется, остался при своих интересах...

Последнюю весточку от него я получил, когда он прислал книгу — сборник, мне думается, своих лучших рассказов под общим названием «Карамболь». Есть такой сложный и блестящий удар у бильярдистов. В книгу было вложено письмо.

«...На днях уезжаю на Алтай, там будут проходить губернаторские выборы. Еду на помощь Елисееву — в пику всей этой обнаглевшей демократической сволочи. Он — мой друг, мы познакомились в Москве. Пора, наконец, русским людям ключевые управленческие дела брать в свои руки: с этой целью и пошел Елисеев в политику. Хотя и артист он талантливый — от народа. Ты знаешь, в каких кругах он вращался?..»

А далее, развивая свою мысль, продолжал:

«Я как-то ехал в трамвае и услышал о многом говорящий диалог между мужчиной и женщиной. Оба — из тех, советских времен, простые, как видно, работяги, жизнью мятые-битые. Так вот мужик все больше ныл:

— Все плохо! Зарплату месяцами не выдают, пенсии маленькие, цены растут, квартплата — выше крыши...

А баба, неожиданно для всех, заявляет в ответ:

— Что ж теперь, черный платок на голову повязывать?

Тот свое обидчиво бурчит:

— Радоваться-то нечему, плакать надо!

И тут, ты послушай далее, что наша русская баба-труженица говорит:

— Хватит, наплакались! Всю Россию прос...ли, а все плачем. За ум братья пора, как бывало — за вилы, настоящие-то мужики. А то — плакать! Я вот всю жизнь в слезах да трудах, а что наплакала? Пензию — коту на молоко не хватает, да в придачу кучу болячек! А санаторий один — шесть соток! Когда глаза на мокром месте, много не увидишь!.. Плакун какой нашелся!..

Ну, как, а? Вот ведь нашим записным патриотам, страдающим за народ, послушать!..»

В том письме были такие раздумья о русском человеке, о будущем России:

«...Мы, русские, — текучий народ. Сейчас это особенно очевидно. Текучесть нравственная, текучесть духовная, текучесть мировоззренческая... Большая лужа! И будет ли поток — неведомо никому. А впрочем, почему неведомо? Вера — вот духовная крепость! Если ее нет в человеке, в народе, зна-

---

чит народ — не воин: ему нечего защищать в своем самостоянии: он ветвь колеблемая. А значит, и не защитник Родины, которая лишь территория проживания и эксплуатация ее ресурсов... Он такой же — как всесветские кочевники!»

В конце же делился планами на будущее:

«...Вернусь домой, прочно засяду за цикл рассказов, которые, уверен, многим вправят мозги. Нужно возрождать в русском человеке дух воина! Чтобы сражался за Россию, за будущее детей наших. Эпиграфом возьму слова апостола Павла: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных...»

Так случилось, что весь последующий год мы не перемолвились и словом. В суете и заботах мне было недосуг позвонить, а когда выбрал время — его телефон молчал... А однажды открыл одну из центральных газет и в глаза бросилась его фамилия, набранная крупным черным шрифтом...

Вот уже не первый год, как его нет среди нас. А в природе — очередной апрель, дымчатая поволока закрывает серебристо-голубой горизонт, теплый ветерок доносит откуда-то запахи разомлевшей на припеке земли, такой непривычный среди городских кварталов.

Я смотрю на далекий горизонт, на холмистые окрестности города, где по селам белеют четыре церквушки, совсем игрушечные издалека. Смотрю в ту сторону, где находится город, в котором он жил. С его гибелью что-то изменилось там, за горизонтом: город стал для меня неинтересен, пуст...

И лишь силуэты церквей напоминают о жизни вечной. Той, где он теперь пребывает. Особенно в закатных лучах, когда от белых стен и слепящих куполов храмов струится поистине фаворский свет...

Прошлого не вернуть. Впрочем, кто скажет, где живет человек — в прошлом, настоящем или будущем? Тем более — писатель. Река времен нетороплива, а часы, по которым мы пытаемся выстраивать свою судьбу, капризны: то отстают, то опережают бег времени, а то и вовсе отсчитывают одну томительную, обморочную паузу...

Сдружило нас Слово: в земной жизни нам встретиться не довелось. Иногда я беру с полки одну из его книг и, стоя у окна, всматриваюсь в строки. И думаю о той великой тайне, что вручается Творцом настоящему писателю.

Он был настоящим писателем. И останется им навсегда.

РАСКАЗЫ

ОТВЕТ

Не давайте святыни псам и не мечите бисер перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас.

(Мф. 7;6)

В свой последний приезд в Москву я так и не нашел крыши над головой хотя бы на одну ночь — да, воистину москвичей испортил квартирный вопрос, даже так называемых друзей. Уже под вечер, помыкавшись, решил ехать в общежитие родного института. Раньше в нашей общаге кто только не обретался — без прописки, месяцами, и притом самые подозрительные личности. Все без исключения гении, кому ударило в голову ехать покорять столицу — рано или поздно, но обязательно оседали в нашем очень гостеприимном на этот счет «караван-сарая», рассаднике вольнодумства и демократии, пока не спивались и бесследно куда-то не исчезали...

Сейчас на вахте оказались неприступные охранники в камуфляже, —

ПРОЗА

видно, новые веяния и сюда докатились. Но несколько радужных бумажек растопили между нами лед отчуждения, и мне назвали номер комнаты — ключ, сказали, уже на руках, а белье на месте.

Поднимаясь на третий этаж, я будто провалился в эпоху отшумевшей молодости: со странным, болезненно-гадливym умилением рассматривал стены, все так же прихотливо изукрашенные непотребщиной, с поэтической изошренностью изодранные двери и исписанные губной помадой окна; а в туалете, как в добрые старые времена, прямо по потолку было увековечено неким позеленелым веществом, соответствующим месту: «Шелегов — графоман». Да, родная альма-матер, кажется, не очень много претерпела изменений.

В умывалке, на подоконнике, увидел выданный из книги листок и невольно прочитал знакомые строки: *«...и будете вы народом великим, и победите вы весь свет, и растопчете роды иныя, которые извлекают силы свои из камня и творят чудеса — повозки без коней, и делают разные чудеса без кудесников... И тогда всякий из вас будет ходить словно кудесник, и пропитание для воинов будет создаваться с помощью заклятий. Но воины станут рабами многословия, и от многих тех словес вы лишитесь мужества, и станете рабами дани и золотых монет, и за монеты захотите продаться врагам...»*

Да, если что и изменилось в общаге — то только в еще более худшую сторону, — в наше время хоть учебники в сортирах не рвали. За такое б просто наказали... А теперь — демократия.

В названной охранником комнате оказались двое постояльцев.

Мы в один голос вскричали «Ах!» — и кинулись брататься. Один был жгучий, как принято выражаться, брюнет, совсем как Шахрай, и звали его Шамиль. Другой был не менее жгучий блондин, как Чубайс, и звали его Витольд. Естественно, первый был певцом горных круч, «настоящих мужчин», а также личным биографом своего героического деда, одного из двадцати шести бакинских комиссаров; другой отличался горячей принципиальностью, потому и являлся в свое время бессменным комсомольским вожаком.

На столе у них лежала всевозможная закуска и стояла бутылка «Русской». Я присел на табуретку и достал свои дорожные припасы. Мы сдвинули граненые стаканы, — и будто не было тех лет, что прожили мы порознь в разных, теперь уже суверенных государствах. Выпив, наперебой стали вспоминать: а помнишь?! а помнишь?! — словно и не пролетело уже бездны лет... Вот сейчас, казалось, без стука войдет Арчил, или вломится встрепаный Муса, или постучит вежли-

---

во белокурый Михась. Нет, не войдут, не вломаются, не поступчат: один погиб в Сухуми, другой покалечен в Грозном, третью отпилили ногу в Бендерах. А хохотушка Нани — кропает ли она сейчас свои «поэзы»? Или же, как все, торгует в своем Батуми турецкими колготками?..

Посидев, поговорив эдак, опрокинули еще по стакашку, и лирические наши воспоминания как-то отошли на второй план, мы заговорили о насущном, о том, что сейчас было злободневным, что волновало в данный момент. Переглянувшись, соседи вдруг вынесли приговор России и русским: дескать, на коленях, и теперь уж вряд ли подниметесь. Я опешил и даже, кажется, несколько протрезвел.

Они же наперебой заговорили о своих предках, и близких, и совсем уж далеких. Один пытался убедить меня, что он — хан, то ли тамерлановых, то ли аж чингисхановых кровей; другой — что по меньшей мере ливонский барон. И даже показывали какие-то справки...

Я все больше удивлялся, правда, с изрядной долей разочарования. Ребят этих знал хорошо, и никогда раньше не замечал за ними беспричинной гордости, этого верного признака скрытой ущербности... Они же продолжали приводить всевозможные доказательства своей чистопородности, и каждый взახлеб говорил о своих суве... суверенных микрогосударствах, о том, что жизненный уровень в их странах неуклонно растет и растет, прямо на глазах, и что культурный уровень тоже все повышается и повышается, дальше и выше просто уж и некуда, не то что в те проклятые тоталитарные времена застоя, когда было сплошное засилье великорусского шовинизма... и что до сих пор Россия, хоть и раздергана войнами, разорена нищетой и противоречиями, а все равно лезет — зачем?! — во внутренние дела их суве... сувенирных государств.

В таком случае, что же вас сюда привело, господа-товарищи?! — поставил вопрос я насколько возможно вежливо. Неужто ностальгия? Или меркантильные цели преследуете? Одеты, смотрю, далеко не по-хански и уж даже не по-баронски. И живете, извиняюсь, не в «Метрополе»...

Реплика им явно не понравилась. Южный собратотреагировал бурно, он аж взвился на табуретке и залопотал что-то по-своему, от гнева, бедняга, даже русский язык позабыл. Северный покрылся красными пятнами. Похоже, что ему, как и раньше, сделалось очень стыдно за мою дремучую неинтеллигентность.

Они с новой силой стали превозносить свое и «поливать» наше.

Накаты происходили все ожесточенней и все беспардонней. Известно: кто ищет повод, тот его находит. Складывалось ощущение, что они специально приехали в Москву, чтоб выискивать все самое негативное и неприглядное, что они специально рылись в книгах, выкапывая и там всевозможный компромат... О, чего только и кого они не цитировали! Однако, у них и память!

Один, брызгая слюной, говорил, что русские настолько себя не уважают, что терпят кем-то придуманный дурацкий праздник — 300-летие флота, причем флота не «русского», а почему-то «российского». Еще бы — «россиянского»! И даже празднуют, визжат от восторга, веселятся и пляшут, тратят последние деньги на никому не нужный юбилей. Пуляют в небо салютом, словно не сдали все черноморские и балтийские порты, а приобрели новые на берегах Индийского океана... А как же архангельские купцы, торговавшие с англичанами и норвежцами еще в тринадцатом веке? А Стенька Разин, который «со товарищи» проплыл все Каспийское море, взял и разграбил не один персидский порт, в том числе Дербент, неприступную тогда крепость, походя разгромил государственный иранский флот и захватил флагман с шахской дочерью на борту? Дальнейшее общеизвестно: потешился, да и в набежавшую волну...

Я не успеваю уточнить, что речь, мол, идет о рождении регулярного военного флота, с единым управлением, регламентом и уставом, я ничего не успеваю сказать в уточнение, как меня нетерпеливо перебивают: что ж вы, русская интеллигенция, не возмущаетесь — вашему народу навязывают такой идиотский праздник, и вы его принимаете и даже празднуете?! А коль не возмущаетесь — значит, ничего и в самом деле не было. Не было ни Олега, ни Игоря, ни Святослава, которые ходили на Царьград, брали его не единожды и даже щиты свои прибывали на золотых воротах! Не было! Вы от всего этого сами отказались. И плавали эти князья туда через Черное море не на кораблях, а на водяных велосипедах! И Византия в то время не была самой могущественной в мире империей, с самым сильным флотом. И Константинополь не было, а всегда был Стамбул. И всегда были сельджуки, османы, янычары, а казаков, которые контролировали и Черное, и Азовское моря, у вас не было, зато тысячу лет было татарское иго, и если вы забыли, что Петр I платил крымскому хану дань, то мы вам это напомним... И вообще вас, русских, нет, а есть какие-то «россияне».

Я хочу возразить. Шамиль не дает. Он хватает книгу об истории славян и раскрывает ее на закладке (видно, уже цитировал кому-то когда-то...), раскрывает и читает почти наи-

---

зуть, не скрывая ликования: *«Ныне жёны наши говорят, что мы — блаженные, что мы утратили разум свой и стали как агнцы пред врагами. Что не смеем пойти на брань и мечом разить врагов наших»*. И добавляет с ехидной ухмылкой: русский менталитет, дескать, всегда был таким, даже и две тысячи лет назад, когда писалось это; всегда над русскими, хоть тогда они и назывались скифами, роксоланами, борусями, сколотами, словенами, смеялись все кому не лень, даже свои же бабы изгалялись. Причем совершенно безнаказанно.

Взгляды наши скрещиваются. Меня передергивает: он смотрел на меня так, как должен, по его мнению, взирать потомок великих ханов на верблюжий помет под ногами... И тем не менее, я тяну руку, чтобы взять книгу и прочесть оттуда совсем другое. Я хочу ткнуть их высокородия носом, например, в такое: *«И вот идет в степи наше великое множество родов, и не должны мы быть мирными, и не должны просить помощи, ибо она в мышцах наших и на конце мечей наших, и ими мы сечем врагов наших»*. Я тяну руку к книге, чтобы прочитать это; а еще вот такое:

«Мы разбили врагов, ибо мы — русские, а враги — нет. И там, где пролита кровь наша — там и земля наша». Я настойчиво тяну руку, но Шамиль будто и не видит ее, молча отводит, а книгу передает Витольду. И тот, многозначительно подхихикивая, цитирует с упоением предисловие, написанное известнейшим рус... российским академиком, которого считают эталоном интеллигентности: *«В I веке восточных славян еще не существовало — они не оформились в единый народ»*.

Я терпеливо возражаю, дескать, это личное мнение этого хоть и ученейшего, но уже глубокого старца, сотрудничавшего по молодости с ГПУ, на что Шамиль бросает: но вы-то, опять же, национальная элита, русская интеллигенция, молчите, значит, согласны с его утверждением, что вашей цивилизации не две с половиной тысячи лет, а всего едва-едва тысяча. И дай академику волю — он бы уменьшил возраст вашей культуры лет эдак до трехсот. Как в случае с флотом. И сладострастно читает дальше это ужасное, предательское предисловие: *«Если говорить об условной дате начала русской культуры, то я, по своему разумению, считал бы самой обоснованной 988 год. Надо ли оттягивать юбилейные даты в глубь времен? Нужна ли нам дата двухтысячелетняя или полутора-тысячелетняя?»* За такие слова у них, добавляет Шамиль, этого интеллигентнейшего на кол посадили бы, а русские — ничего. Молчат, терпят и даже называют... совестью нации!

Я хочу крикнуть: ну зачем же вы передергиваете?! Вы же знаете, кто называет так этого маразматика и старого сексо-

---

та. Вы же знаете, от кого все это исходит. Зачем же вы так? Получили у нас образование, а теперь хааете все самое святое и чистое. Но мне не дают даже рта открыть. Витольд опять выдает из книги отчеркнутое фломастером место: «*А эллины плакали из печали своей и просили, чтоб им платить дань — овец на заклятие и вино... И тогда эллины, видя что русичи много пьют, решили на них наброситься и побороть их. И пришел волхв: «Не напивайтесь этими дарами!» Но русичи не послушали. И вот напились. И в тот же день эллины набросились на них и разбили их...*» Изменилось что-нибудь в русском менталитете? — патетически вопрошает Витольд. Хотя на сколько-нибудь народ изменился? Ни на сколько!

Я опять тяну руку, чтобы показать иное пророчество того же волхва, на соседней странице, я даже вижу эти строчки: «*...и будем великой державой с князьями нашими, городами великими, несчетным железом, и будет у нас без числа потомков, а греков уменьшится, и будут они на былое дивиться и качать головами. Делайте так, ибо будут у нас и грозы многие, и громы гремящие и два царства объединятся, и встанет другое новое. И так мы победим окончательно, утвердимся навеки. Встаньте, как львы, — один за одного! И держитесь за князя своего. И Перун будет с вами и даст вам победу...*» — вот что там написано дальше. Но мне не дают в руки эту книгу, ее захлопывают прямо перед носом, руку мою отводят в сторону и резко меняют тему.

И тут Витольд окончательно поражает своей откровенностью:

— Вам внушили, — говорит он, торжествуя, — что сильное государство — плохо, сильная армия — дурной тон, хотя единственный порок всякого государства и всякой армии — их слабость. Вам внушили, что даже называть себя русскими — неприлично, неинтеллигентно, и что настоящий интеллигент должен быть гражданином мира, общечеловеком, а еще — непротивленцем, подобно графу Толстому, этому недоучке и деревенскому неврастенику, прощать обиды с простотой идиота, даже если откровенно гадят на голову, делать вид, что это, как у вас говорят, — божья роса. — Его водянистые глаза были как льдинки, и в них стоял беспощадный приговор: кто ослаб — тот умер. — У нас премьер-министр Горбунов вынужден стать Горбуновсом, а у вас в правительстве лишь два или три человека имеют русские фамилии — вы даже не заикнулись об этом. Неинтеллигентно! Так что же вы хотите? Чтубо чужие дяди думали о вашем благе?

Что мне было на это ответить?! Вот так-то вот! Нашим же салом... Выучили себе на голову!

— Если только где мелькнет даже просто слово «русский», — вторит ему Шамиль, — сразу же со всех сторон: «шовинизм!» Даже новое название придумали для вас — «россияне». Чтоб, мол, не обидеть пятнадцать процентов нерусских; но почему-то никому в голову не пришло, что тем самым обижены восемьдесят пять процентов русских. Ничего, великороссы утрутся со своей гордостью. Утерлись? Утерлись! Возмутился кто-нибудь? Хоть бы один! Кто виноват? Сами же и виноваты! Терпите? Ну и терпите!

Чем было крыть? Правда! У слабого нет друзей.

— Дело идет к тому, что стало с коптами в Египте, — опять вступает Витольд. (Странное дело, раньше он таких, как Шамиль, в упор не видел, то «урюками», то «зверьями» называл, а теперь у них, похоже, ладушки и полное взаимоуважение). — Так вот, этих коптов лишили даже самоназвания; мало того, что последние две тысячи лет у них нет национальной элиты, их даже называют сейчас по-другому — «феллахи», что значит — «землепашцы». Параллель, надеюсь, не трудно провести?

Крыть и тут мне было нечем. И это тоже была горькая, жестокая правда. Да, видно, в самом деле, большие одолжения вызывают не желание отблагодарить, а желание отомстить... Шамиль злорадно ржал. Как стоялый жеребец. И смех его больно отзывался в моем сердце.

За окном плескались дегтярные сумерки, где-то орали коты, царапая жесть. Расплывающиеся желтые огоньки еле-еле пробивали этот густой кисель. На душе было — гаже не придумать...

— Вас выгнали с Украины и из Крыма!..

— Вы потеряли Среднюю Азию, и за собственный космодром платите деньги...

— Вы проиграли войну чеченским ополченцам, и платите им контрибуцию...

Я набрал воздуха и судорожно вцепился в табуретку, на которой сидел.

— Ваша армия способна лишь красить траву...

— Ваша Москва сейчас чья угодно столица, только не русских...

— Вашего президента на заседаниях «восьмерки» держат за шута и сажают за «кошачий столик»...

— У вас нет больше народа — население; нет государства — рублевая зона; у вас нет правительства — банда проходимцев; у вас нет ни культуры, ни литературы... Вас больше нет и никогда не будет!

В глазах померкло, и я уже не помнил себя...

— Мы — есть!

Очнулся оттого, что табуретка с треском лопнула у Витольда на лысеющей его голове. Витольд рухнул на пол, загремев как мешок с костями. Шамиль рванулся к двери, крича: «Вы — есть! Вы — есть!» — а то бы я и его причастил.

В комнате долго висела тягостная, недоуменная тишина. Я медленно, толчками, трезвел.

Витольд чихал на полу кровью. Шамиль икал возле двери. Было похоже, что высокоумная наша дискуссия на этом закончилась.

Оправившись от шока, барон долго охал и чесал затылок, косясь затекшим глазом на обломки табуретки, а потомок великих ханов побледнел и сделался прежним, ласково-угодливым Шамильком, он собрал эти обломки и вынес, а потом предложил сбегать за «мировой». Что и сделал с охотой.

После чего мы пили «мировую» и говорили о поэзии, о синонимах и эпитетах, гиперболах и метафорах — о том, о чем говорили во времена оны, и не возвращались больше ни к русской истории, ни вообще к великороссам и их гордости. Ведь не дело великих — разгонять мух...

А на кровати лежала книга в красном переплете, и раскрыта она была на знакомых словах:

«Да, это так. Это не может быть иначе. Ведь все, что чего-нибудь стоит, возникает в этом мире исключительно через борьбу. И на каждый вызов есть свой ответ. Ненавидящих же и обидящих нас прости, Господи, Человеколюбче! Ибо не ведают, что творят, неблагодарные».

ПРИГОВОРЕННЫЙ

Они налетели на хутор Ногайский на рассвете, по-волчьи налетели, подкравшись скрытно. Видно, проспали караульные. Все было кончено за полчаса. Три десятка выстрелов, гик, визг, храп лошадей, и вот Мишка вместо теплой хаты очутился в сыром грязном сарае. Все спросонья дрожали, жались друг к другу и к большой навозной куче, возвышавшейся прямо посреди сарая. От кучи тянуло теплом.

Сквозь щелястую дверь сарая было видно, как занималось апрельское, сиреневое, ветреное утро. По сизоватому небу скользили влекомые свежим апрельским ветром по-бирючьим поджарые тучи, ветер играл, гремел коробочками дикого хмеля, метелками, будьяльями прошлогоднего старюки-бурьяна, торчавшего вдоль плетня, он шумел в ветвях лозин, налившихся почками, и чудились в его порывах вой, плач, стон, и оттого не было на душе отрады.

Вдруг провисшая дверь сарая приоткрылась, и в проеме появилось черноброевое лицо тетки Аксютки, хозяйки хаты, в которой они квартировали. Еще вчера Мишка расспрашивал ее о первой любви, о деде Пантелее, который привез когда-то из туретчины себе жену, ее бабу, и о котором по округе ходили всевозможные легенды.

— Мишаня! — позвала она, отстраняя нахального охранника локтем, и поманила Мишку пальцем.

Мишка поднялся с теплой кучи и прошел к двери. Ребята из его взвода похлопали по угловатому юношескому плечу: не дрейфы! Тетка Аксютка приобняла его и провела в хату, показавшуюся после сарая теплой и очень чистой. В горнице, за столом, за которым еще вчера Мишка корпел над своими записями, кто-то подшивался, а кто-то чинил обмотки или башмаки, сейчас за столом сидел маленький человек, которого все называли «батькой»; он был с землисто-желтым, начисто выбритым лицом, с впальми щеками, с черными длинными прядями, спадавшими на вздернутые плечи, в суконной черной пиджачной паре, барашковой белой папахе и высоких, выше колен, вроде как женских, сапогах со шпорами, — он напоминал переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом. Небольшие темно-карие глаза со стальным острым взглядом, глаза как бы все знающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, вызвали у Мишки безотчетное содрогание, по спине пробежали крупные мурашки. Мишка остановился у порога, встал и батька из-за стола. И когда встал, его тщедушная фигура показалась внушительной, и почудилось, что это и не человек вовсе, а сгусток страшной силы, клубок молний, чудовищных страстей, которые бесшумно кипят в нем и которые он сдерживает железной уздой воли и прячет под холодной и жестокой, безучастной маской.

Вся комиссарская болтовня об этом человеке вмиг испарилась из головы Мишки, и ему сделалось по-настоящему страшно.

— Это ты писал? — спросил батька, показывая на патронный подсумок, в котором Мишка хранил в холщовой тряпочке заветную потрепанную тетрадь.

Мишка увидел, как хозяйка за узкой спиной батьки усиленно закивала головой: говори! соглашайся!

— Да, я.

— Всерьез хочешь быть писателем? Или балуешься — и только?

— Всерьез.

— Но ты знаешь, вражонок, что в России писатель — это всегда гораздо больше, чем просто борзописец и только. В

России писатель — это, прежде всего, честный, честный, честнейший человек! — батя рубанул узкой рукой воздух, как шашкой. — Помнишь, что говорил Толстой? «Чтобы быть в России хорошим писателем — достаточно писать правду». Честный человек — слышишь? А потом уже — стилист. Учитель, вождь и даже, если угодно, святой. Но, прежде всего — честный летописец. И только! Ты готов к этому?

Мишка пожал плечами.

— Думаю, что готов.

Батяка остановился посреди комнаты. Вперил в Мишку свой страшный вопрошающий взгляд. Огромным, монументальным казался он сейчас. Сжатый жесткий рот превратился в ниточку. Мишка почувствовал, что сейчас решается его судьба. Все замерло в нем, и прошиб холодный пот.

Батяка поманил стоящего у притолоки охранника, опоясанного пулеметными лентами, в синей свитке и широченных шароварах, резко показал тонким острым пальцем в сторону Мишки:

— Расстрелять! И только.

Мишку подхватили под руки. Ноги его держали слабо. Когда выводили, он услышал:

— Вот и хорошо! Вот и прекрасно!

Его вывели на улицу. Утро было чудесным. Ветер стих, и на востоке, там, где Мишкина родина, разгорался акварельно-чистый рассвет. словно трепетная рука ребенка нарисовала его. Он был полосато-разноцветным: красное, синеватое, малиновое, сизоватое, розовое, как молоденькое сало с полосками любовчинки. Заливались скворцы, и пахло как-то странно и необычно, чисто и возвышенно. словно бы ладаном или воском. А может еще, чем-то, но таким же церковным.

Мишка вздохнул. Это утро было особенным. Но оно было его последним утром.

Вдоль облезлой стены амбара, что принадлежал хуторской «магазее», ребята из Мишкиного взвода рыли ямы. Вроде как окопы в полный профиль. Его подвели к ним. Поставили крайним слева. Дали лопату. Она была старой, с надтреснутым черенком и совершенно тупой. Такой копать одно мучение. Однако он стал копать, повинуюсь какому-то непонятному стадному чувству, стараясь не отставать от других.

Он копал, не понимая, что копает, для чего, зачем, у него где-то что-то, в голове ли, в груди ли, в сердце как бы заклинило, он не думал сейчас ни о чем, голова была пустой, а в груди было гулко до звона. Душа его была бесстрашна. Мишкины друзья, красноармейцы-чоновцы, меланхолично пере-

---

говаривались с конвойными. Говорили спокойно, даже как бы лениво, почти дружески, словно одни копают огород, а другие стоят, покуривая и подавая ненужные советы.

— Сапоги у тебя добрые, земляк! — говорит лохматый паренёк с винтовкой, у которой приклад покрашен зеленой яркой краской.

— Та забери, друг. На!

Другой разгибается и говорит радушно:

— Возьми лучше мои — мои сапожки лучше. Гляди! Его залатанные, а мои совсем новенькие. Всего три месяца и отходил.

— Да, твои лучше, — соглашается паренёк с зеленой винтовкой.

— Только уговор: будешь в церкви, поставь свечку за меня. А? Поставишь? Васильем меня кликали. А, брат, уважишь?..

Подъезжают чернявые конные. Судя по убору — голубые шаровары с красными лампасами, белые казакины, сапоги без шпор, шашки без гарды с кожаными махрами темляков, а также гнедые строевые кони, кованные на передние ноги, — Мишка определяет, что это казаки, донцы, а судя по плеткам, плетеным из восьми ремешков, восьмигранником, с тремя хвостами, то — или с Медведицы, или с Хопра. Старший — горбоносый, черный, как грач, сутуловатый, машет рукой: кончай! кончай! Батяка торопит... Охранники сразу зашевелились, загремели оружием, залязгали затворами. Чоновцы распрямились и замерли. Один стал зачем-то застегиваться на все крючки и расчесываться. Пашка Кошевой возмутился: что ж у Мишатки-то так мелко? Пол-аршина всего. Собаки отроют... Куда спешите? Аль не православные? Не крещенные, дьяволы?

Двое или трое чоновцев начинают лихорадочно помогать Мишке, словно куда-то спеша, словно боясь куда-то опоздать. Его и самого обуяло какое-то лихорадочное беспокойство: скорей! скорей!

Краем уха Мишка слышит, как спрашивают у другого станичника, того, который помоложе: ты-то, дескать, Стрепетов, будешь стрелять? А что не стрельнуть, отзывается тот, патронов тока поболее дай... — и Мишка понимает, что казак, похоже, с Хопра, это там этак гутарят. Молодой казак голубоглаз, как-то по-хищному красив, он загоняет грязным пальцем в винтовку маслянистый патрон, передергивает затвор, молодецкато сдвигает на затылок голубую фуражку с красным околышем, подъезжает к плетню, соскакивает с коня, привязывает поводья к колу, пихнув коня в живот, чтоб тот подобрал его, отпускает седельную подпругу, у коня бур-

---

чит в животе, жеребец, раскорячив ноги, громко выпускает газы, казак ворчит на него: ну, будя, будя, одёр!

На кривых, затекших ногах, похожий на стервятника, казак подходит к неровному строю разноцветно одетых конвойных, колотит нервно плеткой по пыльному сапогу: ну, скорейча, что ль...

Конвойные подбегают к чоновцам, отбирают у них лопаты, кого-то раздевают, кажется, Бунчукова, с кого-то стаскивают сапоги, кого-то шлепают по щекам, приводя в чувство, наконец, всех расставляют. Подходит огромный, медведеобразный поп с кадиллом, машет им крестообразно, читает отходную: «Владыко Господи Вседержителю, Отче Господа нашего... души рабов твоих от всякия узы разреши и от всякия клятвы свободы, остави прегрешения им, яже от юности, ведомая и неведомая, в деле и слове...» Старший казак, сутуловатый, похожий сейчас не на грача, а на черного коршуна, вынимает из ножен шашку с синим булатным лезвием, берет «на караул» и потом резко опускает ее, рассекая воздух. Нестройный залп распарывает розовое утро, словно влажную парусину. В момент удара пули с Кошевого на три аршина вверх подскакивает картуз... Ребята валятся. Мишка видит это как бы со стороны и сверху, и успевает подумать: вот она, какая — смерть-то! Оказывается, ничуть и не страшно, а даже вроде как...

Расстрельщики подходят к ямам, добивают, достреливают раненых, переговариваются между собой:

— Глянь, как этот, какой расчесывался, прямо чистый бирюк — себя за плечо как хватанул зубами-то. Ишь!

Эти выстрелы резко бьют Мишку по ушам, и он вдруг понимает, что жив. Звенят лопаты, слышно, как мягко падает в могилы рыхлая парящая земля. Батюшка, изменившись в лице, читает заупокойную: «Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечнаго...» Старший казак сутуловато обнимает Мишку, берет его под руку и ведет куда-то. Мишка идет, не чуя ног с гудящей, совершенно пустой гулкой головой.

— Не бойсь, сынок! Не бойсь! Пойдем. Батяка хочет тебя видеть. Он кличет тебя! — говорит казак ему, как маленькому.

Они заходят в знакомую хату. Батяка чем-то возбужден. Черные волосы его растрепались, лицо совсем серое, глаза кровяно-красные. Похоже, что он вроде как пьян. Он машет казаку: иди! иди!... Тот, пригнувшись, выходит в низенькую дверь. Батяка поворачивается к Мишке. Глаза его сужены. Рот плотно сжат в линию.

— Тебя нет — слышишь? Ты мертв — и только! Тебя нет на свете, вражонок. Тебя вон, закапывают, — смотри!

Мишка делает шаг к окну. Там, за окном, закапывают могилы. Какие-то бабы голосят, заламывая руки. Кто-то поет «вечную память». Засыпают и его яму. И показалось вдруг Мишке, что и в его могиле кто-то лежит...

— Ты покойник — и только! Ты расстрелян, вражонок, — хочешь, справку выдам?.. Потому ты не должен ничего бояться — и только. Ни-че-го! Ты талантлив. Ты очень талантлив, слышишь? Я... я... когда читал... — и показывает на Мишкину тетрадь. — В общем... потому и оставил тебя. Ты должен написать потомкам правду — и только! Всё, как было — слышишь? Правду! Только правду, вражонок!

— Напишу! — Мишкин голос по-мальчишески звенит.

— Да, напиши. О красных — они опять закабаляют мужика, — и о белых, которые гнали русских против русских неизвестно во имя чего и зачем...

— И притом гнали — насильно!.. — вставляет Мишка. — А ЧК? А казаков — под корень как сословие? А Кронштадт?

— И о нас, о нас не забудь. Мы — истинно народное движение. Землероба в очередной раз обманули, его опять привели к новому рабству — и только. Потому он и льнет к нам... Слышишь? Ты должен написать это. Ты не должен ничего бояться — тебя нет на свете. Я тебя расстрелял, вражонок, — и только. Вон — твоя могила.

Из другой комнаты в горницу входит поп. С кадилом и с огромной бородищей, видной, кажется, даже из-за спины.

— Ты крещеный? — Мишка кивает. — Тогда на колени!

Мишка бухнулся на колени, громыхнув мослаками, и трижды перекрестился. Поп пошел вокруг него, махая кадилом и нараспев бормоча:

— Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можашу. Да возсияет и нам грешным свет твой присносуший, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!

Батюшка остановился, коснулся Мишкиного стриженного затылка и торжественно продолжил:

— Да поможет тебе Отец наш Небесный, создавший все видимое и невидимое, Сын Его, на кресте за нас пострадавший, архистратиги и архангелы, на страже Престола стоящие, пророки древлеветчинные и апостолы, за одним Престолом с Господом сидящие, а также весь сонм святых и святителей в земле российской просиявших. Да укрепит сердце твое мужеством крепким Михаил-архистратиг, и да дарует победу на недругов Георгий-Победоносец, да осенит тебя своей редкостной благодатью Иоанн-Златоуст, и да вложит в уста твои мед горького глагола Роман-сладкопевец, и да передаст тебе

жало осязательное змеи пророк Иеремия, а пророк Даниил отвагу нечеловеческую во рву львином, и да укрепят волю твою и разум апостолы-евангелисты. Да пребудет в тебе крепость камня гранита, мудрость змеи аспиды, да будет сладость песен твоих подобна песням соловьиным, а бодрость и ясность их подобна песням жаворонка степного, поднебесного, да снизойдет на тебя прозорливость Екклезиаста, честность и прямота, и высокоименитость пророков древних Исаяи, Илии и Иезекииля, безоглядность, бесстрашие обличений Иоанна Предтечи, не устранившегося усекования, незлобие, божественная широта и глубина, всеобъемлющность сладчайшего Господа нашего Иисуса Христа.

Батюшка брызнул на Мишку водой. Он словно очнулся и увидел стоящего поодаль батьку: черные глаза его горели огнем. Поп же захохотал грозным рыком:

— Но я тебя заранее заочно проклиная, слышишь, я анафематствую на тебя, если не сдержишь данного сейчас торжественного обещания и станешь сочинять для славы, для почестей, для денег или не станешь писать вовсе. Проклинаю, внемли, проклиная, если нарушишь данное сейчас слово. — Он отхлебнул воды со стола и продолжил еще более густым басом: — И да выделит Господь тебя для гибели из числа всех племен российских, со всеми проклятиями свода небесного, начертанными в Писании; пусть же никто не будет говорить с тобой, никто не придет на помощь, никто не подаст руки, никто не напишет, никто не окажет милости, никто не пребудет с тобой под одной кровлей, никто не подойдет к тебе близко. Если нарушишь слово, будь же ты проклят, проклят, трижды проклят, ты и весь несчастный род твой, проклятием Даонна и Авирона, проклятьем бедности, бесплодия, скорби, печали, бездомности, бесчестья, а также насильственной, позорной, преждевременной, мучительной смертью, пускай же земля расступится под твоими ногами, безбожный, бесчестный пес смердящий, и да не примет земля праха твоего поганого. Да будет так, если нарушишь! Клянись! Клянись исполнить обещанное.

— Клянусь! — сквозь горячие слезы пролепетал Мишка, перекрестился и поцеловал образ старинного строгого письма, поданный ему батюшкой.

— Вот и хорошо! Вот и прекрасно! — сказал батька и протянул Мишке его патронный подсумок с затертой на сгибах тетрадью. — Живи! Но помни, вражонок: жизнь подарена не тебе, а таланту твоему светлому. Вот! — указал он на свернутую в трубку тетрадь. — Я, когда читал, я... я... — он махнул рукой и вышел из хаты.

Мишка долго стоял на коленях пред образом Спаса «Ярое Око-Златы Власы» сурового старинного письма. Слышал, как загремели тачанки, раздались выстрелы и крики команд, где-то взвилось залихватское «Яблочко», где-то заиграли хохлячью песню «Ой, ты, Халю!..» — и вскоре все стихло.

И только тогда Мишка встал с колен и развернул свою скрученную в трубку тетрадь. На ее обложке стояло название, выведенное его мальчишеской рукой — «Тихий Дон».

Батяка часто потом будет перечитывать «Тихий Дон», уже в Париже, перечитывать и узнавать многое, родное и горькое, и плакать, плакать над этими безумно смелыми, безжалостными, чудесными, акварельнописанными страницами. Страницами, которые писались вроде как и не совсем живым человеком. Ибо так наотмашь, без оглядки мог писать только мертвец. И все-таки это написал живой человек, тот самый мальчишка-вражонок, которого он когда-то приговорил...

Он будет это перечитывать и в тот июльский вечер тридцать четвертого, перечитывать и плакать (к старости сделался сентиментален!), в тот роковой вечер, когда вернется с одной очень странной и страшной встречи. На той встрече некие таинственные люди после долгих разговоров о России, о долге и прочих высоких материях, предложат ему сотрудничество против гидры русского коммунизма. И как знак своего могущества и всепроникновения с самых древнейших времен, покажут банку с заспиртованной головой Николая II, самодержца всероссийского, а потом — чтоб совсем уж раздавить! — покажут голову самого Христа. Спаситель, оказывается, был рыжеволос...

Он много чего повидал в жизни, — в семнадцать лет получил пожизненную каторгу, год сидел в тюрьме на цепи и двадцать лет прожил с одним легким, — но это зрелище потрясет, и он откажется, скажет, что надо подумать, что не готов к ответу и что-то пролепечет еще, такое же неубедительное, и в холодных, насмешливых глазах собеседников, псевдокаменщиков, прочтет свой приговор. А потом, вечером, будет перечитывать любимую неоконченную книгу и плакать. Да, к старости он стал сентиментален...

Его убьют через два дня. Буржуазные газеты напишут, что в пьяной драке собутыльник проломил череп пивной бутылкой тому, кто был награжден орденом Красного Знамени в первом десятке, кто наводил ужас и на белых, и на красных, кто был воистину «мужичьим царем» на территории, равной Франции, даже деньги свои выпускал («А хто нэ будэ гроши браты, того батяко будэ драгы», — стояло на купюрах), а крас-

---

ные, прокоммунистические газеты злорадно отметят, что еще один злодей и кровопивец трудового народа кончил от чахотки свое бесславное существование под парижским забором, имевший наглость называть себя «народным вождем» — батька Махно, Нестор Иванович Михненко.

ИНОХОДЕЦ

Когда я собирался на встречу с директором одного издательства и наводил, где только возможно, о нем справки, все, кто что-либо знал, свои тирады о нем заканчивали совершенно одинаково: запойный лошадиник. На мой недоуменно-вопросительный взгляд: что сие означает? — загадочно улыбались и отмахивались: сам увидишь.

И вот я в приемной, похожей отчасти на шорную мастерскую, отчасти на кузницу. Над каждой дверью, концами вверх, висели старые, истертые подковы. Именно такие, бывшие в употреблении (точнее — в «деле») и прибитые именно так — вверх ветвями — приносят счастье, собирают удачу.

На столе у секретарши стоял стеклянный графин, по ребристым бокам которого мчались тройки, а заткнут тот графин был стеклянным колпачком в виде конской головы. Рядом корзиночка, похожая на плетеные ясли, в которой лежали хлебцы с отрубями и овсяное печенье. Над директорской дверью блестел свежим хромом хомут, а петли были смазаны (вы уже догадались, да?) самым настоящим дёгтем, отчего приемная прямо-таки благоухала, и отнюдь не французским парфюмом.

Кабинет директора не отставал от приемной. Над столом висел настоящий туркменский ковер с мордами двух ахалтекинцев. Присутствовала всевозможная живопись, а также чугунное литье Касли, где доминировала исключительно лошадь. Была даже уменьшенная копия жеребцов с Аничкова моста незабвенного Клодта, тоже равнодушного к коням. На полочке выстроилась батарея разнокалиберных бутылок, где бросались в глаза «Казачья» водка, «Кубанская» горькая, а еще плоская бутылка виски «Белая лошадь».

Такого я не видал даже у своего приятеля Сергея Саныча, страстного лошадиника, который сам изготавливает подковы и ухнали, шьет седла и уздечки, сам же подковывает своих одров, у которого есть своя конюшня с двумя десятками маток, — тут же случай был какой-то особенный. Видно, директор в самом деле являлся не простым лошадиником, а — запойным.

— А ведь знаешь, и я когда-то пострадал, как принято сейчас выражаться, от коммунистов, — сказал он едва ли не через минуту после нашего знакомства, сказал вроде как ни с того ни с сего.

Мой собеседник был уже довольно пожилым, но еще бравым мужчиной, его отличала здоровая бодрость человека с хорошими нервами, крепким сном и ясной памятью; он являлся очень крупным функционером в нынешней компартии, чуть ли не правая рука их лидера. Странно было слышать подобные речи из уст депутата Госдумы от коммунистов.

Между тем он пустился в воспоминания.

В пятидесятых годах работал он на юге Новосибирской области, первым секретарем райкома комсомола. Чуть ли не каждый день приходилось мотаться по степным казахским аилам, чалдонским заимкам да казачьим хуторам. Для этого к нему была «прикреплена» казенная кобыла Налька. К зиме пришлось ее менять — обычное дело, жеребиться вскорости собиралась. Написал необходимые заявки, получил нужные согласования, поехал на райкомовскую конюшню.

С конюхом прошли в круглый манеж. Из станков конюх выпустил несколько жеребцов, хлопнул кнутом. Они побежали друг за другом по кругу. Все были красавцы — гнедые, рыжие, подласые, — кроме одного, приземистого какого-то уродца, с клочковатой мышастой шерстью, каким-то чудом затесавшегося в этот строй гвардейских одров, которые все были, как на подбор — один в один! Среди них особо выделялся высокий вороной жеребец — из красавцев красавец, сажень в холке, если не больше. На него-то глаз и лег, но конюх сказал, что этого жеребца, дескать, лучше не брать, красивые лошади редко бывают выносливы и резвы, да и первый секретарь все равно его отберет. Ему он тоже будто бы приглянулся. А зря... Тебе же совет — взять вот этого, мышастого. Из среднеазиатских карабаиров. Рысь у него до того мягкая — будешь ехать и не почувешь. На таких лошадях скифские цари да ханы татарские любили рысить, на них спать можно, прямо в седле. Спасибо скажешь не раз. Поверь, он ничем не хуже толстовского Холстомера, так же хорошо ходит и под седлом, и в упряжке нет ему равных.

Подумалось тогда, что этот конюх-грамотей просто издевается. Хотя человек он был серьезный и на хорошем счету. Из родовых сибирских казаков. Ладно, решил рискнуть. Выпряг свою каурю Нальку, хоть и жеребую, но все еще весьма резвую кобыленку и попытался было запречь этого низкорослого уродца.

Жеребец вырвался, отбежал и стал высоко вскидывать зад, делая вид, что лягается, громко при этом выпуская газы, — в знак презрения и крайнего неуважения. Пришлось долго гоняться за ним. Конюх все это время стоял поодаль, покури-

---

вая и улыбаясь — ему бы жеребчик легко дался в руки, стоило б лишь только свистнуть, чмокнуть губами, — нет, тут самому нужно было показать этому одру характер! Наконец, поймал. Привязал жеребца к изгороди, схватил валявшиеся поодаль грабли и стал колотить ими жеребца по спине, ровной как скамейка, пока не сломал их.

Рассказчик умолк. В глазах его плескалось былое счастье. Он вынул папиросу из пачки «Казбека», которая лежала возле пепельницы, отлитой в виде следа от лошадиного копыта, размял ее и табаком набил трубку, чубук которой был в виде конской морды.

— Так произошло наше с ним первое знакомство.

Когда запряг, конюх, хитро посматривая из-под седых, лохматых бровей, как ни в чем не бывало, добавил на прощанье, словно бы вспомнив: кстати, Александр Иванович, еще кое-что о Толстом. У Хаджи-Мурата была кобыла-иноходка до того резвая и выносливая, что за ним чуть ли не сутки гнались казаки, гнались галопом и наметом, но догнать не могли, а его иноходка как бежала рысью, так и продолжала стлаться над степной травой. Ко всем прочим плюсам кобыла мочилась на ходу, не приходилось для этого останавливаться; у казаков же под седлами были в основном жеребцы и меренья, тем, чтоб помочиться, нужно остановиться, стать в позу, расслабиться, вывалить «причиндал», а некоторым даже нужно ослаблять подседельные ремни, — а это время, почти целая минута, и делать это нормальная лошадь вынуждена через каждые полчаса, если не чаще... Так бы и ушел от казаков абрек, если б кто-то не догадался загнать Хаджи-Мурата на топкое место, там-то его и окружили.

Да, такие вот в те времена были конюхи. Профессора! В общем, с грехом пополам удалось запрячь своего аргамака. Только натянул вожжи, он и пошел. Ух, ты! Чудо, а не рысь. Та поездка, честное слово, на всю жизнь запомнилась.

Шел он только рысью. По-волчьи. Его и звали — Бирюк. Шел ровно, и мог идти этак хоть час, хоть два, идти с постоянной, очень высокой скоростью, прямо как заведенный. Но нужно было строго держать вожжи — держать внатяг. Стоило вожжи отпустить — он тут же останавливался. Как вкопанный.

Когда шел, высоко и ровно выбрасывая почти прямые ноги, длинная шея была изогнута, как у лебедя, и грива развевалась на ветру — до сих пор от одних лишь воспоминаний дух захватывает.

Рассказчик опять вздохнул и плеснул в бокалы виски «Белая лошадь», добавив из сифона газировки. Носик сифона был выполнен — вы уже догадались? — ну, конечно же, в виде головы, а рычажок — в виде конского хвоста. Хотя сам

напиток оказался так себе; лучше б угостил донской «Станичной» или, на худой конец — «Кубанской» горькой...

— Когда Бирюк стоял у коновязи, среди остальных лошадей, его круп почти на полметра выделялся в длину. Он был ниже основной массы лошадей, даже ниже кобыл, но гораздо длиннее, спина ровная и прямая, как скамейка, с темным «ремнем» по хребту, зато шея была прямо-таки, как уже говорилось, лебединая, неестественно изогнутая, — такие шеи бывают на палехских росписях, у коней, которых рисуют дети. А еще такие шеи бывают у деревянных коньков, которые стерегут от пожара крестьянские кровли.

Единственный у него был недостаток — жеребец оказался драчлив. Стоило оставить его у коновязи на полчаса с лошадьми — он обязательно устраивал свару. Не терпел рядом ничего присутствия. Кусал и лягал любую лошадь, даже молодым кобылам от него доставалось. Чувство собственного достоинства у него было просто какое-то гипертрофированное. Приходилось привязывать его отдельно. Иначе спуску от него никому не было. И он всегда побеждал в драках. Потому что был очень силен. Ведь у аргамаков, так раньше называли иноходцев, не восемнадцать пар ребер, как у всех лошадей, а, как правило, — девятнадцать. Отсюда следует, что у них легкие более объемные, да и вся мускулатура более мощная.

Кстати, родоначальник орловских рысаков, знаменитый жеребец Сметанка, рослый, исключительно белоснежный (так записано в старинных грамотах!) арабский аргамак, которого по приказу графа Орлова в течение двух лет — чтоб успел акклиматизироваться — перегоняли под охраной полка кубанцев из Турции, вокруг Черного моря, через Болгарию, чтобы под Воронежем, на ковылистых берегах Битюга, притока тихого Дона, от его потомков вывести знаменитую на весь мир породу. Так вот этот самый Сметанка тоже был о девятнадцати ребрах. Выходит, мой Бирюк, не исключено, — прямой потомок того знаменитого Сметанки. Вот только уж очень он неказист... Хотя в деле своем — орел!

Конечно, обычная, классическая рысь более красиво смотрится — когда лошадь бежит, высоко выбрасывая колени, гордо задрав голову, — да, это смотрится весьма эффектно. Мой же иноходец стлался по-над землей, подобно огромному серому сказочному волку, недаром иноходь еще называют настильной рысью. Потому, видно, Бирюком и окрестили...

Наверное, это покажется странным, но что-то, едва уловимое, было, да, было у нас с ним что-то общее... Даже родное.

Частьенько, по вечерам, после работы, я стал задерживаться у него в конюшне, и в эти долгие зимние вечера делился с

ним своими, как сейчас выражаются, проблемами. А проблем было — выше крыши... С первым секретарем обкома комсомола не сложились отношения, не заладилась работа, почти по всем вопросам были разногласия, и весьма существенные. С «хозяином» района, первым секретарем райкома партии, тоже не получалось понимания. В общем, даже поговорить не с кем было, — женой тогда еще не успел обзавестись, — вот и приходилось отводить душу с Бирюком. Он жевал сено, и, казалось, все понимал, о чем я ему толковал. Я по-настоящему полюбил своего неказистого конька. И, между делом, узнал про иноходцев практически все, что можно было найти в районной библиотеке, благо, в районных библиотеках тогда было все, что душе угодно. Я выудил про иноходцев столько всевозможной информации, что поначалу даже глаза разбежались — до чего ж, оказывается, велик и многообразен лошадиный мир. И до чего ж мы ленивы, как сказал классик, и нелюбопытны.

В Англии, например, существует пафосная охота, то есть гоньба лис на лошадах, древняя национальная забава. Используются для этого английские охотничьи лошади, гунтеры, среди которых преобладают иноходцы; гунтеры — родоначальники английской чистокровной: к кобылам-гунтерам были поставлены арабские жеребцы, от слияния их и получилась английская чистокровная.

Иноходцы были у армянского царя Давида-Строителя, он ездил исключительно на кобылах-иноходках.

Великий моурави, Георгий Саакадзе, был грузным и тяжелым, поэтому ему приходилось ездить на жеребцах-иноходцах.

У всех наших великих полководцев, у Кутузова, графа Румянцева, даже у гиганта Петра Первого (после его драпа из-под Нарвы, где его жеребец, по вышеописанной физиологической причине, чуть было не передал Его Величество в руки шведов), были кобылы-иноходки, за исключением генералиссимуса Суворова, — тот ни от кого никогда не драпал. Петр после Нарвы всю жизнь потом проездил на огромной, прямо-таки слоноподобной сивой кобыле-иноходке, на ней же он принимал, кстати, и грандиозный парад в Москве после Полтавской победы.

Все это удалось узнать между делом. И еще много чего интересного, что сейчас уж подзабылось.

К весне поменяли у нас и «хозяина» района, и первого секретаря обкома комсомола — оба ушли на повышение, — но и с их преемниками у меня не сложились отношения. Я плюнул на все и отдался охоте.

Весной столько в степи образовывается всевозможных озер — просто море какое-то разливанное. Я уезжал с ружь-

---

ем в степь и забывал обо всем на свете. Ах, какая это была весна! Над головой всю ночь гоготали гуси, которые тянулись на север, колотили ногами о землю парующиеся зайцы, свистели крыльями утки, несясь к ближайшему озерцу, бляжи по-ягнячьи бекасы. А утром, едва покажется солнце, курганы с седыми чубами прошлогоднего ковыля окрашивались в лиловые, потом в малиновые, потом — в алые тона, и плосколицые, выветренные истуканы на их размытых вершинах, казалось, мудро улыбались светилу. Почему-то этих истуканов принято называть «бабами», хотя с грудями их встречалось мало, все больше «баб» было с ярко прочерченными, прорубленными зубилом усами. Но вот солнце поднялось, всю заливаются жаворонки, хохлатые, степные, встречались даже монгольские, закружили стервятники, высматривая падаль или зазевавшегося суслика, орлы-могильники, беркуты, пестрые ястребы-тетеревятники; от седого прошлогоднего бурьяна-старюки поднимается пар, и, кажется, молодая трава со скрипом лезет из дерна, прямо на глазах, как цыганская игла через буро-зеленый ковер. Вот потянуло теплом, и призывно засвистали отошавшие за зиму сурки-тарбаганы (у нас дома их хаврошками называют), поблизости от их нор вьется непрошеным гостем хитрюга-корсак, весь в клоках линючей грязно-серой шерсти, а далеко-далеко вдали появляется вдруг в сизом мареве одинокий всадник среди отары овец, в окружении волкодавов величиной с телка...

Да, почти каждый встречный киргиз или казах, лишь только видел моего жеребца, сразу же предлагал за него любую свою лошадь. По две лошади за него предлагали!

Когда получали отказ, уезжали и вскоре появлялись с кобылой, которую пытались случить с моим Бирюком.

Жеребец радовался жизни не меньше, чем я. Но вот только под седлом, как заметил, ходить ему не очень-то нравилось. Странно, обычно всякая упряжная лошадь верховую езду предпочитает упряжке (так как под седлом ей гораздо легче), но этот, видно, во всем был какой-то особенный. Поначалу он всячески мудровал: то при посадке за ногу укусить норовит, то начнет кружиться, когда станешь вдевать ногу в стремя, то живот надует, когда подседельные подпруги затягиваешь. Раза два, особенно по первости, я из-за этих его, как говорят цыгане, кидрил, чуть не слетел вместе с седлом. Потом приспособился: дашь ему пинком под дых, чтоб живот подобрал, он подберет, тут подпруги и затянешь.

Потом стало ясно, отчего эти его мудрования-кидрилы. Оказалось, ко всему прочему, он был еще и «звездочетом». То есть, когда на полном скаку я натягивал поводья, он заки-

---

дывал голову так далеко назад, что порой уши его ложились мне на колени. Я поехал на конюшню к тому конюху, который «впарил» мне это чудо природы.

Рассказал ему все, как есть, он лишь усмехнулся. Бывает такое, сказал: в упряжке ходит без замечаний, а под седлом ему унизительно, вот и начинает мудровать.

«Но бегаёт-то хорошо?» — удостоверился конюх. «Не то слово. Просто отлично. Будто не в седле сидишь, а в люльке». — «Ну, так чего ж тебе еще. А звездочество его вылечить не трудно. Давай отойдем, чтоб он не слышал, — я расскажу тебе один верный способ. Мне его дед передал. А деду под большим секретом один цыган рассказал. Только ты не смейся и выполни все в точности, как я тебе скажу».

Когда конюх рассказал, я, конечно же, не поверил. Даже посмеялся. Но дал слово, что выполню все в точности.

Этой же ночью взял с собой два яйца и выехал в поле. Разогнал жеребца и резко натянул поводья. И когда он, как всегда, забросил голову мне на колени, разбил яйца у него на затылке, между ушами. После чего слез, поохал, повздыхал притворно и повел его назад в поводу, будто он был серьезно ранен. Бирюк шел, свесив голову, побито, еле ноги тащил. Два дня я не ездил на нем, лишь подходил, охал и осторожно проводил по корке из высохших яиц, которая, засохнув у него на затылке, видно, сильно тянула кожу. Он жалобно ржал и ловил мою руку. (Конюх говорил, что лошадь в это время думает, что у нее мозги вытекли). На третий день счистил засохшие яйца и взгромоздился в седло. Бирюк обрадованно понес, весело похрапывая, и больше уж не звездочетил никогда.

Через много лет придется прочитать о подобном «лечении» у Лескова в его «Очарованном страннике» (только там будет фигурировать горшок с тестом), а еще у полузабытого ныне автора, белоэмигранта Мамонтова, в его восхитительной книге мемуаров «Походы и кони».

Пройдет еще некоторое время, и новый первый секретарь без долгих разговоров (про него шутили: грудь в звездах, а голос — навывкате) отберет Бирюка. Взамен дадут того самого вороного, саженного красавца жеребца, на которого зимой глаз и лег. Его я даже запрягать не стану. Уволюсь в один день и уеду на родину.

На этом и закончится карьера партийного работника. Всю жизнь проработаю на заводах инженером. На производстве ведь без разницы, кто твои родители, что ты любишь и как бежишь — в ногу или не в ногу, — лишь бы дело знал да план выдавал исправно. Клячу же не сделает рысаком даже золотая узда...

Рассказчик умолкнет. Дальше я знал и так. В политику он вернется лишь тогда, когда эти деятели, у которых убеждения менялись вместе с генеральной линией партии, объявят себя, когда станет выгодно, демиками и либерастами и когда профукают к чертовой матери все, что только можно. Да и народ наш наконец-то очухается от угара и поймет, кого в очередной раз посадил себе на шею.

— Так что, выходит, и я в некотором роде «пострадал от коммунистов» тоже. — С этими словами он поднимается из-за стола, давая понять, что аудиенция окончена. Я поспешу откланяться. Когда он будет провожать меня до двери, замечу в его походке что-то странное. И лишь только оказавшись за пределами кабинета, смогу понять, что же было в его походке необычного. Правая нога у него двигалась одновременно с правой рукой, а левая нога, соответственно, с рукой левой. А может, мне это просто так показалось?.. Хотя в нашей эскадрилье, когда служил, был один такой персонаж. Техник Володя Гонцул. Любил деньги считать перед трюмо — чтоб их больше казалось. Для строевиков — сущее наказание. Нетрудно догадаться, как его дразнили. Конечно же «Иноходцем»...

На мой недоуменный и, наверное, немного ошарашенно-восхищенный взгляд секретарша скажет:

— Я ж вам говорила — он настоящий запойный лошадник. Но человек хороший.

Стол ее располагался под двумя тележными колесами, висевшими на стене...

Ах, как легко было идти по улице! Хотелось козликотом скакать. И настроение появилось предпраздничное. Несколько даже странно было чувствовать себя обновленным — давно уж отвык от подобного. И что в центре Москвы, в этом ужасном, давно нерусском, космополитическом, бесчеловечном мегаполисе, превратившемся в клоаку, есть все еще, оказывается, есть место, может быть единственное, где мне приятно находиться. Место, где мне теперь хотелось бывать. Воистину, там русский дух...

Жаль только, что фамилия у директора совсем не лошадиная!

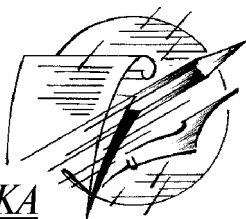
Я шагал по каменным лабиринтам этого метастазами расползающегося вавилоня, я почти парил над землей, залитой асфальтом — хотелось лететь, нестись с грохотом! — и радостно было оттого, что явственно чувствовал, как от меня сильно, мощно, прямо-таки шовинистически пахнет дёгтем.

БЕЗЗАКОНИЕ ЗАКОНА

Суди меня, судья неправедный!
А.Н. Островский, «Гроза»

Мы погрязли в коррупции, мы стенаем от беззакония, двадцать лет мы тщимся построить гражданское общество и правовое государство, где власть закона — самая сильная и надёжная власть. Но стоит ли видеть в законопослушании залог благополучия общества? И не может ли закон обернуться своей противоположностью?

На свете существует множество смешных и нелепых законов, унижающих подчас человеческое достоинство, делающих человека похожим на дрессированного медведя. Например, в Великобритании нельзя умирать в здании парламента. А в США, в штате Мэриленд в городе Балтимор, нельзя приходить в театр со львами. В штате же Калифорния под угрозой штрафа в 500 долларов нельзя в черте города Чико взрывать ядерные устройства. А вот в штате Алабама запрещено водить машину с завязанными глазами. Несколько лет назад в Техасе был принят закон, в соответствии с которым преступник обязан устно или письменно предупреждать жертву о готовящемся преступлении не менее чем за 24 часа до его совершения.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Практика решения всех спорных законов в суде также не способствует возвышению и облагораживанию рода человеческого. К примеру, сегодня мы то и дело и всё более невозмутимо наблюдаем, как родственники погибших в нашей стране алчут в судах денежной компенсации, обращая горе в источник дохода.

Русский человек потому и не отличался никогда законопослушанием, что закон в его восприятии был неким суррогатом совести. *«У кого совести нет, для того все законы открыты, — устами Павла Головлёва говорит М.Е. Салтыков-Щедрин, — а у кого есть совесть, для того и закон закрыт».* Иными словами, совестливому человеку, имеющему закон внутри себя, не нужны правовые акты. А для бессовестного они не помеха. Наш современник пошёл ещё дальше: теперь закон не просто можно обойти, его можно поставить себе на службу ещё в момент написания и последующего принятия.

Парадоксальным образом закон, действительно, отнимает порой у человека человеческий облик. Впрочем, парадокс этот объясняется весьма просто: апостасия — идёт ли речь об осознанном богоотрицании или об обращении веры в некое приятное состояние, внушающее чувство превосходства и сводящееся к исполнению обрядов — убивает память о богоподобии. Естественным образом, законы апостасийного общества пишутся не на основе Закона, но на основе представлений некой группы людей об общественном устройстве. Что это за группа — марксисты-ленинцы, масоны-розенкрейцеры или «голубое лобби» — тут уж как кому повезёт. Но следование этим законам и упование на них вовсе не гарантирует всем справедливости и блага.

Апофеозом апостасийного законодательства стала так называемая «ювенальная юстиция», провозглашающая защиту детей от насилия и жестокости, а на деле разрушающая семьи, калечащая детей и убивающая родителей — как в России, так и в «цивилизованной Европе» имели место неоднократные случаи материнских смертей и самоубийств после насильственного разлучения с детьми. Чудовищные, бесовски хитрые законы, предполагающие изъятие детей из семьи и помещение их в приюты, заставляют снова и снова задаваться вопросом: кому выгодно?

Опыт западных стран, где ювенальная юстиция существует уже не первый год, свидетельствует о следующем. Кто-то заинтересован в том, чтобы разрушить нормальный ход жизни: люди, у которых просто так отняли детей, уже не могут посвятить себя семье, работе или творчеству. Отныне их существование сводится к хождению по мукам в судах, к апелляциям

циям и кассационным жалобам. Кроме того, их обязывают оплачивать пребывание их же детей в приёмных семьях. Ставшая жертвой французской ювенальной юстиции, актриса Наталья Захарова так охарактеризовала ситуацию: «Эффективность работы судьи оценивается количеством отнятых детей. Чем больше детей судья «защищает» от родителей, тем быстрее продвигается по служебной лестнице. Получается, что судьи поставляют социальным службам детей, а те, в свою очередь, пишут нужные рапорты, которые <...> всегда негативны и всегда настроены против родителей». В интервью психологу Татьяне Шишовой Наталья Захарова поведала о своей встрече с «генеральным прокурором суда» Ивом Ботом, который сказал Захаровой: «Мадам, вы не думайте, что мы отняли дочь только у вас. Мы и у французских родителей отбираем детей... Нам сверху спускают распоряжение, мы обязаны его выполнять. Если завтра указания изменятся, мы не будем отнимать детей в таких количествах». То же самое происходит в Германии и Австрии, Нидерландах и Финляндии.

По закону ребёнок изымается из семьи, только если со стороны родителей ему угрожает насилие. А вот как определили «насилие» чиновники Межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Саратовской области: *«Насилие — любая форма взаимоотношений, направленная на установление или удержание контроля силой над другим человеком. Физическое насилие — действие (бездействие) со стороны родителей или других взрослых, в результате которых физическое и умственное здоровье ребёнка нарушается или находится под угрозой повреждения»*. Что получается: не пустили подростка в кино, установив таким образом над ним контроль — читай: совершили насилие. А если ребёнок упал и разбил коленку — это уже акт бездействия со стороны родителей или физическое насилие. В России пока законодательно не введена ювенальная юстиция, но случаев отторжения детей на основании «насилия» уже предостаточно. Вероятно, чиновники готовятся, выказывая преждевременное рвение.

Если в России появится ювенальная юстиция, то как страна, в которой огромное количество беспризорников и нищих детских домов, намеревается содержать приюты для «защищаемых» от родителей детей? О ювенальной юстиции много пишут. Но никто пока не дал внятного и однозначного объяснения: почему это происходит, кому и зачем всё это нужно? Конечно — кто бы сомневался! — *vexillia regis prodeunt inferni* (знамёна властителя ада продвигаются вперёд). Однако все-

---

гда и всему есть рациональное объяснение. Если, разумеется, речь не идёт о чудесах, к разряду которых ювенальная юстиция явно не относится. Так кто же он, этот знаменосец? «Голубое лобби», пытающееся перекроить мир под себя, уничтожив вопиющий источник так называемой гомофобии — традиционную семью? А может, «педофильское лобби» (оказывается, и такое есть!), охочее до юных тел? Или мировое правительство, что готовится явить себя миру, а пока занимается подготовкой электората, калеча и зомбируя юные души, — ведь в приюте из ребёнка можно вылепить всё, что угодно?

О времени прихода антихриста никому знать не дано, а прийти ему, независимо от нашего желания, всё-таки предстоит. Но при всей отечественной любви к демонологии следует признать, что содомиты и «ювенальщики» — это не демоны. И вышли они не из преисподней. Они родились и выросли по соседству с нами. Вопросы же, заслуживающие осмысления: почему они появились, почему их стало много и почему они не боятся?

Опыт ювенальной юстиции как нельзя более красноречиво говорит о том, что узаконено, в принципе, может быть всё, что угодно. И правовое государство, где все привержены букве закона, вовсе не обязательно стоит на страже интересов граждан. Особенно, если представления закона и граждан о том, что такое хорошо и что такое плохо, коренным образом расходятся.

Этот опыт убеждает нас, что человечество, оторвавшись, как от причала, от Истины, носится, гонимое всеми ветрами, и не может найти пристанища. Ювенальная юстиция — не просто неудачный свод законов или происки злых сил. Это ещё одно свидетельство кризиса, поразившего человечество. Следует признать, что все мы, включая тех, кто называет себя «православными», тяжело больны. И недуг этот духовного свойства.

Сребролюбец, разглагольствующий о нестяжании; проповедующий воздержание прелюбодей; разбойник, приглашающий к законопослушанию и зовущий к смирению гордец — вот эмблема нашего времени. И до тех пор, пока мы не скинем её, пока не вспомним о внутреннем законе, ничего не изменится вокруг, ложь и лицемерие так и останутся нашей стихией. И нечего удивляться, что в этом гнилом воздухе зло размножается, как бактерии.

Нацеленность на потребление, выгоду и успех изначально предполагает вседозволенность. Если для капиталиста нет такого преступления, на которое он не пошёл бы ради при-

---

были в 300%, то почему, глядя на него, педофил станет отказывать себе в «маленьких радостях»? Каждый из них потребляет и выгадывает по-своему. Как и судья, чья карьера зависит от количества обездоленных детей. Как и те, кто голосует за незаконные законы, если их принятие оборачивается прибылью.

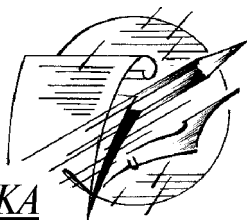
Мы можем устраивать голодовки и забастовки, биться головами об стены, ходить маршами по улицам, но это ни на что не повлияет. Борьба с симптомами — не значит лечить болезнь. В интересах той или иной группы людей, обладающей властью и деньгами, может быть принят абсолютно любой закон и проведена любая реформа. И так будет до тех пор, пока в обществе не сменится система ценностей, пока быть бессовестным вновь не станет делом презренным, а любовь к ближнему — не на словах, но на деле! — не станет хорошим тоном.

СУМЕРКИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ДОГМАТИЗМА

Это сладкое слово «свобода»

Либерализм принято отождествлять с защитой прав и свобод, со свободолобием. Но в сознание людей либерализм, как и всякий другой набор идей и приоритетов, вселяется не столько как теоретическая доктрина, сколько как алгоритм мышления и самоощущения. А как можно ощущать свободу? По-разному. Кто-то воспринимает её универсальной, общей для всех ценностью, а кто-то признаёт её только для себя, игнорируя всех прочих. Понятно, что между этими вариантами свободолобия имеется разница, и весьма существенная. Стало быть, либерализм — явление неоднозначное, не представляющее собою единой и цельной системы взглядов. К примеру, одни либералы выступают за максимальное ограничение роли государства в общественной жизни, другие к государству относятся вполне спокойно, позитивно воспринимая плановое регулирование экономики, бесплатную медицину, социальное страхование, пособия по безработице и тому подобное.

Ничто не ласкает слух человека так, как слово «свобода». Велик соблазн уверить себя, что свободы много не бывает.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Но в реальности свобода одних то и дело вторгается в пространство свободы других. Стоит переступить некую морально-этическую меру, и свобода превращается в источник болезненных социальных проблем. Среди либералов существует радикальное крыло, представители которого полагают, что всякие этические ограничения чреватны насилием над свободной личностью, что социальная жизнь должна регулироваться сама собой, стихийно, без вмешательства со стороны государственных структур. Эта генерация либералов-фундаменталистов объявляет государство «злом», но при этом полагает, что власть должна принадлежать именно ей как «особо избранной, креативной элите», а не демократическому большинству, являющему собой «профанный демос».

Радикальный либерализм в постсоветской России стал слишком заметным феноменом, чтобы его можно было не замечать. У него есть своя история, имеющая определённые этапы и фазы, своих главных персонажей с их провалами и конфузами. Что же это за история? Куда ведёт она догматиков либерализма?

Недемократичный «Демвыбор России»

Политическое течение, озаботившееся внедрением в социальную практику постулатов ультралиберализма, возникло в среде московско-питерской тусовочной интеллигенции накануне распада Советского Союза. Поначалу это течение представляла «Демократическая Россия» — возникший в марте 1990 года накануне выборов в Верховный Совет РСФСР избирательный, а затем и депутатский блок. Политическая риторика актива «ДР» в лице Гавриила Попова, Юрия Афанасьева, Глеба Якунина была пересыпана словами о демократии, но при этом несла на себе отпечаток воинствующего либерализма и была направлена на беспощадный слом советского общественного строя, децентрализацию государственного управления, господство в экономике частной собственности и рыночных отношений. «Демроссия» поддержала выступления сепаратистов в Прибалтике и в Грузии, тем самым способствуя распаду Советского Союза. Борис Ельцин, ставший президентом Российской Федерации, являлся представителем «ДР».

В условиях развернувшейся массивной критики «тоталитарного» советского строя либеральные и демократические лозунги воспринимались широкой общественностью как единый, неразделимый комплекс идей. Массовое сознание тогда не усматривало смысловых различий между понятиями-

---

ми «демократия» и «либерализм». Между тем программа «Демроссии» в гораздо большей степени была либеральной, нежели демократической. Осенью 1991 года координационный совет «Демроссии» потребовал от Ельцина создать «правительство реформ» во главе с либеральным начётчиком Е. Гайдаром. Воплощённая на практике, его либерально-рыночная концепция вылилась в зверски агрессивную «шоковую терапию», являвшуюся заведомо антидемократичной мерой, обнулившей сберегательные вклады населения и давшей старт астрономическому взлёту цен на продукты питания и товары широкого потребления.

Отличительной чертой гайдаровщины стала фетишизация западного исторического и ментального опыта. Гайдар много рассуждал о превосходстве Запада над Россией, об её фатальной отсталости и вечной обречённости на «догоняющее развитие». Преклоняясь перед Западом, свои шоковые реформы он проводил по рецептам американских референтов во главе с Джеффри Саксом. Мало кто знает, что сам Сакс, снабжавший гайдаровское правительство рекомендациями с осени 1991-го по январь 1994-го, уже в 1998 году открестился от российских «младореформаторов», осознав всю дикость и цинизм содеянного ими: «Главное, что подвело нас, это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями... Они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

Главным способом реформирования Гайдар считал расгосударствление экономики и распихивание её в частные руки, полагая, что эти задачи должны решаться быстро и без оглядки на морально-этические нормы: «Пусть собственность распределится сначала по силе, потом она распределится по уму». Взяв на себя роль идеолога и лидера радикального либерализма в России, Гайдар создал и возглавил партию «Демократический выбор России». Точно так же как и «Демроссия», «Демвыбор», несмотря на название, делал упор не на демократические, а на либеральные приоритеты — вестернизацию России, распаханность нашей экономики для иностранного капитала, ликвидацию государственного планирования, форсированное наращивание частного сектора, поощрение конкуренции как «естественного отбора» среди предпринимателей, предельную экономию средств, выделяемых казной на социальные программы.

В «Демвыборе» и в правительстве «младореформаторов», помимо Гайдара, выделялся А. Чубайс, который с целью вытеснения государства из народного хозяйства взялся за ваучеризацию, используя при её проведении довольно гнусные методы, включая и прямую дезинформацию населения. Позднее Чубайс, касаясь этой темы, так «наводил тень на плетень»: «Надо было не только придумать эффективные схемы, написать нормативные документы, но и убедить Думу в необходимости их принятия, а главное — убедить 150 миллионов человек населения встать со своего места, выйти из квартиры, получить ваучер... Конечно, пропагандистская составляющая была фантастически важна». Нет особого смысла доказывать, что Чубайс и его присные никакими демократами никогда не были: разве демократия может быть совместима с обманом демоса?

На службе олигархии

Радикально-либеральные реформы, проводившиеся в 90-е годы, были чужды самому смыслу демократии. «Младореформаторы» явились основателями и главными опекунами олигархического капитализма в России. В 1991—1997 годах было приватизировано около 130 тысяч предприятий, самые доходные из которых оказались в руках олигархов. В 1995 году состоялись залоговые аукционы, на которых Чубайс, возглавлявший тогда Госкомимущество, незаконно выставил на продажу ряд крупных, стратегических госпредприятий, будущие «владельцы» которых должны были дать правительству деньги «в долг» под залог акций тех самых предприятий. В случае невозврата «долга» акции переходили в собственность «кредиторов», которым деньги опять же незаконно ссудило Министерство финансов в сумме более 600 миллионов долларов по явно заниженной ставке и через несколько коммерческих банков — для того, чтобы запутать следы. Как и планировал Чубайс, правительство «кредиты» не возвратило и предприятия за бесценок «ушли» к новым хозяевам.

В управлении страной правые либералы фанатично держались за монетаристские догмы. К 1998 году их правительство создало в стране искусственный денежный и бюджетный дефицит, а затем активно занялось строительством финансовых пирамид, результатом чего стал грянувший в августе 1998 года дефолт. Всё делалось для блага олигархов, интересы демоса либеральных махинаторов из московских коридоров власти не интересовали вовсе.

Может быть, представители либерального фундаментализма достойно проявили себя на nive местного самоуправления, без коего развитие демократии невозможно? Одного из них, Бориса Немцова, в начале 90-х годов Ельцин назначил губернатором Нижегородской области. Немцов активно занимался популизмом, стремясь добиться известности как «прогрессивный реформатор». На деле использовавшиеся им методы управления регионом дали людям основание говорить об установлении «режима регионального авторитаризма». При Немцове исполнительная власть открыто доминировала над представительной, оппозиционность Немцову подавлялась аппаратными методами, управленческие решения принимались в узком корпоративном кругу — особенно, когда дело доходило до раздачи государственной собственности, достававшейся в первую очередь «своим людям». Губернаторство Немцова послужило иллюстрацией пренебрежения либералов к самоуправленческой демократии.

В течение некоторого времени демократическая риторика, используемая «правыми», затушёвывала их воинственный элитаризм и потому приносила определённые политические дивиденды. Сочетаясь с административным ресурсом и финансовой помощью от олигархов, эта риторика позволила «Демвыбору» в 1993 году пройти в Госдуму, набрав 15,5% голосов и получив 40 мест в Думе. Однако «Демвыбору» не удалось закрепить этот успех, ибо его фальшивая риторика всё сильнее расходилась с практическими делами его вождей и потому необратимо отторгалась электоратом. Уже через два года гайдаровская партия потерпела разгромное поражение, не набрав даже 4% голосов и быстро утратив после этого влияние на ход политических процессов в стране. Избиратели сделали свой демократический выбор не в пользу «Демократического выбора России», оказавшегося весьма далёким от подлинно демократических ценностей.

В 2001 году на своём последнем съезде «ДВР» объявил о самоликвидации.

«Что вы волнуетесь за этих людей?»

К тому времени уже существовал Союз правых сил, возникший как избирательный блок. На думских выборах 1999 года СПС, возглавляемый тогда Б. Немцовым, И. Хакамадой и С. Кириенко, получил 8,5% голосов избирателей и обзавёлся собственной парламентской фракцией. В мае 2001 года СПС оформился как политическая партия. Её сопредседателями стали Гайдар, Кириенко, Немцов, Хакамада и Чубайс.

Позже председателем СПС поставили Немцова, а Гайдар, Хакамада и Чубайс остались сопредседателями.

Лидеров СПС поражение «Демвыбора» в 1995 году ничему не научило. Их политический кругозор так и не обогатился представлениями о нормальной, не демагогической демократии. Верхи «правых» по-прежнему отвергали морально-этическую составляющую в подходах и к запущенным ими реформам, и к общественно-политической жизни в целом. Чубайс на съезде СПС обратился к однопартийцам: «Больше наглости!», а в телеинтервью В. Познеру заявил: «А мне претит вот такое, извиняюсь, интеллигентское восприятие на тему вот этой вот слезинки ребёнка имени товарища Достоевского. На тему о том, что значит вот компромисс — это всегда подлость, а нужно делать только всё чисто, честно, абсолютно с начала до конца так, чтобы это было все предельно корректно...»

Владимир Полеванов, сменивший Чубайса на посту главы Госкомимущества, свидетельствовал: «Когда я пришёл в Госкомимущество и пытался изменить стратегию приватизации в интересах населения страны, Чубайс заявил мне открытым текстом: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут». Подобным людоедским высказыванием отметилась и Хакамада: «Да, трудно реформы идут. И так будет продолжаться, пока всё старое поколение не вымрет». Совсем не маленьким оказался запас изверской мизантропии у поклонников «эксклюзивной» демократии и свободы для избранных!

Либерализм в трактовке главных деятелей СПС предстал как идеология воинствующего элитаризма, приоритета прав меньшинства над правами большинства, рыночного догматизма, отмены всякого планового регулирования экономики, господства «саморегулирующейся рыночной стихии». Радикальный либерализм отрицает коллективную солидарность, он чужд демократизму, ибо демократизм — это свободолюбие большинства, тогда как экстремальный либерализм — свободолюбие меньшинства. Мнение народного большинства для правых либералов — пустой звук, иллюстрацией к чему служат слова Немцова о чилийском диктаторе Пиночете, который в целях сохранения позиций олигархического капитала залил собственную страну кровью: «Пиночет — диктатор. На его совести — тысячи убитых чилийцев и огромное количество репрессированных. Многие из чилийцев не могут ему этого простить. Но Пиночет — уникальный диктатор. Он проводил очень важные либеральные экономические реформы... Аугусто Пиночет свято верил в

частную собственность и в конкуренцию, при нём частные компании заняли достойное место в бизнесе, а экономика при нём росла». Это высказывание Немцова как нельзя лучше высвечивает подлинное отношение либеральных догматиков к демократии, которой они не стесняются противопоставлять либеральную диктатуру, да ещё с кровавым оттенком. Доживи до наших дней Лев Троцкий, Бела Кун и другие палачи времён военного коммунизма, они наверняка признали бы Немцова, Чубайса и Хакамаду своими верными последователями.

О результативности магических заклинаний

В чём же практическая разница между демократизмом и либерализмом? Демократизм ищет диалога между разными слоями общества, а догматический либерализм нацелен на иерархию социальных статусов. Демократ «болеет» за демократический гипертрофированный либерализм, свобода для всех должна уступить место свободе для «узкого круга лиц». Либералисты выступают за приватизацию не только экономики, но также и здравоохранения, образования, пенсионного обеспечения, коммунального хозяйства. Они трактуют общественную жизнь как конкурентно-рыночное пространство, где каждый социальный контакт является сделкой, актом купли-продажи, где все процессы в политике, этике, эстетике, культуре определяются законами прибыли.

Российские радикальные либералы зарекомендовали себя воинственными адептами западных ментальных ценностей. Казус, однако, заключается в том, что, называя себя «правыми», они заметно отошли от западной политической традиции, поскольку в США и в Западной Европе сторонниками правых взглядов всегда считались и до сих пор считаются приверженцы консервативных традиций. Правые на Западе поддерживают законность, правопорядок, устоявшиеся общественные нормы, религиозно-церковные и семейные ценности. А вот у российских праволиберальных фундаменталистов вся лексика направлена на критику этих самых норм и ценностей.

Несмотря на то что псевдоэлитарная и торгашеская сущность идеологии СПС обильно закрашивалась риторикой о свободе, демократии и правах личности, к началу 2000-х годов реакция основного большинства россиян на «правых» была открыто негативной. На думских выборах в декабре 2003 года СПС потерпел чувствительное фиаско, набрав лишь 4% голосов и не пройдя в парламент. После этого Немцов, Гай-

---

дар, Хакамада и Чубайс вынуждены были уйти из руководства партий. Тем не менее Чубайс, ставший к тому времени председателем РАО «ЕЭС», продолжал содержать партию на средства возглавляемой им корпорации.

Несмотря на политический провал, СПС не отказался от либерального фундаментализма. В сентябре 2003 года на очередном съезде партии была принята программа под названием «Горизонт-2017. Вернуть России будущее». Текст этого документа напоминает заклинания, обращённые к языческому идолу: «Россия погружается в сон, в новый застой. Причина одна — бегство от свободы. ...Наша задача — вернуть России свободу и возобновить движение страны вперёд. Наша задача — вернуть России будущее». В подобной заклинательной манере были расписаны и политические планы «правых»: «В 2007 году мы намерены вернуться в парламент. ...В 2011 году мы намерены стать наиболее влиятельной партией в парламенте, войти в правительство и начать поэтапное осуществление системных преобразований, направленных на преодоление стагнации и возобновление движения страны вперёд. В 2015 году мы намерены стать партией парламентского большинства. Наша задача к 2017 году — стать правящей партией, приступить к завершающему этапу либеральных реформ и сделать необратимым движение России вперёд». В этом тексте отражено примитивное квазирелигиозное мировосприятие, «питающееся» верой в возможность «уболтать» реальную действительность, воздействуя на неё с помощью шаманских заговоров.

Однако реальность не захотела подчиняться магическим бормотаниям «правых», превратив их планы и обещания в пустой блеф: итоги парламентских выборов 2007 года, несмотря на огромную финансовую поддержку со стороны РАО «ЕЭС», оказались для Союза правых сил шокирующими — менее 1% голосов избирателей. Не помогли СПС и популистские лозунги: в погоне за голосами его лидеры даже пообещали избирателям увеличение пенсий в два с половиной раза. Видя, что эти лозунги явно не стыкуются со стратегическими установками партии, многие региональные активисты СПС заявили, что не хотят быть причастными к неприкрытому обману людей, и вышли из избирательных списков.

«Новый имидж» правых либералов

В октябре 2008 года политсовет СПС принял решение о самороспуске партии. На смену ему пришло «Правое дело», идеология, структура и кадровый состав которого достались

ему по наследству от СПС. На учредительном съезде новой партии её сопредседателями были избраны Георгий Бовт, Борис Титов и Леонид Гозман. Исполком партии возглавил Андрей Дунаев. «Правое дело», как и его политические предшественники, приложило немало усилий в деле отстаивания праволиберальных ценностей. Однако неудачи на электоральном поле заставили его верхи встать на путь обновления имиджа организации.

В июне 2011 года, нацелившись на «имиджевый прорыв», съезд «Правого дела» избрал главой партии Михаила Прохорова. Прохоров — олигарх, миллиардер, президент частного инвестиционного фонда «Группа ОНЭКСИМ», владелец состояния, которое оценивается в 18 миллиардов долларов. Он контролирует крупные пакеты акций многих компаний. Финансовую основу своего немереного богатства он создал, занимая пост гендиректора и председателя правления ГК «Норильский никель».

До начала своей политической «карьеры» Прохоров успел отметить участие в нескольких резонансных скандалах. Самый громкий из них произошёл в январе 2007 года во французском Куршавеле, где местная полиция прервала весёлый досуг Прохорова с вином и танцами, арестовав его и его помощников — менеджеров «Норникеля». Вместе с ними полицейские задержали целую бригаду молодых женщин, сопровождавших Прохорова и его команду. Миллиардера обвинили в организации сети проституции элитного класса, а прокурор Лиона заподозрил его в сексуальных связях с несовершеннолетними. Возмущение богатеньким ловеласом было всеобщим. Президент Торгово-промышленной палаты Евгений Примаков так оценил его поведение: «Это задевает имидж России и настраивает общество против бизнеса. Как так можно? Люди в шахте получают далеко не огромные деньги, а гендиректор швыряется ими и привозит с собой на курорт пятнадцать женщин...»

Как богатый плейбой повёл себя после куршавельского скандала? Может быть, хотя бы смутился? Ничуть не бывало. В одном из интервью он принялся бравировать тем, что у него «было много женщин», а затем поучаствовал в наделавшем шума разгульном банкете на борту крейсера «Аврора». На фоне подобных эпизодов цинично и вызывающе прозвучало заявление Прохорова о том, что нужно увеличить рабочий день и интенсивность труда для наёмных работников, одновременно увеличив власть хозяев предприятий над этими работниками и изменив трудовое законодательство в пользу работодателей. Прохоров захотел законодательно вве-

---

сти 60-часовую неделю для низового персонала, внедрить трудовые контракты сроком всего на один год, разрешить менеджерам увольнять сотрудников без предварительного уведомления, повысить возраст выхода на пенсию. Ответственность посчитала поучения живущего на широкую ногу плейбоя дурным тоном. Публично его никто не поддержал, кроме подвизавшегося в сверхлиберальном ИНСОРе (Институте современного развития) Евгения Гонтмахера, известного горячностью к догмам либерального фундаментализма.

Покинув пост гендиректора ГМК «Норильский никель», Прохоров оставил себе блокирующий пакет акций комбината. Сверхприбыли, полученные Прохоровым благодаря «Норникелю», высветили один из самых поразительных и трагичных парадоксов отечественной истории. Принимая в 1935 году решение о строительстве Норильского комбината, мог ли Совнарком СССР знать, что через 60 лет он будет продан с молотка невесте откуда взявшимся олигархам? Могли ли помыслить об этом заключённые Норильского исправительно-трудового лагеря, которых перебросили с Соловецких островов в трест «Норильскстрой», переданный в состав НКВД? Среди этих заключённых преобладали представители интеллигенции, учёные, инженеры и религиозные деятели. Это их останки покоятся в вечной мерзлоте под фундаментами комбината «Норникель»...

Статусом олигарха Прохоров обзавёлся благодаря залоговым аукционам. По словам работавшего в Счётной палате Юрия Болдырева, сумма в 180 миллионов долларов, которую государство получило от «реализации» комбината «Норильский никель», была совершенно несопоставима с его реальной стоимостью, а характер сделок с залогово-кредитными аукционами, в том числе и по «Норникелю», был «притворным». Отсюда следует, что Прохоров своим «эксклюзивным» положением обязан ультралибералам во главе с Чубайсом, а значит, кровно повязан с практикой радикального либерализма в его наиболее хищной форме. Собственно говоря, он и сам этого не скрывает. 12 октября 2009 года в телевизионной беседе с Познером на вопрос: «Считаете ли вы, что приватизация была не в полной мере справедливой?» Прохоров с привычным цинизмом ответил: «Мне сложно быть объективным. По итогам той приватизации я был более успешен, чем все остальные, поэтому считаю её приемлемой. ...Приходится иногда для достижения результата жить по понятиям, а не по закону. ...У меня есть такой лозунг: у бизнеса нет оправдания, почему он неуспешный».

Став лидером «правых», Прохоров на съезде «ПД» заговорил языком, не очень-то характерным для радикальных либералов, пообещав будущим избирателям «увеличение социальных расходов», «передачу всей земли народу» и «отмену назначений на административные должности». Поскольку практика радикального либерализма показала, что его адепты к повсеместному торжеству выборности, не говоря уже о социалистических началах, не стремились и не стремятся, тем, кто следил за ходом съезда, было ясно, что прохоровская риторика означала отнюдь не реальное изменение идеологического курса «правых», а дешёвенький популизм, рассчитанный на привлечение электоральных симпатий.

Выступая перед делегатами съезда, самовлюблённый плеейбой продемонстрировал не в меру дерзкие политические притязания, заявив о своей готовности занять пост председателя российского правительства: «Мне кажется, я справлюсь с работой премьер-министра». В числе задач, стоящих перед «Правым делом», он назвал не только вхождение в Госдуму по результатам парламентских выборов, но и получение статуса второй политической силы в стране. Эти заявления показали: в склонности «уговаривать» действительность с помощью волхваний он ничем не отличается от лидеров почившего в бозе «Союза правых сил».

Вскоре после съезда Прохоров инициировал широкомащтабную пиар-кампанию с целью привлечь как можно больше внимания к себе и своей партии. Все крупные города страны «украшились» плакатами со слоганом «Сила — в правде. Кто прав, у того и сила». Эту фразу команда Прохорова заимствовала из криминальной кинодрамы «Брат-2». Расчёт, видимо, был сделан на то, что внешне броская формула окажется привлекательной для широких масс. Но прохоровские политтехнологи как-то упустили из виду, что эту формулу озвучивал киногоерой, без стеснений взявший на себя «миссию» киллера, а значит, в подтекст «нового имиджа» и Прохорова, и «ПД» закрался плохо замаскированный уголовный оттенок.

11 августа, после пресс-конференции, проведённой Прохоровым, стало ясно, что базовые догмы «Правого дела» останутся прежними. Он заявил, что ключевым пунктом программы партии станет «проект создания Большой Европы — от Лиссабона до Владивостока» с интеграцией России в шенгенское пространство и зону евро. «Для успеха проекта, — пояснил он, — необходимо разъяснить европейцам, как со-

---

трудничество с Россией поможет им решить собственные проблемы». Это высказывание Прохорова расставило всё по своим местам: он никуда не ушёл от радикально-либеральных химер и мифов, повязанных с идеей решения всех проблем за счёт ущемления национальных интересов России.

Вскоре, решив не ограничиваться премьерскими амбициями, миллиардер заговорил о намерении выставить свою кандидатуру на президентских выборах весной 2012 года и выступил с публичной критикой ведущего властного тандема. В том, что его выпады в адрес «вышестоящих товарищей» не остались незамеченными «наверху», можно не сомневаться. Коллеги по партии за эскападами нового лидера следили с немалым удивлением: ведь придя руководить ими, он рядился в пышную тогу небожителя, полководца и вождя партийных масс, получившего санкцию на «политическое творчество» с высот властного Олимпа и назначенного «сами знаете кем». Партийцы гадали: не произошло ли у их руководителя смещение восприятия, связанное с вскружившим ему голову блиц-успехом, или же он всерьёз страдает комплексом Хлестакова?

Перед партийной массой «успешный менеджер» держался не как единомышленник, а как полновластный и тщеславный хозяин, «купивший» партию и рассматривающий её как некий бизнес-проект. Но его павлинья статья продержалась совсем недолго. Уже в середине сентября 2011 года в «Правом деле» выявилась многочисленная оппозиция новому «хозяину», диктаторские замашки которого не могли понравиться «борцам за либеральную свободу». Недовольство внутрипартийных оппозиционеров взбурлило после того, как Прохоров, не считаясь с мнением партийцев, сделал своей главной опорой избирательный штаб, куда вошли не связанные с «ПД» политтехнологи, в том числе и приезжие с Украины. Во главе этого штаба оказался бывший жириновец Рифат Шайхутдинов, подозреваемый следственными органами как участник неких криминальных схем. «Штабисты» устроили масштабную кадровую «перетряску» в региональных отделениях «Правого дела» и, как утверждают ветераны «ПД», отметились беззастенчивым разворовыванием партийной кассы.

Съезд «ПД» должен был принять федеральный избирательный список партии для участия в парламентских выборах. Прохоров объявил о внесении в этот список руководителя екатеринбургского фонда «Город без наркотиков» Евгения Ройзмана. По словам Андрея Богданова, одного из самых активных внутрипартийных оппонентов Прохорова, Ройзман «вызвал аллергию у большинства региональных делега-

---

тов» как «человек из абсолютно криминальной среды», стиль которого — «стиль беспредельщика, а не политика». Прохоров же «решил пренебречь мнением большинства и начал выдвигать ультиматумы по поводу Ройзмана». Это пренебрежение дошло до того, что «Прохоров отказался прийти на первый день съезда», а его охрана хотела «запереть в прохоровском кабинете главу исполкома Андрея Дунаева, чтобы не допустить избрания мандатной комиссии».

Вместо обсуждения избирательного списка съезд «ПД» взял да и проголосовал за снятие Прохорова с поста партийного председателя. За несколько минут олигарх лишился своего лидерского статуса, был обижен, унижен и опозорен. Прохоров назвал это событие «рейдерским захватом партии» и попытался организовать собственный съезд, но у него ничего не вышло: небольшая группа сторонников, пошедшая за ним, ни количественно, ни качественно до съезда не дотягивала. Поняв, что жутко обмишурился, Прохоров не стал называть своё мероприятие «съездом», ограничившись пафосным, но бесполезным наименованием «высокое собрание».

Упивавшийся своей значительностью и исключительностью, Прохоров получил звонкую оплеуху от «соратников», выставивших его перед потенциальными избирателями пижоном, недотёпой и шутом. Реакция миллиардера на собственное фиаско была постыдно истеричной. Он обвинил бывших однопартийцев в намерении похитить деньги, которые были внесены им в партийную кассу. Кроме того, Прохоров напустился с критикой на заместителя главы кремлёвской администрации Владислава Суркова, назвав его «кукловодом», который будто бы и организовал его политический провал. Олигарх стал требовать встреч с В. Путиным и Д. Медведевым, чтобы «разоблачить» всех интриганов, чинящих ему «козни». В Кремле на эту истерику ответили спокойно, но твёрдо: «Прохоров перепутал съезд с корпоративом, на котором выступают оплаченные артистки». Никаких встреч с севшим в мелкую лужу толстосумом ни один из дуумвиров проводить не собирался. Его даже не удостоили ответом.

Прохоров заявил о намерении создать новую партию, но вскоре сменил тон и заговорил о своих «развеянных иллюзиях», о том, что участие в политической жизни, как оказалось, — дело не такое уж простое, каким ему казалось раньше.

Политическая карьера куршавельского плейбоя лопнула, не успев начаться. В народном сознании Прохоров останется позёром, неудачником, лузером. Позор миллиардера разделили некоторые представители арт-тусовки, привлечённые

манящим блеском его миллиардов. Алла Пугачёва, Леонид Ярмольник, Андрей Макаревич, выстроившиеся в предвкушении золотых струй, вот-вот прольющихся на них, никак не ожидали, что их благодетеля вышвырнут с политической сцены как нашкодившего подростка. «Вот новый поворот, что он нам несёт?» — пел когда-то Макаревич. Новый поворот стал «поворотом от ворот» и ничего хорошего олигарху и его клеветам не принёс.

На съезде «Правого дела», с которого прогнали Прохорова, лидером партии был избран А. Дунаев, возглавлявший исполком «ПД». Сразу после избрания Дунаев, бывший офицер ФСБ, обозначил свою лояльность к действующей российской власти. Его политическая лексика выглядит более мягкой, нежели у либеральных фундаменталистов предыдущей политической генерации. В предвыборном списке, сформированном на съезде «ПД», не нашлось мест для многих «рыцарей» праволиберального движения, примкнувших к нему ещё во времена лидерства Гайдара и Чубайса. Похоже, что «Правое дело» начинает дрейф в сторону от радикального догматизма. Неслучайно после съезда большая группа бывших членов Союза правых сил во главе с Леонидом Гозманом вышла из партии, на что Дунаев и Богданов отреагировали с видимым облегчением.

О каком «Рубиконе» мечтают либеральные догматики?

Группировка Гозмана осталась на позициях либерального фундаментализма, а её актив провёл встречу с Чубайсом, обсудив шансы на реанимацию Союза правых сил. И Чубайс, и Гозман идейными и ментальными нитями связаны с руководителями ИНСОРа Юргенсом и Гонтмахером, служащими рупором радикального либерализма, открыто и беззастенчиво порвавшего с идеями демократии. Из уст инсоровцев не раз и не два звучали заявления о том, что «главной помехой модернизации является российский народ», будто бы погрязший в «архаичности и совковости». Высказывались они и о том, что президент Медведев должен немедленно «уволить премьера Путина», что надо «уничтожить» КПРФ и ЛДПР, что нужно побыстрее «отозвать» российское признание Абхазии и Южной Осетии и подружиться с «демократической» Грузией. В случае невыполнения всех этих рекомендаций, по обещанию Юргенса и Гонтмахера, России грозит «тунисский синдром».

В июле 2011 года Юргенс и Гонтмахер опубликовали послание президенту Медведеву, в котором противопоставили

его премьеру Путину, изображённому ими олицетворением «стабилизации и застоя», в то время как Медведев предстал у них символом «модернизации и прогресса». Руководители ИНСОРа уточнили, что под прогрессом ими понимается «децентрализация государства и кардинальная либерализация законодательства». По их убеждению, Медведев должен, «не дожидаясь неких решающих разговоров внутри тандема», выдвинуть свою кандидатуру на следующий президентский срок: «Нам, как гражданам России, безразлично, кто будет следующим президентом страны. Мы требуем не просто ответа на опостылевший всем вопрос, причём не в декабре, а уже в ближайшее время. Мы настаиваем, чтобы именно Дмитрий Медведев взял на себя политическую ответственность за судьбу страны в качестве президента в 2012—2018 годах. ...Дмитрию Медведеву надо решиться и перейти Рубикон, обратившись напрямую к обществу».

Стремясь сподвигнуть Медведева на немедленный «переход Рубикона», Юргенс и Гонтмахер посулили ему «поддержку неравнодушных людей, которых у нас, как показывают опросы, не менее 15—20% взрослого населения». Но попытка взять власть, а тем более удержать её, опираясь на 15—20% населения, означает не что иное, как попытку установить всё ту же пиночетовскую «диктатуру меньшинства».

Ответ действующего президента стал для либеральных догматиков жутким разочарованием. Он прозвучал 24 сентября 2011 года, когда на предвыборном съезде партии «Единая Россия» Дмитрий Медведев на президентские выборы 2012 года предложил выдвинуть кандидатуру Владимира Путина. Надежды радикальных либералов на то, что Медведев «запретит» Путину баллотироваться в президенты, оказались тщетными. Либеральный фундаментализм в России получил ещё один болезненный удар. Пока не последний...

ГЛОБАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ВОПРОСА

История по-своему разрешила «крестьянский» (он же и «дворянский») вопрос, как он стоял, каким представлялся лучшим нравственным умом России в середине XIX века.

Точно так же первостепенно стоит сейчас и «русский вопрос» в его широком, не только национальном, но именно государственном, политическом и общенародном значении: опять «россиянское» подавляющее большинство, «быдло» для правящих, всячески попрано, лишено какой-либо исторической перспективы и будто бы утратило право голоса в решении своей собственной судьбы, будто бы даже само отказалось от этого права — как толстовские крестьяне 1856 года: «Вы наши отцы, нам хорошо»... В смысле, нам хорошо в крепостнической неволе — в ответ на сословно эгоистические попытки молодого Толстого освободить их «сверху», пока они не начали самоосвобождаться «снизу»...

«Крестьянский вопрос», кстати, уже и тогда был по-своему «русским»: крепостными были большинство русских, тогда как в стране правила немецкая, считай, династия с полунемецкой бюрократией и офранцузивша-

РУССКИЙ ВОПРОС

яся (порою до потери родного языка) дворянская верхушка. «Сделайте меня немцем, государь!..» — эти слова генерала Ермолова в ответ на царское «какую хотели бы награду?» стали классическим примером властного засилья нерусских в Российской империи. Ничуть не лучше положение и сейчас, власть «семибанкищины» (выдавившей парочку внутренних конкурентов за рубеж, а одного даже на мягкие нары) никто не отменял, она стала лишь более опытной, прикровенной.

Русский вопрос опять о Правде, а в социально-нравственном понятии — о справедливости. Вопрос этот нынешняя так называемая «элита» не хочет, да и по нехватке интеллекта и полному отсутствию какого-либо нравственного чувства не может разрешить. Созданная преступным сговором бюрократии, олигархата и уголовщины («кому на Руси жить хорошо»), паразитическая Антисистема в нынешней Эрэфии неостановимо пожирает государство, народ и самое себя, извращая всё должное в жизни до полной, отрицающей всё и вся противоположности, сделав всеобщую деградацию единственным вектором «движения в никуда». А фактическая потеря суверенитета, категорически обусловленная активами нашей «элиты» на сумму в полтриллиона долларов в западных банках (в чужом кармане, то есть), превращает всем известных «агентов влияния» Запада в РФ и всех «вкладчиков» в чужую экономику, включая Минфин, в агентов прямого действия. Для верности сошлюсь на Збигнева Бжезинского, недавно назвавшего российскому интервьюеру эту цифру и с усмешкой добавившего: «Вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша?..»

А ведь рано или поздно, но придётся разобраться.

Возвращаясь к современному «русскому вопросу», необходимо признать, что первой по своей значимости стратегической задачей его является государственное воссоединение самого большого в мире разъединённого народа — русского.

Преступный во всех отношениях Беловежский сговор трёх вырожденцев — Ельцина, Кравчука и Шушкевича, встреченный сорокаминутной овацией американского сената, должен быть исторически преодолен любыми способами, иначе все наши надежды на приемлемое будущее, по геополитическим раскладам тех же Бжезинского, Киссинджера и других инсайдеров адской политической кухни, попросту будут сведены к нулю. Ибо дом, разделившийся в себе самом, — не устоит...

Более чем понятен и социальный аспект этого вопроса. К убийственной для бывшей великой страны экономической статистике добавляется такая же социальная, с чудовищным

неравенством: по подсчётам независимых экспертов, 500 паразитарных семейств-кланов имеют такой же годовой доход, как и остальные 140 с лишним миллионов незадачливых россиян (журнал «Финансы», 2011, №5), а реальный децильный коэффициент (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных в стране) зашкаливает за 30 (раз), — когда «порог народного бунта», по европейским понятиям, составляет 8—10 раз... В недрах этого правящего клана по нестеснительным указкам Запада («Вашингтонский консенсус» и масса других, чаще тайных, «соглашений») и вырабатываются ныне важнейшие, зачастую прямо диверсионные для нашей жизни, антинародные решения, а пресловутый «тандем» с так называемым правительством и обеими палатами-говорильнями являются лишь рьяными исполнителями, не имеющими никаких реальных, самостоятельных властных полномочий. Иначе в два последних тяжёлых кризисных года число миллиардеров втрое не увеличилось бы, а Москва не стала бы их главным притоном...

И в довершение ко всему вот уже третий десяток лет, как намеренно запущена в стране «индустрия Ада», нравственного всеразложения и деградации, неприкрытого крушения всех устоев общества, насильственного его раскультирования, по сути, поощряемого сбродной российской «элитой», поскольку цель её — любыми средствами сломить сопротивление народа их алчной власти, опустить всех до себя, сбить все вешки-критерии истины, добра и красоты... Волей-неволей в русских патриотических СМИ эта тема стала постоянной, более чем злободневной, можно сказать — кровоточащей, потому что разруха в душах и головах народа несравненно опасней, губительней, чем любая другая разруха...

Как видите, тяжесть нынешнего «русского вопроса» (политическую постановку которого эта псевдоэлита и рабски ей прислуживающая либеральная люмпен-интеллигенция ни в коем случае не хотят допустить, применяя жёсткие репрессии по «русской» 282-й и другим статьям УК) — тяжесть эта будет куда весомее и трагичнее «крестьянского вопроса» того времени, когда и речи не могло идти ни о распаде России и самого народа, ни о демографическом «русском кресте», не говоря уж о страшном нравственном обрушении верхов общества, да и низов тоже, о тягостном «пораженческом комплексе» в войне, названной «холодной», а по сути — Третьей мировой, перманентной, где главным стало отнюдь не атомное, а информационное оружие.

«Деньги не имеют идеологии...» Запущен был этот посыл в общественное сознание во времена «катастрофки» теми же

подручными у олигархата политологами, какие до сих пор долдонят: «Холодная война окончена!..»

Но она не может быть окончена, пока существует Запад в его многовековой и, в особенности современной, парадигме агрессивности. Чтобы избежать подозрений в предвзятости, приведу слова весьма известного английского историка и геополитика А.Д. Тойнби: «Задайте любому народу вопрос, что собой представляет Запад по отношению ко всем народам, и все ответят одинаково: Запад — архиагрессор. И каждый народ найдёт тому множество подтверждений, и в первую очередь Россия». Что мы и видим в течение всего лишь какого-то десятка лет на примере Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии...

Деньги же ещё в античности перестали быть просто обменными знаками и обрели самодостаточное значение, сконцентрировав в себе все мыслимые позывы человеческой корысти и лжи, эгоизма, властолюбия, паразитизма с гедонизмом и прочего, не к ночи помянутого. Пушкинский «Скупой рыцарь» — тому яркое художественное свидетельство и олицетворение. Их мощь стремительно возрастала, скоро превратившись в самодовлеющую идею, а через неё и в идеологию — самую мощную и постоянно действующую в человеческом мире, породившую и порождающую ныне и присно бесчисленные, в том числе и мировые, войны и бедствия. Чего было больше в крестовых походах: идей Христа или идеологии элементарного грабежа, насилия, убийства? Тогда зачем была разгромлена и разграблена христианская Византия — в фактическом военном союзе с сарацинами-магометанами, в их единой цели? Не приходится доказывать, что походы эти, сказочно обогатившие их ордена тамплиеров, иоанитов, тевтонов и прочих псов-рыцарей, по идее своей были вполне сатанинскими, однозначно полярными учению Христа, христианству как таковому. А вспомнить хотя бы торговлю индугенциями, нравы Ватиканского двора вообще...

Идеология денег более чем наглядно для нас победила и другую могущественную идеологию, а именно социализма-коммунизма в СССР, то есть в исторической России (как она сложилась к середине XX века) и в бывших соцстранах. И сейчас, когда большая часть денег перешла в виртуальную сферу обращения, в пустую, ничем не обеспеченную бумажную долларовую «зелень» (которой напечатано в 20 с лишним раз больше, чем стоимость всех товаров в мире!), идеология эта обрела уже «чистую», можно сказать — аксиологическую форму «идеи денег» как тотального, глобального эквивалента всех, какие ни есть, ценностей в мире. И только

высочайшие порывы человеческого вероисповедного, патриотического духа могут иногда одолеть грубо материалистическую идеологию денег и всяческой корысти, например, в виде фашистского Lebensraum (жизненного пространства), как наша беспрецедентная в мировой истории Победа 1945 года.

Эта несправедливая идеология противостояла, препятствовала должному решению «крестьянского вопроса», она же намертво блокирует решение и нынешнего «русского вопроса», который неразрывно связан с подобными «вопросами» и такими же насущными интересами всех других национальностей России.

Анатолий САМАРИН

КТО МЕШАЕТ ВОЗВРАЩЕНИЮ РУССКИХ В РОССИЮ

Буквально во всех статьях, затрагивающих тему наших соотечественников за рубежом, речь заходит о принципиальном пренебрежении со стороны бюрократической машины к их интересам, даже к интересам самой России, которая, как говорил некогда В. Путин нашим землякам в ближнем Зарубежье, нуждается в их возвращении домой.

Находясь, например, с визитом в Казахстане, он выступил перед представителями русских общин с призывом к соотечественникам вернуться домой — в Россию, где они, по его словам, нужны. Чуть позднее, будучи президентом, Путин прямо указал на опасное «обезлюживание» обширных пространств на Востоке нашей страны, где якобы открывается широкое поле деятельности для возможных репатриантов. А еще позже он открыто критиковал нынешний закон о гражданстве, как чрезмерно усложняющий процесс возвращения репатриантов. (Однако реально дорогу для переселения в Сибирь и на Дальний Восток открыли китайцам, для того чтобы эти регионы заговорили скорее на языке великих соседей, чем на русском).

Наши земляки и соплеменники стали гражданами стран ближнего Зарубежья автоматически в силу распада СССР и факта своего постоянного местожительства в национальных республиках Советского Союза. Не они покинули страну, а она оставила их. Являясь россиянами по своим корням, они испытывают законное желание вернуться на свою историческую родину (хотя материально и практически это трудная для них задача). Это их стремление подкрепляется тем несомненным обстоятельством, что положение русскоязычного населения в государствах Среднеазиатского региона вопреки всем официальным декларациям на сей счет продолжает ухудшаться (в том числе из-за безразличия властей РФ). И чем дальше, тем больше.

Наша диаспора чрезвычайно болезненно воспринимает ограничительные положения закона (от 2002 г.) о гражданстве, находя в них отречение российского государства от своих исторических обязательств. Граждане вместе с их потомками, направленные некогда этим государством для освоения пустынных земель на Востоке, беззастенчиво сбрасываются со счетов. Они чувствуют себя ныне как выброшенный на чужую землю и забытый там десант, который безответственное командование в лице правительства РФ отказывается признать своим. Несомненно, еще острее диаспора будет реагировать на новейшую правоприменительную практику, когда даже упрощенный порядок вступления в гражданство растягивается на много лет. Когда, даже вернувшись на Родину, они не могут получить гражданства в отличие от инокультурных мигрантов, к которым власть явно относится лучше.

Не афишируемый миграционный принцип очевиден: «Пусть приезжают все, но только не русские». Мы знаем из зарубежных первоисточников, что именно Запад обязал россиянку лжеэлиту не допускать ни под каким видом воссоединения русских. И «элита» предателей пошла с ним на эту сделку.

Конечно, люди все равно станут стремиться на родину, будет на то воля правящих «элит» или нет. **Но и забыть тех, кто препятствовал этнополитическому воссоединению, репатрианты также не смогут, что может существенно отразиться на политическом будущем страны.**

«Отслеживает» процесс репатриации не только эта, оказавшаяся не по своей воле в изгнании часть нашего народа, но и общественное мнение в самой России. Оно определенно на стороне тех, кто в самые трудные времена не отправляется к еще более дальним берегам, а ищет дорогу пусть к разорен-

---

ному, но родному дому. По делам видно намерение репатриантов участвовать в его восстановлении. В этом — вся суть существующего противоречия между ними и определенными властными группировками в РФ.

Между расточением полученного исторического наследства, которое преобладает в нашем отечестве, и необходимым созиданием пролегал дистанция огромного размера. Так же, как очевидна огромная разница между модой в кругах российской элиты на обустройство за рубежом и приобретение второго, западного гражданства и стремлением упомянутых соотечественников вернуться на собственную родину. Поскольку избираются противоположные жизненные маршруты, не отсюда ли истоки наблюдаемой начальственной глухоты к репатриантам. Русская диаспора составляет важную часть нашего наследия, мощный демографический и трудовой ресурс, и отношение к ней как к излишнему бремени есть проявление крайней близорукости, если не прямой русофобии. Ведь в это же самое время нашу страну захлестывают потоки инокультурных и иноязычных переселенцев. Только в Москве численность одних кавказских диаспор выросла до трети населения столицы, если не более.

На этом фоне репатриация соотечественников вырастает сегодня в одну из приоритетных общегосударственных задач, справиться с которой под силу лишь особому и достаточно мощному министерству, как, например, поставлено это дело в Израиле. Но дело, конечно, не только в наличии структуры. Бесплодность ранее существовавшего российского миграционного ведомства стала притчей во языцех. Необходима политическая воля к реконструкции страны, к собиранию ее сил — тогда и структурные вопросы решатся естественным образом.

Препятствия на пути домой, которые возникают у миллионов репатриантов, выходят за всякие разумные границы. И думается, что у этих коллизий, как и у «частных фактов», есть конкретные авторы. У каждого преступного препятствия есть имя, отчество и фамилия.

Хотелось бы знать, когда вопросы этнополитического воссоединения разделенного пока народа приобретут надлежащий государственный статус? Существующее законодательство пока что стыдливо замалчивает наличие самой проблемы воссоединения. Отсутствие прозрачной процедуры рассмотрения заявлений с четко фиксированными сроками фактически отдаст решение проблем гражданства на откуп бюрократии с ее традиционной неповоротливостью и тотальным мздоимством. Одного этого достаточно, чтобы загубить

на корню любое дело. Кто несет ответственность за отсутствие эффективной процедуры исполнения закона? И как исправить существующее положение?

Наконец, несмотря на острую и обоснованную критику ныне действующего Закона о гражданстве — как со стороны русской диаспоры, так и экспертного сообщества — ничего не делается для его усовершенствования, для устранения постыдных ограничений для соотечественников, желающих вернуться на родину. **Расчленение национального тела русского народа намеренно усугубляется законодательно, создаются дополнительные препятствия для естественного восстановления его единства.** Кто лоббировал эти подлые ограничения и в чьих интересах это делалось? Ясно, что наличие подобного ограничительного закона для желающих вернуться на родину соотечественников не защищает, а подрывает демографические ресурсы, трудовой и интеллектуальный потенциал России. И это было очевидно изначально еще на стадии его разработки.

Любой британец, проживающий на территории бывших колоний Англии, может вернуться на свою историческую родину без проблем даже спустя полвека после распада империи. А у нас возведен железный занавес для соотечественников уже через десять лет после разделения страны. **В то время как коррупция открыла широкую дорогу для массового проникновения любых чужеземцев, для возвращения русских возводятся жесточайшие преграды.** Кто поддерживает подобное противоестественное положение вещей? Не те ли, кто заинтересован в ослаблении и обвале страны?

Поставленные выше вопросы затрагивают жизненные интересы наших соотечественников из ближнего Зарубежья и требуют безусловного прояснения. Первостепенной задачей ответственной политической власти в РФ является **воссоздание национального единства искусственно расчлененного русского народа.** За двадцать лет постсоветское руководство России ничего не сделало всерьез для решения этого важнейшего вопроса, если не считать изобилия пустопорожних слов и малоэффективных программ, которые служат в основном финансовым интересам бюрократии.

Только хроническим «элитным» предательством национально-государственных интересов страны, подготовкой ее расчленения, о котором сегодня внаглую запел хор наиболее отмороженных негодяев из околотовластных кругов, — только этой изменой со стороны компрадорской буржуазии и ее «политического крыла» можно объяснить отношение к русским соотечественникам как к самым нежелательным элементам.

И это происходит при одновременном массовом завозе в страну инокультурных мигрантов, не имеющих никакой связи с Россией. Такую политику, которая неизбежно приведет к острым этническим конфликтам, можно рассматривать только как сознательный подрыв общественной и государственной безопасности. На волне этих острых конфликтов будет удобно произвести новый раздел и оккупацию страны. Поскольку решающее влияние на социальную и экономическую политику РФ оказывают фактические распорядители реформ: Международный валютный фонд и Всемирный банк, то и препятствия на пути русских в Россию организуются также в первую очередь ими, а российские политики и законодатели лишь оформляют их директивы. Последнее никак не снимает с подписантов всяческих соглашений с МВФ, разоряющих народную жизнь и государство, ответственности за русскую трагедию.

Сергей СЕРГЕЕВ

ЧЕГО ХОТЯТ РУССКИЕ?

После событий на Манежной площади русский вопрос стал едва ли не самой обсуждаемой темой в России. Кажется, о нём возопили все камни и заговорили все валаамовы ослицы. В чём же его суть?

Если говорить предельно кратко: в том, что русские не чувствуют себя хозяевами в своей собственной стране. Парадоксальное самоощущение для народа, составляющего 80 процентов населения государства, создавшего великую государственность и культуру России. Народа, без которого само её существование немислимо. Но надо признать — это самоощущение имеет под собой самые серьёзные основания.

РФ действительно — и де-факто, и де-юре — не государство русского народа, а государство химерического российского «многонационального народа». Но равноправны ли между собой «нации» этого «народа»? Все большие этносы России, обладая частью её суверенитета, имеют к тому же свои национальные республики, по сути, свои отдельные национальные государства. Все, кроме русских.

Может, русские интересы негласно представляет Федеральный центр? Но ежедневная практика последнего говорит об обратном.

Может, это по многочисленным, горячим просьбам «русских трудящихся» власть так распределяет налоги и дотации, чтобы на Кавказ шло средств чуть ли не в десять раз больше, чем в Центральную Россию?

Может, это русские инициируют нашествие азиатских мигрантов в свои города и сёла, отчётливо напоминающее «замещение населения»? Сами русские, наверное, будучи природными мазохистами, сладострастно умоляют, чтобы им перекрывали все формы общественной самоорганизации: от сознательно не допускаемой на политическую арену русской националистической партии (в облике «Родины» или «Великой России») и недавно запрещённых Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) и Русского общенационального союза (РОНС) до культурных центров и коллективных спортивных пробежек? Опросы общественного мнения и вспышки народного недовольства — то там, то здесь — фиксируют совсем другие настроения.

Большинство русских были всегда «государевыми людьми» — военными, инженерами, рабочими, учителями, врачами... Все эти сферы государственной жизни сегодня финансируются по остаточному принципу, что обрекает тех, кто остался там честно трудиться, на участь людей второго сорта. «Идите в бизнес, обогащайтесь!» — взывают пиарщики виртуальной модернизации. Но русского предпринимателя ждут в мире «свободного рынка» в основном шипы, а не розы, беспредельная коррупция чиновников и жёсткая конкуренция со стороны иноэтничных кланов.

Наконец, даже на уровне самых элементарных условий бытия русский человек оказывается без защиты. На собственной земле его здоровье и сама жизнь подвергаются опасности со стороны преступников, якобы «не имеющих национальности», которых покрывают их диаспоры и продажные «правоохранители».

Русские всё более и более обострённо чувствуют, что их права и интересы никто «наверху» не представляет, между тем как почти у всех «братских народов» есть свои лобби и на местах, и в центре.

И разве так странно, что нынешняя Россия не воспринимается изрядным числом русских как своя страна? Разве так странно, что две трети призывников, по данным недавнего социологического опроса, ответили, что в случае войны не будут воевать с оружием в руках за эту страну? Разве так

странно, что многие энергичные и талантливые русские люди всё чаще задумываются об эмиграции, а иные уже и покинули родину-мачеху? Ведь Родина — это не только объект иррациональной любви, символизируемый берёзками, это место, где человек реализует дары, данные ему природой, место, где его уважают.

Кто создал столь невыносимое положение для стержневого народа России?

Ответ очевиден — антинациональная «элита» РФ, в рядах которой даже русские «по крови» перестают быть русскими по духу. Ибо она образует своеобразный квазиэтнос, формула идентичности коего: баблцентризм и презрение к «русскому быдлу». Бессмысленно ждать от неё патриотического энтузиазма или нравственного возрождения, она понимает только язык денег и силы. И то и другое имеется у хорошо сплочённых кланов, представляющих некоторые национальные республики РФ, поэтому их пожелания слышат, на их требования реагируют. Русские же — атомизированные, разобщённые — для «элиты» удобная рабочая лошадка, на которую можно взвалить всё, что угодно, и она безропотно будет таскать эту поклажу «до самых до смерти», не прося ничего взамен: «Ну, тащися, сивка!» Характерно, что высшие представители российской власти — и светской, и духовной — не в силах выдать из себя даже само слово «русские», предпочитая рассуждать о «россиянах» или «коренном населении».

Это слово практически табуировано в официальном дискурсе (равно как и в либеральном), на него с подозрением косятся правоохранительные органы, недавно признавшие «провокационным» лозунг «Русские, вперёд!». Лозунг «Я — русский!», также подвергавшийся экспертизе на предмет «экстремизма», пока оставили в покое. Властвующие лингвистические идеалисты, вероятно, думают, что с исчезновением слова исчезнет и обозначаемое им явление. Придворные «говорящие головы» с энтузиазмом подпевают им с телеэкранов: русских-де как особого народа, в общем-то, и нет..

Но русские есть! И иногда они напоминают о своём существовании так, что не заметить их невозможно, особенно если это молодые русские.

Поэтому такая паника охватила верхи после Манежки: оказывается, русские не просто есть, они ещё могут демонстрировать силу (что «сивкам» полагается исключительно на «государевой службе») и даже защищать свои неотъемлемые гражданские права! А что если они заявят и права политические? А что если они потребуют «вернуть эту землю себе»?

Что если они захотят стать хозяевами в собственном доме? Что если они споют многомиллионным хором: «Дальше действовать будем МЫ!»

И эта паника вполне оправданна. Русские начинают понимать, что «спасение утопающих — дело рук самих утопающих», что социально-политическая система РФ не способна к эволюции, по крайней мере без общественного воздействия. Говоря бессмертным афоризмом Ларошфуко постсоветской России Виктора Черномырдина: «Люди устали ждать, потому что ждать больше нечего».

Большинство русских людей прекрасно понимают суть русского вопроса и путь к его решению: отстаивание своих интересов через формирование структур русского гражданского общества. Задача интеллектуалов — рационализировать их чаяния в виде ясной и чёткой идеологии.

И вот здесь-то возникает серьёзная проблема. Язык, на котором говорят многие наши идеологи-патриоты, абсолютно не соответствует «задачам момента». Они всё ещё пережёвывают старую жвачку «русской идеи» XIX — начала XX века. В результате вместо предметного разговора мы слышим от них набор не имеющих никакого отношения к «быстротекущей жизни» мифов. Они хорошо известны.

1. Русские — не конкретный этнос, а таинственный сверхнарод, не имеющий этнического содержания. Русский — прилагательное, а не существительное.

2. Русским не нужны материальные блага и гражданские права, они должны думать только о высокой духовности и о том, как выполнить свою вселенскую миссию — спасение человечества.

3. Русские — не хозяева России, а «раствор», скрепляющий её единство; не цель в себе, а средство для исполнения великих предназначений начальства.

4. Что бы ни случилось, русские должны терпеть и молча глотать любые оскорбления от начальства и инородцев — иначе всё рухнет.

5. Без строгого начальства с дубинкой русские ни на что хорошее не способны.

Но для нас сейчас важно понять другое.

1. Современные русские (в особенности молодёжь) нисколько не напоминают ту угнетающе-депрессивную карикатуру, которую на них нарисовали тайновидцы «русского духа».

2. В нынешних условиях пропаганда этих замшелых и залежалых мифов крайне вредна, ибо они проповедуют пассивность, покорность, слабость — всё то, что на современном сленге выразительно величается «терпильством». Если

уж договаривать до конца, эти мифы сегодня — орудие анти-русского колониализма, средство для затуманивания русских мозгов и отвлечения их от насущных проблем.

3. Единственный возможный позитив от этих мифов — терапевтический, утешительный эффект в том случае, если русские так и не смогут изменить свою судьбу и останутся доживать свой век (в этом случае их скорое вымирание, которое и так идёт полным ходом, неизбежно) в роли бесправных «сивок».

Розанов с замечательной меткостью называл подобную рефлексию «философией выпоротого человека». Но никто пока не доказал нам со «стеклянной ясностью», что игра не стоит свеч...

Ничто не помешает русским выработать новую идентичность, соответствующую их жизненным интересам. Смена идентичности — не новость для истории. Разве не обрели французы в 1789 году идентичность, весьма отличную от прежней?

Нужна «русская идея»? Пожалуйста: борьба русских за свои права и обретение этих прав. Такую формулировку предложил политолог Павел Святенков. Или: наибольшее количество благ — материальных и духовных — для наибольшего количества русских.

Простому русскому человеку такие «русские идеи» гораздо ближе, чем всякого рода мессианские грёзы о спасении человечества, «пятой империи» и прочие продукты интеллигентского «сна разума».

В борьбе за вполне осязаемые цели — права и интересы — и выработается новая русская идентичность, главными ценностями которой будут самоуважение, чувство собственного достоинства.

Эти ценности не признавались российской властью веками, но русские никогда не забывали о них. Как только власть признает их основополагающими, так сразу и решится русский вопрос.

Источник: «Столетие»

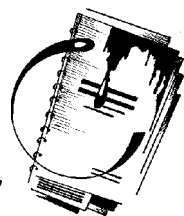
О ВОЙНЕ В ЛИВИИ ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

*(ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПО СИРИЙСКОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ)*

Я увидел, что тех событий, о которых все говорили, в действительности не было. Не было революции против Каддафи, произошло другое.

Решение о войне против Ливии было принято 10 лет назад, и это никак не связано с недавними событиями «арабской весны». Сразу после событий 11 сентября, буквально через 4 дня на встрече в Кэмп-Дэвиде, администрация Буша решила подвергнуть атакам одну за другой 7 стран — Афганистан, Ирак, а в самом конце — Иран. Эти подробности в своё время были обнародованы Вильямом Кларком, бывшим командующим НАТО, выступившим против этого плана.

В течение всех последующих лет ливийцы пытались вести переговоры, прийти к соглашению с Вашингтоном, думая избежать войны. Однако с их стороны это было ошибкой, поскольку главное, что хотели США, — утвердиться в Ливии, создать здесь свою военную базу, чтобы развернуться впоследствии во всей Африке. Все усилия Каддафи не дали результата. Вспомните: в 2003 г., сразу после падения Багдада, давление на Ливию было очень сильное. Тогда Каддафи решил сделать стра-

ДОСЬЕ "МГ"

ну более открытой, вступил в переговоры с Вашингтоном, принял их экономические условия, разрядив напряженность в отношениях. Однако США продолжали готовиться к тому, чтобы атаковать одновременно обе страны — Ливию и Сирию. Правда, положение Сирии было иным, она имела международные соглашения, которые позволяли сирийцам себя защитить.

Что же произошло?

Вашингтон обратился к Франции и Великобритании с тем, чтобы эти страны выступили на первый план в военных действиях против Ливии, поскольку оправдать новую войну в глазах американской общественности Обама не мог.

В самой Ливии Каддафи пользовался значительной поддержкой населения. Я встречал многих людей, которые были традиционно в оппозиции к Каддафи, но по соображениям патриотизма присоединились к нему в его борьбе против агрессии НАТО. 1 июля 2011 г. в Триполи состоялась грандиозная демонстрация. В то время как в самом городе проживает 1,5 млн. человек, демонстрация собрала 1,7 млн. человек, то есть люди прибыли отовсюду, чтобы продемонстрировать свою поддержку правительству в борьбе против НАТО.

Далее. Я видел преступления, совершенные теми, кого называли «повстанцами». В действительности это не были повстанцы, это были в основном иностранные бойцы. Ливийцы, вооружившиеся против Каддафи, были крайне малочисленны. Основную массу бойцов составляли наёмники, вооруженные американским и израильским оружием. Кроме того, значительным было присутствие «Аль-Каиды». В Ливии и раньше имелась влиятельная группировка «Аль-Каиды», которая поставляла бойцов в Ирак. Это сторонники крайнего насилия. Когда они атаковали посёлки (вернее, атаковали натовцы, а уже затем входили наёмники «Аль-Каиды»), они находились под воздействием наркотиков и совершали ужасные преступления. Они отрезали головы мужчинам, груди женщинам, причем всё это — публично, чтобы собрать как можно больше свидетелей, чтобы внушить страх. Они заставляли население бежать, расширяя власть сформированного в Бенгази комитета всё дальше. Ливия — страна с небольшим населением, не более 6 млн. человек, из них 2 млн. человек бежали, покинув свои дома.

О работе иностранных журналистов в Ливии я могу сказать одно: **все дружно лгали**. Это были журналисты крупных каналов — Би-би-си, Си-эн-эн, France-24, France-TV («Аль-Джазиры» тогда не было, ее не пустили). Обычно, когда телевизионная группа получает аккредитацию, это всегда двое — жур-

---

налист и оператор, а сюда прибывали по трое, четверо, иногда до семи человек, и было видно, что это не журналисты, появлялись люди с накачанными мышцами, по виду которых можно было понять, что это хорошо тренированные военные, хотя они и имели удостоверения прессы... Я видел, как они фабриковали ложь. В правительстве Ливии шли острые дискуссии по поводу того, что с этими людьми делать. Некоторые, например Ю.Шакир, видный ливийский журналист, говорили, что их надо выслать. Однако Сейф аль-Ислам Каддафи считал, что если всю эту публику выставить за дверь, о происходящем в Ливии вообще перестанут говорить, и при таком молчании всех просто уничтожат...

Я считаю, что это было серьезнейшей ошибкой. Когда мы обсуждали, кто же настоящий, а кто подставной журналист, и я стал искать по Интернету, кто есть кто, то выяснилось, что настоящими журналистами были только выступавшие перед камерами, остальные были военные. И тогда ливийские секретные службы решили перехватывать электронную почту всех журналистов, работающих в главном пресс-центре, при этом они обнаружили немыслимые вещи: даже настоящие журналисты общались с МИ-6, французскими спецслужбами, Моссадом, то есть всё это были агенты. Секретные службы Ливии перехватили потрясающий документ — нечто вроде небольшого учебного пособия, изданного частной военной компанией Aegis (английский аналог американской компании Blackwater). Стало ясно, что все эти «журналисты» представляли собой одну группу и работали вместе. В пособии, в частности, указывалось, что когда американцы начнут атаковать, чтобы разрушить Триполи, то за три часа до этого необходимо будет всех журналистов из ливийской столицы удалить, иначе Каддафи может взять их в заложники. Существовал план эвакуации, в соответствии с которым Aegis имела секретную базу в Триполи и использовала помощь со стороны турецких секретных служб. Всех журналистов предписывалось быстро переместить в порт, оттуда доставить на корабли НАТО, и сделать это ровно за три часа до генерального наступления на Триполи...

France-24, официальный канал французского правительства, подписал договор с комитетом Бенгази об оказании тому помощи в работе с массовыми коммуникациями и обеспечении международных связей мятежников. То есть французские журналисты утверждали, что дают объективную информацию, а на самом деле поддерживали мятеж. Журналистам France-24 было разрешено появляться повсюду, они ездили на машинах в места бомбардировок, посещали различные

части Триполи, и в результате установлено: когда группы этих журналистов появлялись в какой-либо части города, чтобы осмотреть, допустим, то или иное правительственное здание, — через 15 минут после их отъезда это здание подвергалось бомбардировке. То есть эти «журналисты» служили наводчиками.

Был совершенно страшный случай. Все знают, что НАТО использует те же приёмы, что и Израиль — убийство отдельных руководителей, их семей. Если они не могут убить руководителей, они их запугивают, убивая их женщин и детей. У одного из высокопоставленных ливийских военных был семейный праздник, куда было приглашено несколько журналистов. Неизвестно кто именно, но один из них подложил чемодан-GPS в детскую. Когда ночью авиация НАТО бомбила этот дом, бомбы попали точно в детские комнаты. Все дети были убиты.

В одном из маленьких ливийских поселков произошло массовое убийство. Он располагался на холме, и натовцам необходимо было убрать этот поселок, чтобы обеспечить свободный проход для «повстанцев». В итоге разбомбили холм и уничтожили поселок. Власти Ливии заявили, что это военное преступление. Представители НАТО ответили — нет, у них, мол, точная информация, что там прятались военные. Ливийцы обратились ко всем журналистам из пресс-центра с просьбой прибыть на место, чтобы установить истину. Когда они прибыли, то увидели, что это была страшная бойня, везде были разорванные тела. Тогда эти журналисты, оснащённые спутниковыми телефонами, связались со штабом НАТО в Брюсселе, чтобы получить инструкции. И офицеры НАТО диктовали им тексты статей, указывая, что следует писать: дескать, объект был военным, но там случайно находились несколько гражданских лиц, о чём никто не знал и т.п. То есть налицо — кампания по производству лжи.

«Аль-Джазира» соорудила телестудию в Катаре, в которой была создана имитация Зелёной площади и площади Баб эль-Азиза в Триполи. Затем натовцы начали бомбить город. Это был сплошной поток огня, бомбили всё, в течение двух дней земля не переставала дрожать, а «Аль-Джазира» крутила в это время картинки из студии, на которых ликующие «повстанцы» вступают на Зелёную площадь... Затем глава мятежного «переходного совета» заявил, что это была «военная хитрость».

Для ливийских спецслужб справиться со всем этим оказалось не под силу. Они не знали, как реагировать. Это была настолько исключительная ситуация, что никто не мог со-

---

риентироваться. Ограничились высылкой нескольких журналистов... Однажды, например, Каддафи встречался с главами племен в отеле, где помещался пресс-центр. Американцы ведут охоту на Каддафи, чтобы его уничтожить, — а он появляется в пресс-центре, который невозможно бомбить, так как здесь в полном сборе все «журналисты». Никто не знал, как Каддафи вошел в пресс-центр, как он вышел. Решили, что есть потайные ходы, и ночью был обнаружен один из журналистов «Вашингтон пост» в подвальном помещении, где он босой, с ультразвуковым аппаратом в руках пытался найти подземный выход, через который ушел Каддафи. Этого парня выслали...

Все телевизионные каналы стран НАТО тесно сотрудничали между собой, в то время как у Ливии был только свой телеканал, который американцы отключили от спутника, и ливийцы не могли вещать на зарубежье. Всё было утоплено в океане лжи. Европейцы действительно думали, что в Ливии произошла революция, что Каддафи убивал людей и что военная интервенция — это нормально. Они не понимали, что это была колониальная экспедиция, что Запад возвращается к своему колониальному опыту.

И теперь мы видим, что те же методы, та же пропаганда разворачивается на спутниковых каналах против Сирии. Сейчас «Аль-Джазира» устанавливает специальные студии, изображающие площади Аббасидов и Омейядов в Дамаске, то есть они готовятся повторить то, что проделали в Ливии...

В Ливии люди, сотрудничавшие с НАТО, не представляли, чем это обернется. **В итоге было убито более 50 тысяч человек, более 200 тысяч ранено, 2 млн. человек стали беженцами.** Представляете, что будет в Сирии?

Ливийский опыт крайне важен тем, что изначально предусматривалось атаковать Ливию и Сирию одновременно. Не получилось, однако никто в мире не стал защищать Каддафи — все поверили тому, что говорят ведущие телеканалы. В Ливии в разгар нападения на неё остались только послы Венесуэлы, Кубы и Сирии.

Франция и Великобритания ещё в ноябре 2010 г. подписали договор, предусматривающий создание совместного экспедиционного корпуса. К договору есть приложение о совместных военных учениях с указанием всех частей, в них участвующих. Сценарий «учений» таков: британские силы должны осуществить вторжение в Северную Африку для спасения мирного населения, подвергаемого репрессиям со стороны тирана. Документ уточняет, что военные учения состоятся 21 марта 2011 г. Британская армия атаковала Ливию 19

марта. То есть с ноября 2010 г. все точно знали, что предстоит, и шла подготовка к войне.

Однако корни уходят глубже. Эта война, как я уже сказал, планировалась с 2001 г. и планировалась Соединёнными Штатами. Англичане и французы — лишь субподрядчики. То же самое США намеревались проделать и в Сирии, но пока не смогли по двум причинам. Во-первых, нужно было с самого начала сконцентрировать на месте огромную массу оружия. В Ливии сумели овладеть арсеналами с оружием, а в Сирии это не удалось, и натовцам пришлось пересылать оружие через Иорданию, Ливан и Турцию. То есть не было возможности нанести сразу один мощный, решающий удар. Мы видим, что группировки боевиков перемещаются по территории Сирии, атакуют то здесь, то там, но не могут нанести решающий удар.

Во-вторых, Ливия была изолирована, а Сирия ведет широкую политику союзов. Речь идет не только об Иране и России. Мы видим, как в Совете Безопасности ООН сработало вето России и Китая. То есть пока Сирия смогла себя защитить, но всё это очень хрупко. Ведь американцы не остановятся. Ливийцы ошибочно считали, что смогут защитить себя сами, но мир устроен иначе...

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Произведения участников
Первого Международного совещания
молодых писателей в Переделкино

Юрий ХАБИБУЛИН (г. Белгород)

ФУРШЕТ НА ЛЁТНОМ ПОЛЕ

Рассказ

По шербатым бетонным плитам тбилисского аэропорта, взметывая в воздух высохшие желтые листья, гулял холодный ноябрьский ветер.

Вдоль края безлюдного летного поля, к одиноко стоящему с приставленным трапом ЯК-40, брела группа людей. Она растянулась длинной вереницей и состояла, в основном из женщин, детей и стариков, одетых в поношенные куртки и пальто темных цветов. Почти у каждого из взрослых руки были заняты сумками, чемоданами, какими-то узлами.

Впереди, о чем-то разговаривая между собой, быстро шли двое мужчин в синей летной форме. Следом за ними, поспевая, небольшими группками тянулись пассажиры рейса Тбилиси—Минводы.

Было 7 ноября 1993 года. Полдень.

Затянутое серой пеленой сумрачное небо не давало особых надежд на своевременный вылет. Но, если люди не улетят

сегодня, они придут завтра, послезавтра, послепослезавтра. И так до тех пор, пока будет оставаться хоть малейшая возможность убраться из этого страшного бандитского и голодного города. Города, который еще совсем недавно каждый из унылой цепочки эмигрантов считал частью своей Родины — Советского Союза.

Теперь понятие «Родина» резко изменилось. Для сотен тысяч жителей Грузии она неожиданно оказалась очень далеко. Все негрузины вдруг стали изгоями — оккупантами, гостями, нахлебниками, несмотря на то, что десятки лет работали на этой земле, отдавая ей все свои знания и умения.

Позади остались мучительные раздумья: уехать или остаться, может, всё еще образуется?

Что ничего хорошего не образуется и ждать позитивных сдвигов не стоит, после пары лет искусственного суверенитета республики стало видно даже законченным оптимистам. Ночью в городе постоянно гремели выстрелы, слышались взрывы.

Боевики «Народного фронта», с черными банданами на узких лбах, бесцеремонными манерами и наглыми глазами быстро довели до понимания граждан второго сорта, кто в солнечной Грузии истинные хозяева, а кто бесправные и незваные гости.

После девятого апреля 1989 года резко изменилась жизнь и настроения внутри республики. Изо всех щелей полезли с националистическими лозунгами невесть откуда взявшиеся «борцы за свободу» — десятки и сотни мелких политических партий, представляющих интересы отдельных влиятельных людей, семейных кланов и просто бандитских группировок.

После выборов начались разгул бандитизма, голод, гражданская война, разруха.

Побывали в «вождях» народа Звиад Гамсахурдия, Джаба Иоселиани, Тенгиз Китовани.

Страна вошла в пике и летела в пропасть. В 92-м Президентом Грузии стал Шеварднадзе.

Приняли его в стране со слезами радости и с надеждой на лучшую жизнь. Как оказалось, надеялись зря. Накопленные проблемы не решались, становилось всё хуже, всё голоднее, беспросветнее.

Для русских и их детей не осталось никаких перспектив на будущее. Русские школы постепенно закрывались, русский язык изгонялся из обращения, русскоязычные работники увольнялись отовсюду, где только можно было обойтись без них и взять национальные кадры.

Сергей шел на посадку самым последним в процессии. Ручки на выдавших виды старых хозяйственных сумках про-

---

терлись и грозили вот-вот порваться. Огромный узел с детской одеждой и какими-то тряпками первой необходимости, которые на скорую руку напихала жена, все время развязывался. Приходилось идти медленно, часто останавливаться, чтобы поправить узел и поудобнее устроить его на плече.

Сергей сильно отстал, попутчики ушли далеко вперед, и даже их вялых разговоров и покрикиваний на детей не стало слышно. Вереница людей в сопровождении двух летчиков брела по окраине аэродрома, мимо каких-то старых полуразрушенных строений, высоких зарослей кустов, свалок мусора.

Автобусы для авиапассажиров давно уже не ходили. В аэропорту, как и везде в стране, наблюдались дефицит бензина и полный бардак во всех службах. Летное поле практически не охранялось. Редкие группы счастливых, раздобывших билеты на случайные рейсы непонятно каких авиакомпаний, втягивая голову в плечи, добежали до своих самолетов быстро и тихо, как мыши, ежеминутно опасаящиеся нападения кошки.

Грабили всех и везде. Грабили чиновники, милиционеры, военные, бандиты и даже просто оголодавшие граждане. Отбирали последнее, не гнушаясь чемоданом с пожитками, старым пальто или талонами на хлеб. Каждый стремился выжить любыми способами.

Продавали награбленное на многочисленных стихийных рынках. Там никто никого не ловил и не проверял документов на товары. Вооруженные «смотрящие» рынков тоже обчищали продавцов и брали с них долю. Когда деньгами, когда товаром. Кому как хотелось.

Правда, даже в этом угрюмом, опасном и неуправляемом городе не всякий мог перейти последний барьер. Тот самый, который отделяет честного человека от преступника. Но когда дети плачут от голода, а заработать на хлеб честными способами становится невозможно, преграда, удерживающая людей от того, чтобы отнять кусок хлеба для своего ребенка у ребенка соседа, становится все слабее и слабее...

Сергей поставил сумки на землю, сбросил с плеча узел и в очередной раз постарался затянуть покрепче его развязавшиеся концы. Пальцы замерзли и плохо слушались. Сергей завозился и не заметил, как из-за стены полуразвалившегося длинного строения с открытыми настежь обгорелыми рамами вышел человек. Он настороженно посмотрел вслед ушедшим далеко вперед пассажирам, а потом перекрыл дорогу отставшему мужчине.

— Э, закурить нэ найдется?

Вопрос был задан по-русски.

Сергей поднял голову и увидел поджарого крепкого парня, лет тридцати, без верхней одежды, высокого, в военном камуфляже без знаков различия.

В такой униформе ходили многие. Гвардейцы грузинской армии, ополченцы, да и просто уличная шпана.

У личности, неожиданно появившейся на пути Сергея, было узкое небритое лицо с беспокойными глазами, светившимися какой-то мрачной решимостью. Человек в камуфляже пытался выглядеть угрожающе, но это ему не очень удалось. Что-то в его облике не соответствовало взятой роли. Не похож он был на отморозка, которым пытался выглядеть. Оружия в руках парня не было видно, но... это еще ничего не значило.

Сергей боковым зрением заметил шевеление кустов возле стены строения и сделал выводы. Сюрприз был неприятный. Можно было легко догадаться, что вскоре последует. Меняемые грабители, в меру своего интеллекта, обычно, сначала стараются «прощупать» случайную жертву. Иногда можно нарваться на родственника или знакомого какого-нибудь влиятельного человека, с которым лучше не связываться. Этого опасались.

В случае, если жертва беспомощна, некоторым новоиспеченным абрекам требовалось для смелости себя распалить, заставить забыть о жалости, совести, вызвать презрение и ненависть к попавшему в засаду несчастному. Тогда бить его и отбирать убогое имущество легче.

Сергей понял, что сейчас начнется увертюра к банальному грабежу. Прямо на летном поле. Все деньги семьи были спрятаны у жены. В сумках ничего ценного не везли. Разве что зимние детские вещи, которые скоро понадобятся сыну и дочке. Без свитеров, теплых носочков, белья они могут просто замерзнуть по дороге. А путь неблизкий. Самолетом до Минвод, оттуда неизвестно когда удастся сесть на проходящий поезд и затем сутки-двое трястись в общем холодном вагоне до города первого салюта — Белгорода. А от него потом еще добираться пятнадцать километров до маленькой деревушки где-то за Болховцом. В микроскопической хатёнке старая печь, как помнил Сергей, сыпалась и дышала на ладан. Там выживать тоже будет непросто. На дорогу денег наскребли с огромным трудом. Доехать должно было хватить, но вот если придется еще покупать детям теплую одежду...

Нападение произошло в самый последний момент, когда уже ничего не переиграешь. Если семья пропустит этот рейс, за который заплачено последними деньгами, то уехать в Рос-

---

сию не сможет. Квартира в Тбилиси уже продана за копейки, жить негде... Вот попал! Мысли крутились в бешеном темпе. Придется попытаться как-то убедить грабителей, что связываться с ним не стоит. Или драться.

Сидящие в кустах, в засаде, стрелять, скорее всего, не будут. Если нападут, то постараются пырнуть ножом или забить арматурными прутами — самым распространенным сейчас оружием.

Скорее всего притаившиеся бандиты видели летчиков, а у тех вполне могут быть пистолеты, да и какую-никакую, но охрану аэропорта могут вызвать по радио с готового к вылету самолета. Так что стрелять нападающим опасно.

С другой стороны, за что сейчас можно поручиться? Да и сколько человек в кустах, неизвестно.

Сергей неторопливо поднялся, расстегнул куртку и повел плечами, разминаясь. Заметил, что крепкий парень был в кедах. Судя по слегка приплюснутому носу, он, скорее всего, когда-то занимался боксом.

Сергей подумал, что парень не зря начал говорить по-русски. Если жертва простодушно ответит на том же языке, то полувертюры пройдено — чужих грабить легче. Не нужно упрощать бандитам жизнь.

Сергей улыбнулся парню и приветливо ответил:

— Гамарджобат, батона (здравствуйте, уважаемый). Курева нет, извини. Вот, бегу на самолет, а сумки старые, рвутся. Хурджин развязывается.

Небритый, пытаясь нащупать выигрышную линию поведения и обрести внутреннюю уверенность, настороженно спросил:

— Навэрна, в Россию лэтишь, да?

— Да, — легко согласился Сергей, врать не было смысла. Все сейчас уезжали в Россию. Даже грузины.

— А что тэбе здэсь не нравится? — стараясь найти почву для конфликта, продолжил по-русски абрек.

— Работы нет, детям есть нечего.

— Всэ так говорят, когда отвечать за свои дела приходится.

— Какие дела? — искренне изумился Сергей.

— Ты же русский?

— Русский.

— Вот и должэн атвечать за то, что ваш Елцын надэдал.

— За то, что Ельцин сделал Грузию независимой? — Сергей старался говорить спокойно.

Парень в кедах, наоборот, пытался себя распалить, и нёс первое, что приходило на ум:

— Нэт, за то, что русские захватили Грузию и командовали тут.

— Командовали? Воевали вместе. Берлин брали, помнишь? Да и знаешь, дорогой, сколько грузин в России живет?

— Эта всё прэдатели родины. А воевали вместе давно. Тэ-перь Россия абхазов защищает. И осетинов. Очэнь плоха. Ты тоже, навэрна, за абхазов, да?

— Я помню, как Россия когда-то грузин от турок защищала, — Сергей улыбнулся, — тогда в Грузии всего восемьдесят тысяч человек оставалось. Как сейчас абхазов.

— Э, что-то ты многа знаэш. Очэнь умный, да?

Сергей отвечал доброжелательно, и это сбивало попытки, видимо, еще не совсем огрубевшего душой главаря разжечь долгожданный конфликт и отобрать у подвернувшегося лоха ручную кладь.

Сергею подумалось, что этот парень в первый раз вышел на дело и еще не потерял остатков совести. Он старался разозлить себя, преодолеть глубоко засевшее внутри табу на насилие, судороги совести, заставить поверить в то, что пойманый русский — подонок, не достойный жалости. Его можно и нужно ограбить, и это будет справедливо.

Какой-нибудь матёрый бандит давно бы уже нашел предлог придраться, а то и не стал бы искать его вовсе.

Вполне вероятно, что этого небритого парня дома ждут голодные дети, и он не знает, как их накормить. Он пытается перейти воздвигнутый всей прошлой жизнью барьер «не укради», «не убий» и пока не может. Не хватает куража, решимости, криминального опыта. Мешает какой-то подкожный стыд...

Из-за кустов и стены развалин выглянули недовольные лица. Двое. В руках арматурные пруты. Одеты в грязные спортивные костюмы и старые дутые куртки. Обоим лет по семнадцать—двадцать. Еще совсем мальчишки. Устали ждать. Когда же, наконец, старший подаст знак и они нападут на этого, отставшего от своих, неудачника?

Побьют и отберут сумки. А потом продадут шмотки на базаре и принесут в дом деньги со словами: «Вот, я заработал». И никто не спросит: «Как?» Это неважно. Главное, что можно будет поесть. И почувствовать себя кормильцем семьи.

Лишнего времени не было ни у одной из сторон. Напряженность росла, и тишина оглушительно звенела в ушах. Сердца четырех мужчин, внешне пытающихся выглядеть спокойными, неистово стучали и толчками прокачивали кровь в жилах. Мышцы напряглись. Вот-вот банда бросится на русского, даст волю накопившейся ненависти, безудерж-

---

ному желанию наказать хоть кого-то, отыграться за свое бессилие, голод, неудавшуюся жизнь. Надо же найти виноватого! Козла отпущения, который за всё ответит! Здесь и сейчас можно безнаказанно и всласть избить этого, не очень крупного с виду мужика, а потом, может, и прирезать его финкой, отомстить за разруху в стране, голод, за ошибки своих недальновидных правителей.

Парни сжимали арматуру в руках, и в их глазах явственно было видно желание пустить прутья в ход и бить, бить наотмашь по живому человеческому телу, жестоко, изо всех сил, пока жертва не перестанет шевелиться и не замрет в нелепой и безжизненной позе на грязном бетоне.

Но старший почему-то не подавал сигнала к нападению. Может, он знает этого мужчину?

Замешательство команды незадачливых грабителей не могло продолжаться долго, и Сергей решил взять инициативу в свои руки.

— Рагварихарт, генацвале? (как тебя зовут) — обращаюсь к старшему, спросил Сергей.

Небритый помялся.

— Зачем тебе знать?

— Видишь самолет? Там меня ждут. Жена, дети. Я хочу, чтобы ты с ребятами, — Сергей небрежно кивнул в сторону уже не скрывающихся поделщиков, — выпили за то, чтобы мои дети хорошо долетели. За счастливую дорогу. Дома выпить не пришлось, торопились. У меня с собой вино есть. Киндзмараули. Настоящее. Мы ведь с тобой не враги? Верно?

Старший помолчал, отвел глаза в сторону, выдавил:

— Пока нэт.

— Вот видишь, — развил маленькую победу Сергей, — так что и по грузинскому обычаю, и по русскому давай выпьем на дорогу. И еще... — взгляд у Сергея стал твердым и испытующим, — ты же понимаешь, что без меня моя семья не улетит, а если со мной что случится, то пропадет.

Важный сигнал был послан. Небритый через силу кивнул. Такой простой факт не нуждался в комментариях. Да и, судя по всему, старший сам понял, что, во-первых, он еще не готов цинично и жестоко грабить и убивать незнакомых и неповинных ни в чем людей, а во-вторых, встреченный мужчина если что-то и отдаст, то добровольно, не теряя чувства собственного достоинства. И если отдаст, то только то, с чем сможет расстаться без фатального ущерба для своей семьи. Или будет драться насмерть. Иного выхода у него нет.

Старший не хотел драться насмерть. Он не был к этому готов, да и изнутри жгла совесть. Не говоря уже о том, что

соседские мальчишки, Мишико и Рамаз, которые подбили его на эту, кажущуюся вначале такой беспроектной авантюру, могли сильно пострадать.

Жизненный опыт старшего по огоньку, блестящему в глазах русского, по его крепкой спортивной фигуре, по ленивой тигриной грации движений, подсказывал, что с этим человеком нужно быть осторожным.

Сумки с домашними пожитками и тряпками не стоят кровавой драки и чьей-нибудь возможной гибели. Не те ставки. Да и у русского тут рядом семья, дети...

Главвар колебался. Думал. Он покосился в сторону, куда ушли пассажиры. Те уже дошли до самолета и собрались вокруг трапа.

Летчики поднялись по лестнице и скрылись внутри воздушного судна. С минуты на минуту там могут обратить внимание на то, что одного человека не хватает. Жена может поднять шум, сообщить летчикам. А те вызовут охрану или, чего доброго, сами прибегут сюда, разбираться.

А с летчиками ссориться нельзя. Мало того, что они могут быть вооружены, но, кроме того, ранив летчика и сорвав этим рейс, легко можно задеть интересы крупных игроков — хозяев самолетов, авиакомпаний. Им нельзя наносить ущерб. Найдут и отомстят. Неудачно всё складывается! Надо разруливать ситуацию, давать задний ход. И при этом сохранить лицо.

Старший сделал вид, что принимает трудное решение, потер подошвой кеда об асфальт, сплюнул, задумчиво пнул камешек и медленно сказал:

— Харашо! Раз такое дело... Раз ты с семьей... Давай, выпьем. Меня Дато зовут. А их, — старший махнул рукой корешам, — Мишико и Рамаз. — Эй, бичебо, моди ак (идите сюда)!

Мишико и Рамаз, крупные и здоровые ребята, с довольно-таки глупым видом выбрались из засады и подошли к беседующим мужчинам. Они только что собирались грабить русского. Что же случилось?

Дато повернулся к парням и выдал единственно возможное в этой ситуации объяснение:

— Эта знакомый аднаго маего друга. Сичас мы выпьем с ним, потом пуст идет. А то на самолет апаздает.

— Сергей, — представился русский и полез в сумку. Как он кстати захватил с собой большую пластиковую бутылку с вином! И ведь не хотел брать!

Чтобы незадачливым грабителям было не очень обидно от неожиданного финала, Серей решил показать, что в сумках у него нет ничего ценного.

— У меня тут только детские вещи. — Сергей открыл одну сумку, выложил на землю несколько прозрачных целлофановых пакетов с одеждой.

Бутыли с вином не нашел и сложил пакеты обратно. Вино в двухлитровой бутылки и сверток с едой нашлись в другой сумке. Насколько Сергей помнил, в свертке было немного вареной картошки, буханка хлеба, несколько вареных яиц и пирожки с капустой и с яблочным повидлом.

Русский развернул газету и разложил еду. Она сразу же привлекла голодные взгляды парней. Сергею вдруг стало жалко горе-налетчиков. И не только их, но и всех тех несчастных, которых одурачили лживыми лозунгами о свободе, независимости, демократии. Довели народ до нищенского существования, свободы грабить, быть ограбленными и умереть от голода и безысходности, как крысы в бочке.

Сергей достал из сумки несколько больших пластиковых стаканчиков, откупорил бутылку и, присев на корточки, разлил вино. Сделал приглашающий жест замершему в неловкой позе старшему, не знающему, как себя вести в этой ушедшей из-под его контроля ситуации, и сказал:

— Дато, сделай мне уважение, как гостю. Я же здесь гость, не так ли? Уезжающий. Давай выпьем за то, чтобы мои дети хорошо долетели. И закусим немного.

Несколько секунд Дато мялся, для порядка выдерживая паузу, как будто делал большое одолжение русскому, принимая приглашение.

Мишико и Рамаз расслабились, их лица помягчели. Ненависть куда-то исчезла, испарилась. Вернулись полузабытые воспоминания из мирной жизни, когда вот так вот за хорошим столом вместе собирались друзья, родственники, просто случайные знакомые. И когда было совсем неважно, кто они — русские, грузины, азербайджанцы.

Старший взял стаканчик с вином и присел на корточки рядом с русским. К импровизированному столу пристроились и «кунаки». Прутья они отложили.

Дато прочистил горло, поднял стакан и глухо сказал:

— Давай, кацо! За то, чтоб тваи дэти харашо далетели! — потом он провел ладонью по лицу, будто делая над собой усилие, пытаясь стереть выступившую некстати краску. После этого неуверенно протянул стакан и чокнулся с русским.

Четверо мужчин, сидевших на корточках на краю почти пустого огромного поля, вокруг разложенной на земле газетки с едой, беззвучно чокнулись и выпили. Неторопливо, без спешки, закусили.

Со стороны странная пирушка, наверное, напоминала сюжет одной из картин Пиросмани — встретились после

разлуки старые добрые друзья и присели тут же отметить это важное событие без долгих приготовлений и официоза.

Неужели что-то такое, отдаленно похожее, но извращенное временем и обстоятельствами, в этой аналогии было?

Сергей опять наполнил стаканы.

— Теперь за вас, ребята! За ваших детей, родственников, ваших родителей! Дай им Бог здоровья и долгих лет!

За такие пожелания пить полагается всегда. Троица несостоявшихся грабителей протянула стаканы к Сергею. Выпили. Степенно закусили. Выражение глаз абреков постепенно изменилось. Остатки настороженности, недоверия, скрытой агрессии исчезли. Взгляды потеплели. Вино согрело замерзшие тела и души.

Ноги постепенно устали, и парни уселись прямо на холодный бетон. Сергей порылся в сумках и дал каждому по целлофановому пакету с теплыми вещами. Подложить под себя. Дружеский жест оценили. Атмосфера за столом еще более разрядилась. Сотрапезники будто забыли о причине, сведшей их вместе на этом пятачке земли. Завязался разговор о наболевшем.

Налетчики заговорили по-русски.

— Када тока это всё кончится? — посмотрев в серое небо, сказал Мишико. В животе у него сыто бурчалло.

— Ты что имеешь в виду? — на всякий случай решил уточнить Сергей.

— Как что? Вот эта, жрать нэту, работа нэту, дэнег нэту. Жизни вабще нэту!

— Мы с тобой в этом не виноваты, Мишико.

В разговор вступил старший.

— Э-э, кто виноват, все знают! Никто не знает, что надо дэлать!

— Точно, Дато! Мы хоть и маленькие люди, но все это понимаем. — Сергей взглянул на Рамаза и тот кивнул.

— Понимать понимаем, — и тут же, разминая застывшие на холоде пальцы, добавил, — но кушать каждый день хотим.

— Очень трудное время сейчас. Я не знаю, что сказать. У меня нет хороших советов. Наверное, важно только всегда стараться оставаться человеком.

Помолчали.

Сергей в третий раз наполнил стаканы.

— А в России, навэрное, кушать многа есть? — не выдержал Мишико, — ты сейчас приедешь туда и будэшь жить, как человек. Всё будет, да?

— Там всё с нуля начинать придется. Но там моя родина. Мой дом. А дома даже стены помогают.

Простые и ясные истины людям обычно приходят на сытый желудок. И когда они в благодушном настроении.

Разговор в другое время мог продолжаться дольше и быть интересным, но... самолет ждать не будет.

Сергей посмотрел на порозовевшие лица парней, потом на пластиковую бутылку. Вина в ней почти не осталось.

Он встал и поднял руку со стаканом.

— А теперь я хочу сказать последний тост. Важный. Для всех нас.

Парни поднялись, почувствовали, что пришло время заканчивать это приятное времяпрепровождение. Сергей продолжил:

— Давайте выпьем за Родину. У нас, у каждого она есть. И дай Бог, чтобы с ней всегда всё было хорошо! И чтобы мы, как ее дети, всё для этого сделали! Не потеряли бы, не продали, не разрушили.

Дато, Мишико и Рамаз переглянулись.

— Самшобло! (за Родину!) Правильно говоришь!

Выпили.

Появилось ощущение, что они все давно знакомы, просто забыли об этом. Случай свел их вместе, в душе проснулись воспоминания о прошлых праздниках, застольях, дружеских встречах. С тех добрых времен прошло всего несколько лет, а казалось, что прошла целая вечность...

Где-то далеко раздался резкий хлопок. Сергей посмотрел туда, откуда прилетел звук, и увидел бежавших к нему от самолета двух мужчин в синей форме. Выходит, пистолеты у летчиков все-таки были. Сергея, наконец, хватились. А когда заметили его, окруженного тремя неизвестными, сразу догадались, в чем дело.

Возможно, летчики были людьми не робкого десятка, а может быть, они уже вызвали по радиации автоматчиков из аэропорта. В любом случае абрекам пора было исчезать.

Сергей повесил через плечо узел, махнул рукой недавним врагам, подхватил сумки и с облегчением тяжело затрусил навстречу летчикам. Те, поняв, что он свободен, остановились. Обернувшись назад, Сергей увидел, что несостоявшиеся грабители, забрав газету с остатками еды, бежали к шоссе в город. На сегодня охота закончена. Может быть, после неожиданного застолья вместо задуманного грабежа, парни задумаются о том, что они чуть было не совершили. Останутся людьми.

Поравнявшись с летчиками, Сергей с благодарностью пожал им руки:

— Спасибо, мужики, что поддержали!

— Ты, видно, в рубашке родился! Слава Богу, что всё обошлось! Тут каждый день что-нибудь случается. Нельзя отставать от группы!

— Больше не буду!

Те засмеялись.

— А больше и не понадобится!

Сергей был смущен. Чтобы вот так, вдвоем, броситься выручать незнакомого человека, окруженного грабителями, требовалось немалое мужество. И пистолеты не всегда могли помочь...

Родина для Сергея началась с приветливой улыбки пожилого офицера на таможенном контроле в аэропорту Минвод. От каждого встречающего и сотрудника там веяло сопереживанием и радостью за соотечественников, вырвавшихся из душающих объятий чужой теперь страны.

Длинная очередь бывших пассажиров тбилисского рейса выстроилась у терминала, перекрывающего выход в город. Проверка документов. Профессионально цепкий взгляд немолодого пограничника, сверяющего фотографии с их живыми оригиналами.

В этом взгляде было столько теплоты, сочувствия и поддержки, что Сергею захотелось обнять этого совершенно незнакомого ему человека, прижать к груди и рассказать, как родному, обо всех своих жутких мытарствах. О ледяном дыхании смерти в затылок каждый день. О том, как приходилось доставать еду для детей. О проблемах, которые пришлось преодолеть на многотрудном пути домой. Сколько их было... Гражданам России в Грузии запрещали продавать свои квартиры, дома, и для того, чтобы суметь это сделать, нужно было будто бы потерять паспорт и умудриться получить новый. На каждом шагу давать взятки. За то, чтобы отправить домашние вещи контейнером, вместо полагающихся ста рублей в кассу нужно было заплатить семьсот долларов «нужно-му человеку». И так далее, и так далее...

Но Сергей ничего рассказывать не стал.

Он пожал протянутую ему руку и непослушными губами, сдерживая подступившие к глазам слезы, с трудом выговорил:

— Да. Я теперь дома!

Потом был проходящий поезд «Кисловодск—Москва», в котором проводники уступили жене и детям свое двухместное купе. Затем, поздно вечером, попутка от Белгорода до далекой деревеньки, в которой не светилось ни одного окна. В наступившей темноте неожиданно повалил первый снег. Крупные искристые хлопья быстро засыпали дорогу, хаты и

сделали почти неузнаваемой местность. Машина шла медленно, упираясь светом фар в белую, почти непрозрачную стену из плотной круговерти снежинок.

Ориентировались с трудом. Еле узнали свои ворота. Ржавый ключ со скрипом повернулся в замке, и Сергей с семьей, наконец, оказались в пустом, маленьком и холодном, но в своем собственном доме, на своей земле, на которой они больше не были гостями.

Скоро в русской печи весело запылал огонь, стало тепло. На две старые скрипучие кровати собрали покрывала, куртки, занавески, — всё, что могло хоть как-то согреть, и улеглись спать.

Дети долго вертелись, не могли заснуть. Несмотря на усталость, что-то им мешало. Через некоторое время Сергей понял, что именно. Вокруг стояла абсолютная, ватная тишина. Не слышалось стрельбы, взрывов, истерических воплей пьяных «ополченцев», как каждую ночь в Тбилиси. И это было очень непривычно.

Начиналась новая жизнь.

На Родине.

Сергей НЕПША (г. Брянск)

БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ

Рассказ

За делами-заботами батюшка Сергей сразу и не обратил внимания на маленькую светящуюся лампочку в углу приборной панели своих «Жигулей». Красный кружочек указывал, что бензин кончается... Лишь когда двигатель автомобиля беспомощно заглох, священник спохватился... Да поздно было. Машина остановилась на заснеженной дороге.

До ближайшего населенного пункта было километров десять. Примерно столько же было и до ближайшей бензозаправки. Дорога от деревни, где священник отпевал усопшего, давно считалась малоезжей. Раз в два дня здесь проходила машина, развозившая хлеб и другие продукты, или еще кто по какой редкой надобности заворачивал в маленькое селение, где проживали одни старики.

Январский мороз делал свое дело. Машина почти остыла. Застегнув поплотнее куртку и придерживая рясу, батюшка

вышел из автомобиля. Чтобы не растерять тепло, начал притоптывать, сетуя на свою невнимательность, из-за которой теперь приходилось мерзнуть на дороге.

Шепотом помолился, а потом вернулся к мирскому.

— Подожду еще немного, а если никто мимо не проедет, пешком до ближайшего села пойду. Ничего не поделаешь, на все воля Божья, — без настроения произнес сам себе священник.

В этот момент до его слуха слабо донеслись звуки работающего двигателя. Пригляделся. Со стороны города приближался роскошный черный джип.

— Ну, слава Богу, может, человек продаст мне бензина, — обрадовался священнослужитель и, наскоро перекрестившись, вышел на проезжую часть.

Иномарка поравнялась с «Жигулями» и остановилась. Боковое стекло опустилось, из салона показалась лысая голова бывшего вора-рецидивиста, а ныне местного успешного бизнесмена Карасева. Все за глаза называли его просто — Карась. Выплюнув жвачку, он брезгливо произнес:

— Что, крыса церковная, бензин кончился?

Отец Сергей, грустно улыбнувшись, спокойно ответил:

— Да, есть такое дело, овца ты заблудшая...

— А ты прямо здесь отпусти мои грехи, а я тебе за так полный бак налью, — выпалил Карась и злобно засмеялся.

Батюшка тяжело вздохнул:

— Грехи Бог отпускает, а я — молюсь. Ты лучше приходи в церковь на службу, исповедуйся и причастись. А бензин за так мне не надо. А вот продать — пожалуйста.

— Я?! В церковь?! Да ты, поп, с дуба рухнул! Моей ноги там никогда не было и не будет! Не хочешь, как я тебе предлагаю, стой, кукуй тут на морозе. Пусть Бог и заправляет твою машину. Кстати, я через полчаса назад возвращаться буду, так что подумай над моим предложением. Сегодня по этой дороге вряд ли кто проедет... — засмеялся Карась.

Джип тронулся в сторону деревни.

— Ничего не поделаешь... — произнес себе под нос священник и стал готовиться в пеший путь. Пока в машине собирал необходимое, не заметил, как возле «жигуленка» тормознула милицейская «Нива».

Участковый капитан милиции Вася Селедка заглушил двигатель и вышел из машины.

— Батюшка, здравия желаю, что произошло?! — озадаченно обратился страж порядка к служителю культа.

Отец Сергей обрадовался капитану.

— Да так, ничего страшного. Недоглядел, бензин и кончился. Техника пригляда требует, а я... Может, продадите литра три. Мне как раз хватит дотянуть до бензоколонки.

— Никаких продадите! Я сам на дороге, бывало, не раз куковал, поэтому знаю, что это такое. У меня бензина много. Три литра от меня не убудет. Только вот шланг, чтоб бензин качануть, у меня есть, а с тарой — плохо дело...

Батюшка открыл багажник, пошарил там и развел руками.

— И у меня тары, как на грех, нет. Воронка имеется, а вот куда бензин нацедить, не додумался положить.

Участковый еще раз сделал ревизию своего имущества в автомобиле, но нужного инвентаря не отыскал.

— Плохо дело. Ну ладно, что-нибудь придумаем, — пробурчал Селедка.

— А я уже придумал, — спохватился отец Сергей. — Я вчера матушку свою с ребенком к родственникам возил, он у меня маленький еще, ну и в дорогу брал на всякий случай детский ночной горшок, а выложить-то и позабыл. Ничего не поделаешь, придется им воспользоваться, — искренне улыбаясь батюшка, доставая горшок из салона машины.

— Вот и отлично! Воспользуемся горшком... не по прямому назначению.

Капитан со знанием дела вставил шланг в бак своей «Нивы», приложился ртом к шлангу и потянул на себя бензин. Через пару секунд отпрянул — тонкая струйка горячего потекла в подставленный горшок.

— Хватит. Достаточно, — с улыбкой произнес отец Сергей. — Выручили. Спасибо вам, капитан, дай Бог здоровья!

Селедка, тем не менее, нацедил еще до половины горшка.

— Это про запас. Чтоб наверняка. Я, батюшка, спешу на хутор. Заявление поступило. Потому не обессудьте, рад бы пообщаться, да некогда, служба...

— Это вы меня извините, что задержал. Вам на хутор? Так до хутора далекоовато. Через деревню ехать придется, — озаботился священник.

— А зачем через деревню? У меня ж «Нива» — внедорожник, вездеход! Врублю два моста, — и вперед напрямки. Срежу путь через перелесок.

— Ну, если так...

Капитан и батюшка крепко пожали руки друг другу.

Милицейская «Нива» съехала на обочину, потом на поле и как ни в чем не бывало по насту уверенно направилась к перелеску.

Отец Сергей осенил удаляющийся автомобиль крестным знаменем. Когда машина исчезла из вида, батюшка хотел было завести двигатель, но увидел стоявший на снегу горшок с бензином, о котором уже и позабыл. В этот момент из-за поворота появился уже знакомый черный джип.

Иномарка затормозила возле отца Сергея, державшего в руке горшок. Стекло опустилось, и из бокового окна снова появилась лысая голова.

— Что, поп, решил опорожниться с горя? — заржал Карась.

— Так я уже... — вполне серьезно ответил священник, указывая на ночной сосуд.

— А под куст отлить — что, вера не позволяет?

— Под куст, чтоб никто не видел, вера, конечно, позволяет. Только зачем же добро под куст? Можно же и в бак... — пошутил батюшка.

— Как в бак?!

Священнослужитель решил продолжить розыгрыш.

— Эх ты, овечка заблудшая. Оно если с верой, так и моча может в бензин превратиться, причем самого высокого октанового числа...

— Да ты чисто конкретно гонишь!

— Так на все Божий промысел, сын мой...

Карась, вытянув голову, украдкой взглянул в горшок.

— Ну, ты надул туда солидно. Литр точно наберется, — уже без смеха сказал Карась.

— Так и дорога дальняя, сын мой, старался... — едва пряча улыбку, ответил священник.

— Слушай, поп, если только твоя колымага на мочу тронется, я на твою церковь миллион рублей пожертвую, — пообещал вполне серьезно Карась. Но, немного помолчав, спохватился... Понимая всю абсурдность происходящего, придурковато улыбнулся и продолжил: — А давай мы с тобой бизнес организуем — перевод мочи в бензин, но уже в промышленных объемах. Ты же в курсе, нынче с энергоносителями напряженка. А твоя идея — это ж... Такого еще в мире никто не делал. Мы первыми будем. Книга Гиннеса наша!

— Все по воле Божьей, — ответил отец Сергей.

Владелец джипа насторожился. Батюшка по-хозяйски бережно вылил содержимое горшка в бак своих «Жигулей». Затем перекрестился, шепча про себя молитву.

— Ты, наверное, поп, совсем гикнулся. Кого ты развести хочешь, у меня три ходки на зону. У меня хоть и образования неполных восемь классов, но, извини, я сейчас живу лучше, чем академики. Ты вот думаешь: машина-дура возьмет и поедет. Нет! Не поедет! Я считал, что священнослужители — умные, а вы... — Карась замолчал, глядя на отца Сергея. Тот еще раз посмотрел в небо, перекрестился, затем осенил крестным знаменем свой автомобиль. После этого сел за руль и запустил двигатель.

...Карася едва удар не хватил. Мертвецки бледный, он с открытым ртом еще долго провожал взглядом удаляющийся «жигуленок».

На следующий день рано утром батюшка приехал к своему храму. Еще никого не было. Он зашел во двор и увидел человека, стоявшего возле двери. Подойдя ближе, отец Сергей узнал в лысом крепком прихожанине частного предпринимателя Карасева. Тот скромно, словно извиняясь, подошел к священнику.

— Вы это, батюшка, меня простите, что я вчера себя чисто конкретно очень плохо вел. Я вот, это, в натуре, в церковь пришел... — жутко краснея, запинаясь, произнес Карась.

— Ну и, слава Богу, что пришел! Только, сын мой, хочу тебе я правду сказать: пошутил я давеча, ты уж простит меня, грешного. В детском горшочке действительно бензин был. А вот насчет промысла Божьего правда: еще в Святом Писании рассказывается, как Иисус Христос во время свадебного пиршества в Канне Галилейской превращал воду в вино.

— Я понял! Бог превращал воду в вино, а так как ты не Бог, а просто батюшка, ты можешь воду превратить сначала в мочу, а уже потом мочу в бензин, — обрадованный своей догадкой, выпалил Карась.

Отец Сергей разочарованно вздохнул. «Ну и олух же царя небесного...» — подумал он.

— Ладно, со временем поймешь. Что попусту разглагольствовать? У каждого своя дорога в храм. На все промысел Божий. Ты крещеный? Нательный крест при тебе? — строго спросил настоятель.

Прихожанин нервно вытащил из-под рубахи здоровенную золотую цепь с тяжелым крестом. Батюшка горько вздохнул.

— Да... малость переусердствовал, сын мой... Ну да ладно, у каждого свой крест, надо же с чего-то начинать... А вообще молодец, что решился, — по-доброму покачал головой отец Сергей.

Елена ШУВАЕВА-ПЕТРОСЯН (Армения)

ГАДАНИЕ

О будущем
Гадала на хрупкой снежинке.
Она растаяла.

О будущем
Гадала на крыльях бабочки.
Она улетела.

Раскрыла ладонь —
Линии-волосы Медузы Горгоны.
Ловлю ее взгляд
И медленно каменею.

ВРЕМЯ ПЛАТИТЬ ПО СЧЕТАМ

Вот и настало
Время платить по счетам...
Мелочь в карманах.

Страхи немые
Вдруг обретают свой глас...
Душу на паперть!

Взываем к Спасителю,
Клянем искусителя —
Среди виноватых
Не видим себя...

Абзгару КОЛБАЯ (Абхазия)

* * *

В море упала
Слезинка твоя.
И перестало
Оно штормовать.

Я позабыт,
Ты к другому бежишь.
Но на щеке твоей
Шрам от слезы.

ЮНОЕ УТРО

Юным было утро, молодым,
Я шел в зеленом поле.
Оттуда поднял глаза к солнцу,
И оно взглянуло на меня ласково.

Цветы вокруг меня встряхнулись,
Капли росы с себя стряхнули.
Птицы, пролетая, спели нежно,
И печали мои со мной расстались тут же.

Гаврил АНДРОСОВ (Якутия)

* * *

Наш с тобою
Нечаянный,
Неприкаянный,
Невзгодами полный,
Пегим светилом палящий мир
Померк.

Стих,
Словно озеро сонное.
Тетивой тугою выгнулся...
Стылой стужей дыша,
Слово — стрелой с уст слетело!

Слово пустое
Сорванцом-ветром полетело,
На поляну любви нашу село,
Навсегда там осело —
Выстудило, смело
Все... Все...

Жернова...
Звездные дни любви
Брошены в жернова судьбы —
Нет больше нашей любви!
Нет... Нет...

Виктория СИГЕЕВА (г. Калуга)

ВЕЧЕР ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ

Настанет скоро этот странный день,
И в коридорах я увижу снова
Всех тех, кто был когда-то сердцу дорог —
Накроет нас воспоминаний тень.

От школьного костра теперь — лишь дым.
Ничто нас больше не объединяет.
И вскоре вновь по миру разбросает
Та жизнь, что подарила нас другим.

АПОКАЛИПСИС

Стерлись все грани, слова износились,
Рушится всё, к чему долго стремились.
Жизненной пьесы так близок финал —
Черти устали вершить карнавал...

Солнце взойдет, небо поглубеет
И человечеством новым заменит
Всех, кто живет на планете сейчас,
Не сохранив даже память о нас...

Виктория АНФИМОВА (Крым)

* * *

Мрак ночей бессонных
Я сплела в клубок.
Сердцем утомленных
Скольких принял Бог!
Тех, кто был за гранью
Миробытия
Бог коснулся дланью...
Может быть, и я
В поисках ответов
За своим клубком
Вновь войду с рассветом
В отчий Божий дом.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

ВЫСТОИМ!

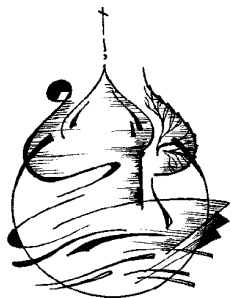
Троицкий иконописец

На протяжении столетий насельники Троице-Сергиевой Лавры сохраняли заветы своего родоначальника, «великого молитвенника Земли Русской» — преподобного Сергия Радонежского. На поприще духовного просвещения здесь трудилось множество иноков и монастырских старцев.

Один из них — известный троицкий иконописец XVI века, келарь (хранитель припасов обители) Евстафий Головкин. Дошедшие до наших дней его иконы украшают иконостас Троицкого собора Лавры.

Когда в 1422 году были обретены мощи преподобного Сергия Радонежского и их поместили в этом белокаменном соборе, над ними была утверждена первая икона «Явление Богоматери преподобному Сергию». В разные периоды в монастыре было создано множество икон с изображением этого чудесного явления. Наиболее прославлена из них — икона Евстафия Головкина.

...Однажды, глубокой ночью, преподобный Сергий читал акафист Божией Матери. Совершив обычное правило, он

СИМВОЛ ВЕРЫ

сел немного отдохнуть и вдруг сказал своему келейнику, преподобному Михею:

— Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение.

Едва он произнес эти слова, как был услышан голос:

— Пречистая грядет!

Преподобного Сергия внезапно осиял неземной свет. Он увидел Божию Матерь, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Не в силах вынести чудного света, преподобный благоговейно склонился перед Божией Матерью.

— Не бойся, избранниче мой, — изрекла Она. — Я пришла посетить тебя, услышана молитва твоя об учениках твоих; не скорби больше и об обители твоей: отныне она будет иметь изобилие во всем, и не только при жизни твоей, но и по отшествии твоём к Богу. Я неотступна буду от места сего и всегда буду покрывать его...

Божия Матерь стала невидима. А преподобный Сергей долго был в оцепенении. Только его светившееся лицо говорило о той духовной радости, которую переживал святой.

Явление Божьей Матери в келье преподобного Сергия — на месте нынешней Серапионовой палаты — было в одну из пятниц Рождественского поста 1385-го. Память о посещении Божией Матерью Троицкой обители и Ее обетовании свято хранилась учениками преподобного Сергия.

В 1585-м при государе Феодоре Иоанновиче было завершено изготовление серебряной раки для мощей преподобного Сергия, а верхнюю крышку деревянного гроба решено было разобрать на иконы. Эти иконы — реликвии и были написаны Евстафием Головкиным: «Явление Богоматери преподобному Сергию» — в 1588 году и «Преподобный Сергей Радонежский с Житием» — в 1591-м.

Излишне говорить об особой ответственности такого предприятия. Оно связывалось единым замыслом прославления преподобного: в 1592 году исполнялось двести лет со дня его преставления. Серебряная рака и надгробная икона в золотом окладе — вклад царя Феодора Иоанновича, сына Иоанна Грозного, и его супруги Ирины Годуновой как моление о чадородии — были актом государственной важности.

Вообще государи благоволили к Евстафию Головкину. Достаточно сказать, что он был доверенным лицом самого Иоанна Грозного. Троицкий келарь Евстафий был одним из немногих, кого царь посвятил в тайну гибели своего сына — Иоанна. Трагедия произошла 19 ноября 1581 года.

В 1583 году Грозный приезжал в монастырь оплакивать несчастную кончину Иоанна Иоанновича. Во Вкладной монастырской книге об этом записано так: *«Лета 7091 мес. генваря в*

---

6 день был Царь и Государь у Живоначальныя Троицы, у Великих Чудотворцев Сергия и Никона в обители. И на заутрени Богоявления дни, слушал заутреню и обедню в средней церкви. И призывал к себе Келаря старца Евстафия, да старца Варсонофия Якимова, да тут же духовник его стоял близко Архимандрит Феодосий: только трое их; и учал Государь Царь рыдати и плакати и молити о том Келарю старцу Евстафию и старцу Варсонофию Якимову втайне, — а Архимандрита Ионы тут не призвал, — чтоб его сыну Государю Царевичу Иоану учинили в особь поминание по неделям от субботы до субботы в Никоне Чудотворце, да в средней церкви панихиды пети ежеден над кутицею и на обедах поминати в веки, докуды обитель сия святая стоит и до скончания века. А Казначею давати деньги из казны в те церкви в Никон Чудотворец да в среднюю церковь. И о том поминанье, о Царевиче Иоане, плакал и рыдал и умолял Царь и Государь, шесть поклонов в землю положил со слезами и рыданием».

При избрании на царство Бориса Годунова Евстафий Головкин находился на Земском соборе и подписал грамоту от Троице-Сергиева монастыря.

Чудотворные иконы его письма охраняли и охраняют Россию. В 1657 году царь Алексей Михайлович (1645—1676) брал в польский поход «Явление Богоматери преподобному Сергию». В 1703 году эта икона участвовала во всех походах Петра I во время войны со шведским королем Карлом XII.

В наши дни в Троицком соборе Лавры по пятницам читается акафист Пресвятой Богородице. Особая служба в честь Явления Божией Матери Преподобному совершается в обители 24 августа, на второй день отдания праздника Успения Пресвятой Богородицы.

Другая икона Евстафия Головкина из иконостаса Троицкого собора — «Преподобный Сергий Радонежский с Житием» — также сопровождала русскую армию в походах.

Во время Отечественной войны 1812 года случилось так, что московское народное ополчение не имело знамени. Оно выступило в поход под хоругвями с изображением Успения Богоматери и святого Николая Чудотворца. Митрополит Московский Платон Левшин, находившийся на покое в Вифанском монастыре, «подобно Сергию, некогда благословившему Великого князя Димитрия на брань с Мамаем», 14 июля послал Александру II с наместником Троице-Сергиевой Лавры Самуилом образ преподобного Сергия, созданный Евстафием Головкиным. К иконе прилагалось послание, в котором Митрополит, выражая надежду на победу, сравнил Москву с градом Иерусалимом, Наполеона с Голиафом, а Александра с Давидом.

---

21 июля игумен Самуил отдал послание и образ императору, а тот вручил ее московскому ополчению. После изгнания французов из Москвы складень был возвращен в Лавру и поставлен на свое место в Троицком соборе.

Традиция средневекового иконного портрета, ярким представителем которой в России стал Евстафий Головкин, сложилась первоначально в Византии. Но уже с первой трети XV века можно говорить о распространении «портретов» русских преподобных. Появление их изображений стало одной из существенных характеристик национальной духовной культуры этого времени, отмеченной широким утверждением монашеских идеалов и осмыслением значимости монашеского служения для жизни русского общества.

На примере Евстафия Головкина и царских мастеров той эпохи видно и то, что с развитием культурной жизни в стране меняются и авторские записи на иконах: во второй половине XVI века они становятся пространными, а их репрезентативный характер не может скрыть новое, более значимое положение художника.

Я вновь и вновь приезжаю в это святое для каждого русского человека место. Устремляясь вместе с паломниками и туристами к Троицкому собору, мы неизбежно проходим через множество древних захоронений, ныне никак не обозначенных на земле Лавры. После своей кончины в 1603 году где-то здесь был погребен и Евстафий Головкин.

Во имя любви

Десятки монументов с державными орлами на легендарном Бородинском поле, ставшем в России местом особого почитания и поклонения, хранят память о верных сынах Отечества. Но главным памятником поля русской славы стал Спасский монастырь — памятник воинской доблести, памятник любви. Он был основан здесь в 1820 году, спустя восемь лет после битвы, в которой полегли тысячи защитников Отечества. И основала его Маргарита Михайловна Тучкова (урожденная Нарышкина) — Мария Бородинская, вдова одного из героев Бородина — генерал-майора Александра Александровича Тучкова.

По легенде, когда свадебный поезд возвращался из церкви, коляску с новобрачными остановил нищий старец.

— Мария, — сказал он, — возьми посох!

— Ты ошибаешься, отец, — ответила Маргарита, — у меня совсем другое имя!

Но старец настаивал, и новобрачная приняла из его рук странный подарок...

Всего шесть лет семейного счастья! И вот после горького известия Маргарита Михайловна приехала на Бородинское поле. Она бродила по Семеновскому редуту, где без погребения оставались десятки тысяч погибших, прошла 9 верст, но так и не нашла любимого.

Тогда вдова обратилась с просьбой к императору Александру I: разрешить ей возвести храм на месте гибели мужа. Высочайшее распоряжение последовало. Распродав свои драгоценности, Тучкова построила храм Спаса Нерукотворного. Над символической могилой мужа Маргарита Михайловна поставила белый мраморный крест, а рядом поместила полковую икону Ревельского полка — Нерукотворный образ Спасителя. Вскоре икона Спаса прославилась в окрестностях как чудотворная.

Маргарита Михайловна посвятила жизнь воспитанию сына Николеньки. Но ее ждали новые испытания. Коля умер, не дожив до пятнадцати лет. И тогда весь смысл ее жизни сосредоточился здесь, на Бородинской земле. Постепенно к ее маленькой сторожке потянулись русские женщины, потерявшие в 1812 году своих любимых.

Так было положено начало Спасо-Бородинской обители. А Маргарита Тучкова стала настоятельницей, приняв постриг с именем Мария. В ее обители непрестанно поминались в молитвах христоробивые воины, «за веру, царя и Отечество живот свой положившие».

Святитель Игнатий (Брянчанинов), посетивший в 1847 году Спасо-Бородинский монастырь, поставил этот молитвенный подвиг в один ряд с подвигом ратным: «На Бородинском поле верные сыны России совершили долг свой: твердо и мужественно противостояли врагу многочисленному, водимому полководцем гениальным, усеяли поле трупами иноплемеников и трупами своими. Обширное поле сделалось обширным кладбищем. Теперь на Бородинском поле верные дочери России совершают свой долг: над прахом жертв любви к Отечеству они принесли себя в жертву к Богу, приносят непрестанную жертву молитв о себе и о павших в сражении сынах России».

В течение двадцати лет ее игуменства в обители появились колокольня, келейные корпуса, великолепный хор. Построила она и великолепный Владимирский собор, до освящения которого уже не дожила.

Честные останки матушки Марии покоятся в церкви Спаса Нерукотворного — в сердце Спасо-Бородинской обители,

---

ее «святая святых». Именно этот храм монастыря первым воспрянул после десятилетий запустения. Именно в нем после возобновления монашеской обители в 1992 году начали совершаться богослужения.

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, которому в 1975 году был передан комплекс разрушающихся монастырских построек, восстановил храмы, кельи, стены.

Община монашествующих возобновила установленную игуменией Марией ежедневную молитву. Лишь раз в неделю тихую монашескую жизнь нарушают молодожены, которые приезжают поклониться этому месту, ставшему символом непреходящей любви.

Божий Промысл

Настоятель Свято-Троицкого Александро-Невского общежительного девичьего монастыря, что в Клинском районе Подмосковья, иеромонах Петр, человек уже немолодой, радостно улыбаясь, как ребёнок, задаёт мне риторический вопрос:

— Вы верите в чудеса?! Только что меня принял и благословил Святейший Патриарх Алексий, к которому я и не чаял попасть, зная его огромную занятость. А потом, когда пришел со своими проблемами к архиепископу Истринскому Арсению, владыка неожиданно передал для нашей обители несколько древних икон, которые пожертвовал Московской Патриархии предприниматель Александр Ястребов. Причём вышел он из его кабинета буквально передо мной...

— Божий Промысл, отец Петр!

— Божий Промысл! — соглашается он.

Отец Петр рассказывает о своей обители. Свято-Троицкий Александро-Невский общежительный девичий монастырь возник в 1899 году на основе женской общины, учрежденной в 1889 году на средства Ф.О. Захарова.

Самым интересным и значительным памятником церковной архитектуры монастыря был собор Александра Невского. Он построен в 1902—1904 годах по проекту известного московского архитектора И.П. Машкова, участника реставрации Успенского собора в Кремле, храма Василия Блаженного на Красной площади.

Когда в 1930-е годы монастырь был закрыт и брошен на произвол судьбы, местное население стало потихоньку растаскивать на стройматериалы деревянные постройки и занимать каменные.

Разрушение продолжило государство: территорию обители многие годы занимал пионерский лагерь «Факел».

Когда «Факел» потух, отец Петр принял руины.

Остатки изуродованного храма скрывало здание из стекла и бетона — типичная постройка 1970-х годов, где располагался пищеблок.

День за днём шла работа. И вот над возрождаемым храмом вновь поднят крест.

— А икон у нас не было, — сказал, прощаясь, счастливый отец Петр. — Подарок по молитвам как нельзя кстати. Дар от Господа! Теперь, верю, и монастырь наш скорее возродим. В нём будет около тридцати насельниц. Приезжайте посмотреть, что уже сделано, и помолитесь вместе с нами.

Поблагодарив за моё предложение помочь донести сумки с иконами до его машины, отец настоятель величественно направился по одному из коридоров Патриаршей резиденции в Чистом переулке к выходу.

Господь с нами!

Иеромонах Феофан (Замесов), настоятель храмов Спаса Нерукотворного в усадьбе «Мураново» и Страстной иконы Божией Матери в подмосковном селе Артемово, рассказывает об опыте духовного окормления воинов 21-й Софринской бригады Внутренних войск в Чеченской Республике. Батюшка побывал на войне уже много раз.

Поразительны примеры Божией помощи православным воинам нашей армии в Чечне.

...Было 28 мая, День пограничника. Из основного расположения части на заставу отправились три БТРа. Один из них, как видели офицеры, взорвался. Машину разнесло на части, на месте взрыва образовалась огромная воронка. Стали осматривать место происшествия. Оказалось, что все три члена экипажа живы.

— Когда мы выехали, — рассказал один из солдат, — я произнес: «Господи, спаси!» — и поставил на рулевое управление складень с образами Спасителя, Божией Матери и Николая Чудотворца.

Этот случай помог офицерам, которые рассказали батюшке эту историю, укрепиться в вере.

— Вот видите, — сказал он им, прощаясь, — для Бога ничего невозможного нет!

Перед другой поездкой один мужчина передал отцу Феофану целый ящик с Библиями, которые батюшка раздавал в Чечне нашим солдатам и офицерам.

В одной офицерской столовой у него попросила Библию и женщина-повар. Священнику очень не хотелось огорчать её: ведь он знал, что ящик уже пуст. И все же он заглянул туда. О чудо! Там оказалась последняя книга.

Через какое-то время отец Феофан вновь приехал в Чечню и встретил ту женщину.

— А у нас, на кухне, был сильный пожар, — сообщила она. — Стены лопнули. А Библия не пострадала...

— Теперь эта реликвия, — заканчивает рассказ отец Феофан, — в нашем храме в усадьбе «Мураново». У нас часто бывают воины из разных частей Подмосковья. Показываю им Библию, и вновь и вновь повторяю: «Для Господа ничего невозможного нет!»

«И мы сохраним тебя, русская речь...»

На архиерейской дорожке Никольского кладбища, что за Свято-Троицким собором Свято-Троицкой Александро-Невской лавры, безлюдно.

Я приехал всего на день, но первым делом отправился в духовное сердце города на Неве — одну из почитаемых святых обителей Русского мира, преображенную в это тихое утро новым, серебристым Покровом Пресвятой Богородицы.

Выпал первый снег, напомнивший и о предостережшем Рождестве Спасителя, и о купелях крещенских — иорданиях, которые в память Божоявления, Крещения Господня по традиции наших благочестивых предков вырубят на всех русских реках и озерах, покрывшихся к январю ледяным панцирем.

Впервые в волнении иду поклониться последнему земному пределу выдающегося иерарха Церкви нашего времени, христианского мыслителя, доктора церковной истории, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва).

Владыка — один из тех, кто предвидел вызовы Русскому миру ещё на рубеже XX—XXI столетий, смело говорил о них с амвона в своих проповедях, писал в широко разошедшихся книгах. Причины нынешней русской смуты, трагедия Великой Державы, духовное одичание народа — таковы главные темы его многочисленных выступлений.

В чем смысл русской истории? Что необходимо для возрождения самосознания русского народа, величия и мощи Святой Руси?

Ответы на эти и многие другие вопросы давал митрополит Иоанн в своих литературных трудах «Самодержавие духа», «Одоление смуты», «Голос Вечности», «Русь Соборная», «Стояние в вере».

Его книги переиздаются ежегодно самыми разными издательствами немалыми тиражами, многое из написанного им воспринимается ныне как пророчество. Митрополит Иоанн принимал участие в работе комиссии по подготовке канонизации Святых Царственных Мучеников.

В Санкт-Петербурге трудами владыки были восстановлены и отремонтированы многие храмы, возобновились богослужения в Казанском и Измайловском соборах.

По его инициативе возродился журнал «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», начала выходить газета «Православный Санкт-Петербург», было создано православное издательство «Царское дело».

Благодаря своим трудам, владыка стал признанным духовным лидером православно-патриотических сил России, создателем современной идеологии русского национального возрождения.

«Доктрина митрополита Иоанна» сводится к нескольким важнейшим истинам: русская идея — это неутолимое стремление к святости, праведности и чистоте; русская демократия — это соборность; русская идеология — это Православие; русский порядок — это державность; Русское государство — это Россия во всем многообразии исторических форм её существования; государственно-политический и одновременно нравственно-религиозный идеал России — Святая Русь; патриотизм — религиозный долг каждого благочестивого христианина; Русская Православная Церковь — соборная совесть народа.

Но, главное, владыка Иоанн был не только опытным архиереем, не только крупным богословом и ученым, и даже не только русским патриотом.

В северной столице Господь возложил на него нелегкое служение — всероссийскую проповедь Православия.

Митрополит Иоанн, как и святой праведный Иоанн Кронштадтский, окормлял бесчисленное количество духовных чад, был старцем и «народным Святителем» одновременно. Вернее, не был, а остается таковым и после своей блаженной кончины.

На каждую годовщину со дня его блаженной кончины клириками Санкт-Петербургской и других епархий служатся многочисленные панихиды. С утра до позднего вечера множество православного народа приходит почтить его память.

— Да здесь никогда не иссякает людской поток! — говорит мне женщина, которая прикладывается к мраморному кресту.

За могилой владыки, у невысокой стены, множество цветов, припорошенных снежком. Иконы. Шкафчик со стеклянной дверкой для лампадки и свечей.

Ставлю свою свечу и я. Владыка взыскующе, но по-доброму смотрит на меня с фотографии: мол, с чем пришел — с радостью или скорбью?

— Впервые здесь? — спрашивает ещё одна подошедшая женщина.

— Впервые...

Анна — так назвала себя женщина — несет ежедневное послушание: прибирает на могиле, возжигает лампадки и свечи.

И, конечно же, непрестанно молится.

А еще она кормит множество голубей. Вот и теперь, описав в небе несколько кругов, они, как многочисленные духовные чада владыки, смиренно расселись на всех ближайших могильных крестах.

Подходят люди поклониться владыке. Их сменяют другие.

Увлечись воспоминаниями о встречах с владыкой, Анна вдруг всплескивает руками:

— Да они же их раздерут!

На стаю голубей, оказывается, напали вороны. И Анна спешит защитить их от обидчиков.

Подумалось: вот такие же грозные вызовы постоянно ощущает сегодня и Русский мир. В ход идет все: и открытое давление, и клевета, и переписывание истории, и зомбирование молодежи... Для ворон в человеческой плоти все средства годятся: лишь бы, разрушив наше единство, оторвать братьев по вере, крови, языку от «Киевской купели».

Медленно иду к воротам Никольского кладбища.

Вечная память, владыка Иоанн! Вечная память покоящимся здесь известным и скромным представителям Русского мира, кто жил и трудился во славу нашей веры православной, нашего Отечества!

Остановившись в воротах, кланяюсь и святителю Николаю, храм во имя которого воздвигли здесь наши благочестивые предки, осеняю себя крестным знамением.

«Святителю отче Николае, моли Бога о нас!»

Уже почти у самых святых ворот лавры, вспоминаю: в этой земле покоится и Анна Андреевна Ахматова. В памяти всплывают её бессмертные строки:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.*

---

*И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Написанное Ахматовой в годы блокады «Мужество» призывает нас и теперь к мужеству.

Горько, что русские люди ещё больше, нежели при жизни великого русского поэта, разделены государственными границами. Горько, что русские люди, живя в условиях «необъявленной войны», «фронта без линии фронта», рискуют потерять «Великое русское слово» и у своих родных очагов.

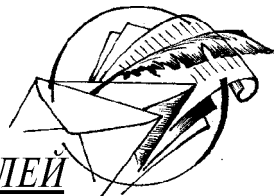
Но, выстояв в блокаду, на трёх великих полях — Прохоровом, Бородинском, Куликовом, в Полтавской битве, Ледовом сражении — неужто не выстоим сегодня?!

БЫТЬ ПАТРИОТОМ

Что это значит — быть патриотом своей страны, своего Отечества? Это не только с оружием в руках защищать свою Родину, хотя, когда понадобится, это крайне важно и необходимо для Православного Христианина, для гражданина своего земного Отечества.

Быть патриотом — это не только говорить слова о патриотизме, но и подтверждать слова конкретными делами. Хорошо, если мировоззрение и жизнь русского человека складывается так, как это было у наших предков. То есть — скромно, просто, с ориентиром на здоровый образ жизни: труд, молитву, исполнение своего общественного и личного долга. Без притязаний на модные вещи, без зависти на то, что имеют богатые люди.

Спокойная совесть — вот главное богатство Православного Христианина. Это богатство нельзя заменить никакими материальными благами: ни машинами, ни домами с дачами, ни различными наслаждениями, никакими скоропреходящими вещами и увлечениями мира сего временного. То

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

есть — ничем! Ибо все вышеперечисленное — нетвердо, обманчиво, соблазнительно и бесполезно. Бесполезно при неразумном и чрезмерном использовании.

Крепкая же опора, основа нравственная и духовная создается прежде всего в душе и сердце христианина. Основа патриотическая, опирающаяся на любовь к Родине, отцу и матери, окружающим нас людям и в первую очередь — к Богу! Не будет всего этого — невозможным станет для нас ответ на вопрос: для чего живем мы на земле, на Святой Руси?

Большим патриотом своей страны был Святитель Митрофан Воронежский. Он помогал Императору Петру Первому строить флот на воронежской верфи. Помогал денежными средствами, помогал в то время, когда многие считали постройку флота бесполезным делом. Он всячески заботился и о монастырях, устраняя в них разные настроения, о больных и нуждающихся и всем помогал, чем мог. Но когда ему нужно было идти во дворец Царя, перед которым стояли языческие статуи, то он категорически отказался это сделать, несмотря на царский гнев. Вот вам пример истинного патриотизма без всякой примеси, без малейшего человекоугодия. Так же должны поступать и все мы.

Сейчас пришло к нам такое время, когда на нашей Святой Руси мы видим засилье иностранного капитала, засилье чужеродных элементов, выходцев с Кавказа и Средней Азии. Видим, как эти элементы пополняют свой капитал за счет нашего, русского капитала. Видим, как многочисленные гости из других стран и регионов часто забывают о том, что они в гостях, а не у себя дома. И им, к сожалению, позволяют так себя вести.

Я в свое время семь лет прожил в Средней Азии, и могу сказать, что там хозяевами всегда считались и считаются местные жители. Они не позволят приезжим людям вольно вести себя по отношению к ним. То же самое было когда-то и должно быть сейчас и в такой великой стране, как Россия.

Однако в последнее время акценты сместились. По событиям, происходящим в нашей стране, по беззакониям и безпределу, которые творятся теперь уже сплошь и рядом определенными группами людей, по их вседозволенности и безнаказанности можно с полной уверенностью говорить, что на нас опять идут «новые Мамаи», «новые хазары» и «новые Европы». И эти новые оккупанты старого образца уже много веков стараются всеми способами, всеми дозволенными и недозволенными методами, всеми правдами, а больше — неправдами уничтожить последний оплот Православия — Святую Русь. Вот от чего идут на нас агрессия за агрессией, ди-

---

версия за диверсией, провокация за провокацией, предательство за предательством.

Но причина всему этому одна. Причина, прежде всего, духовная. За грехи наши постигает сие нас! И как же нам, видя все это, наконец-то не осознать всей сложности и важности создавшегося положения? Как же нам в такой критической обстановке не быть Православными, как же нам не быть русскими в Русском Царстве, как же нам не быть патриотами родной страны? Как же нам не уподобиться своей жизнью Христианам первых веков? Как же нам не стараться всеми силами быть лучше, чище, совершеннее, добрее, человечнее? Как же нам не быть тверже в нашей борьбе с грехом, в борьбе с той прелестью, с теми вещами, которыми старается нас купить и оболстать бездуховный материальный Запад?

Все события, происходящие в наше время и на наших глазах, имеют свой глубокий смысл, непонятный многим людям, ибо эти люди и не ищут никакого глубокого смысла в жизни, довольствуясь своим узким миром — хлебом и зрелищами. Но внимательный к себе и духовной жизни человек знает, что даже одежда, которую мы покупаем и носим, предметы, которыми пользуемся в быту, а также пища и питье — все это, вместе взятое, имеет большое значение для Христианина.

Речь идет о желательном приобретении всего этого на отечественной основе в своей стране, ибо эта основа не прекратила еще свое существование. При желании можно найти в магазинах отечественную одежду и обувь, инструменты, часы, посуду, мебель и прочие вещи, необходимые человеку в жизни. Также можно купить и отечественную машину, машину производства своей страны, патриотами которой мы призваны быть. Пусть будет не так шикарно и удобно, как в импортной, зато будет удобно и просторно нашей душе и совести. Ведь удобства, превышающие необходимую меру, уже можно отнести к действию греха, воюющего против нас. Не будем поддаваться этому. Ведь именно в умеренности и в приверженности к родному быту и простоте проявляется наш патриотизм, наша любовь к отеческим традициям и законам. А это не мало. Это совсем не мало. Этим мы сохраним свою душу от пристрастия к Западу, которым, по словам Святителя Феофана Затворника, «и наказывал и еще накажет нас Господь, если не покаемся и в разум истины не придем».

Также овощи и фрукты, хлеб и другие съестные припасы отечественного производства не отошли еще в область предания и их можно еще достать, приобрести, вырастить. Только бы желание было. Помню, когда я лежал в больнице, врач

советовал нам есть только то, что растет в нашей полосе, в нашей стране, то есть — яблоки и груши. И я с ним полностью согласен, хотя временами приходится есть и заморские фрукты. В этом простом совете врача тоже содержится патриотизм, любовь к своему Отечеству, своей Родине, оккупированной со всех сторон вседозволенностью разных мигрантов, диаспор и нелегалов.

Если мы не будем всему этому придавать значения, то скоро можем стать, немного перефразируя Сергея Есенина, «в своей стране словно иностранцы». А это не только не патриотично, это еще и реально опасно. Нельзя жить «Иванами, не помнящими родства». Нужно помнить, нужно знать, кто мы есть, чьи потомки, кто крестил нас в Днепре и кто души свои за нас полагал. Кто защищал нас от татаро-монголов, немцев, шведов, французов, от всей этой соединенной и «просвещенной» Европы, от этих «дванадцати языков», и по сей день все еще мечтающих о завоевании Святой Руси и ее богатств. Все эти «языки» нас постоянно предавали, и сейчас предают, и все делают для того, чтобы их несбыточные заветные мечты сбылись. Вот что значат планы о мировом господстве. Ради таких планов определенная группа людей пойдет на все.

Поэтому и не хватает многим из нас той самой решительности, того самого патриотизма, которые были у Святителя Митрофана Воронежского, Преподобного Сергия Радонежского, Патриарха Гермогена, Евпатия Коловрата, Преподобного Иосифа Волоцкого, Святых Царственных Мучеников и Страстотерпцев, Генералиссимуса Суворова, маршала Жукова, генерала Каппеля и многих других верных сынов своего Отечества.

Все это — примеры, достойные подражания, примеры высоты духа, любви к Родине и ближнему. Что мешает нам, современным Христианам, следовать этим примерам, следовать жизни этих отечественных подвижников благочестия? Нам мешает наша привязанность к уюту, к комфорту, к сытости и довольству. Нам мешает наша привязанность к земному и совсем малое тяготение к небесному. Это уже отступление от идеалов христианства, от заповедей Божиих, от духовно-нравственных законов. Такие вещи даром не проходят. Наша история, наше прошлое напоминают нам о нашем долге, о совести и чести, о том, что на ошибках учатся, а не повторяют их безчисленное множество раз. Ведь бывают ошибки непоправимые или труднопоправимые, которые уже и ошибками не назовешь, а скорее — предательством и отступлением, как уже было сказано.

Вспомним заговор генерал-адъютантов в феврале 1917 года, предавших своего Царя, свою Родину и свой народ. Это с их помощью, с помощью высшего генералитета совершился клятвопреступный бунт в России. Не было бы помощи и сочувствия со стороны генералов начавшимся революционными беспорядкам, а было бы выполнение своего долга, то и никакая революция не совершилась бы. Она была бы просто невозможна, ибо у нее не было бы никакой поддержки и, скорее всего, она была бы быстро подавлена войсками, как это и было в 1905—1907 годах.

Но, к стыду и позору русских генералов, этого не произошло. Великий князь Николай Николаевич и все командующие фронтами, генералы Алексеев, Брусилов, Эверт, Сахаров, Рузский, адмирал Колчак, прислали Царю телеграммы или устно передавали свои «слезные просьбы отречься». Эти «верноподданные» не оправдали оказанного им доверия и дали втянуть себя в грязные политические игры и интриги.

Царь был уверен в своей армии, в своих генералах, которые столь многим были обязаны Ему. Но небольшая кучка людей, имеющая в своих руках мощную военную силу, врученную им Царем, оказалась настолько неблагодарной, что решилась на немыслимое — отдала своего Государя и свою Родину в руки бунтовщиков-изменников, став в один ряд с клятвопреступниками, сидящими в Государственной Думе.

А основные нити этой страшной измены тянулись из-за рубежа. Америка, Англия и Франция были крайне заинтересованы в уничтожении Православного Монархического Царства. Ведь по развивающимся событиям уже было видно, что Россия скоро выйдет на мировое господство. В апреле 1917 года ожидалось генеральное наступление на фронте и окончательный разгром противника. По прогнозам того времени, Россия к 1950 году должна была стать по всем показателям первой страной в мире.

Предвидя все это, определенные западные круги, в частности, Англия и Франция, приложили все силы и с помощью денег и провокаций на фронте сумели разложить дух русского солдата, деморализовать его и обезглавить армию через изменников-генералов, не выполнявших прямых приказов Царя и желавших Его отречения. Но никакого отречения, как нам это преподносили ранее и как все еще преподносят и теперь, конечно же, не было. Было насильственное свержение с Престола Помазанника Божия — Русского Православного Царя вопреки Его воле.

Потрясающий факт интриганства, жажды власти путем подлой измены тех, кто должен был всеми силами охранять

Царский Престол. Но никто из предателей никакой власти не получил. Что посеяли они, то и пожали. Многие погибли в Гражданской войне, остальные вынуждены были в срочном порядке эмигрировать из родной страны, которую они сами отдали в руки врагов Святой Руси. А что касается Запада, то он нас всегда предавал и до сих пор предает без малейшего зазрения совести, потому что совести у Запада нет, а только диверсии, шантаж, интриги, деньги и постоянное желание обогатиться за чужой счет.

Поэтому нам, русским людям, не иномарками нужно облагаться, не чужую одежду носить, не от пищи страдать, которой нас эти самые, побежденные нами когда-то, травят, а вести здоровый национальный образ жизни. Приучать себя есть ржаной хлеб, картофель, капусту, огурцы, помидоры, морковь, редьку, лук, чеснок, грибы и так далее.

Также заниматься в свободное время традиционным отдыхом, а во время этого отдыха ловить рыбу в своих реках и собирать грибы в своих лесах, а не есть заморские шампиньоны и такую же рыбу. Это не только не патриотично, но еще и крайне бесполезно. Простота в одежде и пище — это тоже залог здоровья, как и экологически чистый воздух, как родниковая вода.

Помню, в детстве, да и в зрелых годах, местные жители проводили свой досуг круглый год на реке, с удочкой в руках. Каждое время года ждали с нетерпением, потому что оно приносило свои особенности и в рыбной ловле, и в общении с природой. Ведь как было интересно ловить рыбу с лодки, с берега или со льда — дышать свежим воздухом и любоваться природой. Такое общение с природой приносило здоровье, хорошее настроение и запас сил на предыдущую неделю.

У многих в затолах стояли самодельные деревянные лодки, с которых было удобно ловить рыбу. Лодки примыкались цепью с замком большей частью к близстоящим деревьям. А сейчас? Как-то попросил знакомого съездить на речку, посмотреть, какие произошли на ней изменения за прошедшие годы. И что же? Раньше все берега в затолах были вытоптаны рыбаками, везде были проходы в камышах — в них ловили рыбу. А сейчас подойти к воде нельзя — все заросло камышом, нога рыбака сюда и не ступала.

Чем же занимаются люди? Приезжают на берег реки пить спиртные напитки и купаться. А дети? Дети сидят у компьютеров — такое у них сейчас увлечение. И взрослым и детям не хочется ловить рыбу — прилагать какой-то труд, любоваться природой и укреплять свое здоровье. Традиционный вид отдыха заменен суррогатами — водкой, курением и компьюте-

---

рами. Человек не хочет утруждать себя даже малыми физическими движениями, нравственно и телесно не развивается, теряет общение с природой и с Тем, Кто создал эту природу — с Богом.

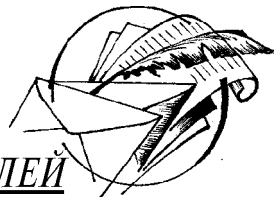
Не подумайте, что это маловажные вещи. Как раз они-то и формируют в человеке любовь к Отечеству, к ближнему, воспитывают нравственность, закаляют тело и дух. А в содружестве с церковной жизнью, с участием Христианина в Таинствах Церкви, делают его духовно устойчивым к различным обольщениям нынешней «просвещенной» и объединенной против Святой Руси Европы, духовно устойчивым к различным приманкам князя мира сего, к новым «прорабам» старой Вавилонской башни.

В жизни не бывает мелочей. Во всем заложен глубокий смысл. Когда человек видит себя живущим на оккупированной территории, которая когда-то была его родной страной, то совесть человека, долг, обязанность и честь заставляют его мыслить, жить, действовать совершенно иначе, чем это было в обычное, мирное время, заставляют стать нас патриотами своего Отечества.

г. Задонск, Липецкой обл.,
Рождество-Богородицкий мужской монастырь

«ГУЛАГ» ДЛЯ ДЕТЕЙ

Уже двадцать лет идет тихая, подлая, затяжная война против наших детей. Диверсия за диверсией — бесконечные программы, проекты, эксперименты совсем замучили ребятшек. В конце 80-х их познакомили с невиданной ранее у нас порнографической продукцией, она открыто лежала на уличных прилавках, любому возрасту доступна. Это было подготовкой почвы для секс-просвета — в школе, на телевидении, в многочисленных специальных центрах растления, которые плодила РАПС. Бесы выбрали именно это смутное время, чтобы начать свои подлые дела в России. Потом пошла усиленная обработка детей «толерантностью», а это значит — у себя на Родине забудь, что ты русский, уступи, покорись наглým пришельцам. Затем в школу нагрянул разрушительный ЕГЭ. И все это — с одобрения властей и при тупом равнодушии, нулевым сопротивлении родителей. Но вот еще одна невиданная напасть (да они все невиданные и неслыханные) — на русские семьи наступает ювенальный фашизм, дети насильственно отрываются от родителей. Именно рус-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

ские дети, потому что крепкие общины мигрантов своих в обиду не дадут. Как могу, сопротивляюсь всему этому — звоню, пишу, отношу, отсылаю свои протестные письма в высшие инстанции. Письма мои с 2004 года печатают газета «Советская Россия», журнал «Молодая гвардия», и я благодарна этим изданиям. Но призывы мои — объединимся во имя детей, создадим армию защиты детей — как будто никто не слышит. Я уже хотела прекратить свою одиночную борьбу, потому что без поддержки она бесполезна. Но вот в Москве прошел Первый Всероссийский родительский форум «Спасем семью — спасем Россию!». Слава Богу, проснулись! Толчком к долгожданной консолидации стал беспредел ювенальной юстиции. Теперь главное — не останавливаться, не разбегаться по своим углам.

Но надо увидеть, что на пороге новая беда: не менее нагло, чем ювенальщина, в русские семьи, в школу теперь также нагло ломится «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. А он, как сомнительная прививка с непредсказуемыми последствиями, категорически противопоказан нашему молодому поколению. По детям своим, по внукам вижу, что только то, что написано, сказано о нашей родной России с любовью, можно допускать до детей. Творчество, лишенное этой благодати, любви к Родине, — это яд.

Солженицын как личность и творения его «гениальные» всегда были чужды мне, но свое личное негативное отношение к нему я оставила бы при себе, если бы все это не угрожало сейчас нашим детям. А после того, как в «Новом Петербурге» прочла заметку учителя математики А. Козынченко «Одобрю «Архипелаг ГУЛАГ» в школе», поняла, что молчать уже нельзя. Остановлюсь на некоторых пунктах его «индивидуальной программы». То, что я называю наглým вторжением в школу, этот математик называет — «первым лучом Света», а «вторым лучом должна стать «Велесова книга». Она «введет в душу ребенка положения нравственного порядка». Ведь «неграмотные родители считают, что человеку поможет в жизни Иисус, а не математика и физика». Еще дети должны, по его мнению, изучать книгу «Мировые религии». И в результате — «Учитель, имея такие книги-учебники, станет Богом для детей». Вот такой джентльменский набор предлагает педагог А. Козынченко, чтобы, ни больше, ни меньше — стать богом. «Архипелаг ГУЛАГ» тут — важная составляющая, этот «шедевр» очень даже вписывается именно в такую программу. Но все это, сугубо специальное, никак не подходит для общеобразовательных учреждений, где учатся пока еще нормальные дети. Хотелось бы знать, «оригинальность»

этого педагога — врожденная или приобретенная после чтения трех томов «Архипелага»? Ведь не каждому по силам одолеть этого монстра в полторы тысячи страниц.

Больше года назад меня уже одним своим заголовком очень встревожила и заинтересовала статья в газете «Невское время» — **«Прочла «Архипелаг» и оказалась в психиатрической клинике»**. Автор — Тамара Кириллова, гид-переводчик, ярая поклонница Солженицына. *«С того времени, как я прочла «Один день Ивана Денисовича» и до сегодняшнего дня я ни одной минуты не жила без того, чтобы соотносить свои поступки с тем, что говорил Солженицын. Я собирала и продолжаю собирать все материалы, что о нем публиковались»* — так начинается публикация, и все остальное в таком же духе. Т. Кириллова рассказывает, что в 1976 г. тайком вынесла с немецкого круизного судна два первых тома «Архипелага», читала их запоем. *«И, хотя я была морально подготовлена ко всему, что там было написано, но, потрясенная, попала в психиатрическую клинику. Слава Богу, никто никогда не узнал, почему я там оказалась»*. Дальше идет рассказ о запойном чтении 3-го тома «Архипелага» и «Бодался теленок...»: *«Это было 14 суток бессонницы. Практически тотальной»*. Бедная фанатка повредила умом от такого чтения, но рассказывает она нам об этом не для того, чтобы остеречь от него. Каждым своим словом она старается убедить нас в силе могучего таланта Солженицына. Разрушительной силе, ведь на себе убедилась, но выводов никаких не сделала.

Вот в одной из газет фотография, где ее кумир — на трибуне, перед микрофоном вдохновенно пророчесствует или обличает, возведя правую длань с перстами, сложенными в патриаршем благословении. Что же еще крушить «благословляет» этот «пророк»? Разве не вся его программа к концу тысячелетия выполнена? Неповрежденной осталась только наша Церковь, но и под нее уже ведут подкоп, кто клеветой, кто «миссионерством» стараясь ослабить ее. Прибыв в Россию из Вермонта и весьма недурно обустроившись, Солженицын не преминул критически высказаться в адрес нашей Церкви, призывал к реформам, к откровенному обновленчеству. *«На Рождественских чтениях он заявлял, что Церковь наша как не имела, так и не имеет авторитета в России, и число верующих у нас продолжает оставаться ничтожно малым... А само православное богослужение, по мнению Александра Исаевича, пора «подновить» и приблизить к современности... В конце своего доклада он откровенно предложил традиционные церковно-славянские службы вести по-новому — частично на современном русском языке... Заходит ли он, хоть иногда, в*

православные храмы?.. Святая Русь, образ которой сохраняется в нашей Православной Церкви, — непонятна Солженицыну, он просто не может допустить вероятность возрождения ее в нашей жизни», — с горечью пишет Е. Алексеева в газете «Русь державная».

Наша Россия всегда была чужой для Солженицына, и Церковь тоже — неродной. Не любил он и русский народ. *«В его произведениях нет ничего позитивного, как будто русские люди состоят только из воров, убийц, обманщиков, трусов и подлецов»* (о. Алексей Мороз). *«В самой основе творчества Солженицына заложено зерно национального предательства... Он гнусно оклеветал русского человека, того пахаря и солдата, который не однажды пронес по странам Европы с великим достоинством меч освободителя»* (Петр Проскурин). *«Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русская»* — из 2-го тома «Архипелага». Но хор поклонников Солженицына, особенно тех, кто ослеплен премией его имени, не устает восторгаться — *«великий талант», «мерило гражданского подвига», «величие, очерченное молчанием, наполняет душу трепетом сочувствия и болью восторга»*. В. Бушин пишет на это: *«О каком молчании речь? Отшельник не закрывал рта, то понося Советский Союз, то нахваливая Америку, то призывая Запад ударить по его родине, да поскорей»*.

У меня в руках пожелтевший от времени журнал «Наш современник» за 1990 г., в нем коллективные юбилейные поздравления и восторги в адрес Солженицына от наших известных писателей. Меня это неприятно удивило тогда, но в то голодно-талонное время быстро забылось. Но кто-то из тех уважаемых поздравленцев и теперь, по прошествии многих лет, восхищается: *«Великий нравственный... Одна из самых могучих фигур за историю России»*. Вдова «великого таланта» тоже везде вхожа, и вот для российских детей готова концентрированная отравка — ложь и злобная клевета на нашу Родину, на ее родную историю. Но *«сможет ли Россия защитить от ревизии свое прошлое, если клевета на это самое прошлое теперь в обязательном порядке изучается в школе?»* («Русский вестник»).

«Внедрение в неокрепшие умы школьников «Архипелага ГУЛАГ» вряд ли способствует воспитанию патриотизма», — писала «Литературная газета». А кто и что сейчас способствует этому воспитанию? После революции ликвидировали религиозно-духовное воспитание, а двадцать лет назад окончательно вымели из пределов России чувство патриотизма, противопоставлено оно русским. Но надо помнить, что

на убыль оно пошло еще в советское время, его смыла хрущевская «оттепель». Остались тогда островки в провинции, небольших городах, селах, в простых семьях. Я выросла именно в такой атмосфере и не могу здесь не дать хотя бы нескольких светлых штрихов из советских 50-х. Раннее послевоенное детство в русской деревне с любимой бабушкой, которая спасла мне жизнь в трудные военные годы своей заботой и козьим молоком. Потом — отрочество, юность «на Волге широкой, на стрелке далекой». Ширь, раздолье, заливные луга, где мы, ребята, терялись в душистой траве и уходили оттуда не только с букетами цветов, но и с пучками съедобных, полезных, витаминных растений. Может быть, поэтому мы не болели тогда? Дома в праздники — гости, соседи, родные люди, и так согласно все было за скромным столом, и так прекрасно пели русские песни. И майские демонстрации — как веселые, народные массовые гулянья. Все это светлое, дружное, какое-то особое небо и воздух, простая русская речь, задушевные песни — все осталось в памяти навсегда. Но все было бы иначе, и атмосфера была бы другая, если бы не было у нас, с нами нашего Сталина. Никому из советских правителей, ни до, ни после, не был отпущен этот дар — благодать любви к России. И мы, дети, жили как под надежным крылом, нас берегли, охраняли от всего дурного, учили, все хорошее отдавали нам. Не помню, чтобы нам специально давали уроки патриотизма, но мы были проникнуты им, на всю жизнь получили прививку сопричастности своему народу, с которым вместе в горе и в радости, жили на земле, на которой родились и росли и которую любили, потому что она была «ненаглядная наша земля». Мое счастливое детство кончилось в марте 1953 года, мне тогда было 11 лет, когда пришла народная беда — умер наш Сталин. Не забыть мне родных, соседей, плачущих об этой великой утрате. Все мы осиротели тогда, и до сих пор русские — сироты.

Когда я в 1960 году, выйдя замуж, приехала в Ленинград, то почувствовала себя как в другой стране. Тогда я поняла, что русские люди бывают разные, некоторые совсем как нерусские. Работая машинисткой в системе Академии наук, запомнила один эпизод. Наше машбюро было своеобразным салоном с видом на Неву, в нем постоянно ошивался кто-то из сотрудников. Как-то при их очередном трепе, когда шло всеобщее восхваление Солженицына, я не выдержала и высказала свое отрицательное отношение к нему и положительное — к Сталину. Как же они возмущались, как клеймили меня, девчонку, позором, называя ограниченной провинциалкой, «серой, как штаны пожарника». А я тогда вживую

увидела — вот она какая, действительно насквозь прогнившая и протухшая, наша либеральная интеллигенция. От нее, именно с тех пор, пошла трещина по всей нашей жизни. Я даже комсомолкой не была, но у меня были свои принципы, и я им никогда не изменяла. Сталина как любила, так и буду любить, Солженицына, этого врага моей Родины, под угрозой расстрела не заставят читать. Но вот теперь, в «демократические» времена, мою внучку заставляют не просто читать, а по программе изучать эту муть зеленую. Недавно их класс в обязательном порядке погнали «просвещать» в центр расстреливания молодежи «Ювента». Мы, слава Богу, увернулись от этого мероприятия. Увернулись и от лекций по толерантности в Музее религии. А тут как быть? Детям вообще не дают сейчас спокойно учиться, постоянно отвлекают левыми мероприятиями. Мы на русской классике росли и воспитывались, теперь же *«у школьников нет времени толком изучить «Мертвые души» Гоголя, «Войну и мир» Толстого, многие из них не читали Салтыкова-Щедрина, Лескова...»* — пишет Ю. Жуков в «Литературной газете». Изгнали из школы Михаила Шолохова, русского писателя, оклеветанного Солженицыным. Вермонтскому сидельцу, чтобы создавать свои ядовитые шедевры, надо было «вживаться в народ». Шолохов же *«не только жил с народом, но и в прямом смысле слова спас от голодной смерти десятки тысяч земляков, что видно из его писем Сталину. А кого спас Солженицын? Он даже школьных товарищей, даже родную жену заложил в 45-м году на допросе как людей, которые будто бы разделяли его ненависть к советской власти и Сталину»* (В. Бушин).

От народа и от всех, кто мешал его «мессианскому творчеству», Солженицын отделялся в своих имениях высоким забором. Как бы нам, родителям, оградить сейчас, пока не поздно, наших детей от всего вредоносного, отравляющего их детство и юность? Есть у нас, русских, манера после драки кулаками махать. Вот сейчас нам самое бы время понять и разобраться, что это такое за очередное мероприятие — *«Программа патриотического воспитания»*, принятая Думой? Звучит красиво и деньги красивые выделены на ее осуществление — 800 млн. долларов. В тексте говорится, что она во что бы то ни стало до 2015 года *«искоренит экстремизм отдельных групп граждан»*. Применительно к России — это ни с какой стороны не понятно. Как это — патриотическая программа, но искоренит чей-то экстремизм на нашей земле? Известно, что экстремизм — это *«проявление неуважения к традициям и обычаям местного населения»*. Какой инновационный патриотизм, какую очередную путаницу собирает

тес вы теперь вживлять нашим детям, господа «специалисты»-патриотисты? Сексом «просветили», «толерантностью» задурили, дебильным ЕГЭ от знаний оторвали, семьи ювенальщиной безжалостно рушите. Но не довели еще, видно, детей до кондиции, вспомнили о патриотизме — а вдруг он еще жив в русских семьях, в детских душах? А это недопустимо, нужна срочная программа, которая вдолбит детям, что русский патриотизм — это не патриотизм вовсе, а экстремизм-национализм-фашизм. Я не уклонилась тут от темы, все это одна цепь, цепь лжи, клеветы, фальсификации, которой опутывают детские души.

Но со «специалистами» все ясно, это существа без души и совести, племя безродное, на наживу алчное. Самая большая беда — что и власти наши не жалеют детей, не оберегают их от этих выродков. И вот нашему премьеру и горе-министру образования взбренило познакомить детей с русским тюремным бытом именно по Солженицыну. А может быть, и не взбренило, а идею подала шустрая вдова, продолжающая дело своего «великого» супруга. Он *«разрушал страну, а потом советовал, как ее обустроить»* (В. Крупин), и вот теперь его вдова «обустроивает» души наших детей. Как будто все они у нас детдомовские, и она одна, набравшись заокеанского опыта, знает — что им потребно. И в задушевной беседе с премьером эта дама выражает сожаление: *«Оказывается, не то что дети, но и многие взрослые не могут, увы, прочитать «Архипелаг» целиком»*. Специально для российских детей она изготовила сокращенный вариант и от своей работы просто в восторге — *«это была не редакция, а преображение текста»*. Вот только один отрывок из этого «шедевра», который приводит А. Полубога: *«...благословенны не победы в войнах, а поражения в них!.. Полтавская победа была несчастьем для России: она потянула за собой два столетия великих напряжений, разорений, несвободы — и новых, новых войн»*. Вдова напролом рвется рассказать нашим детям о *«страшных несправедливостях и злодеяниях, которые творятся в твоей стране»*. Это что — воспитание или перевоспитание патриотизма? Не один ли заказчик — и у мадам Солженицыной и у авторов Программы патриотического воспитания? Чувствуется общая задача — как можно больше запутать наших детей, смешать все главные, святые понятия, лишить их ориентации в жизни.

Пособие по антипатриотизму госпожи Солженицыной прошло проверку, она отдала его на обсуждение *«своим знакомым учителям и друзьям»*, и они всё обсудили и одобрили. Вот пусть дети ее знакомых учителей и друзей хоть с утра до

ночи изучают это. «*Больше наглости*» — заокеанский принцип «ваучера № 1», и вся Россия пока бессильна против этой рыжей наглости. У дамы из Вермонта тот же принцип, но мы, миллионы родителей, имеем все права дать ей от ворот поворот. Это наша святая обязанность. Ни к нашим детям, ни к нашей стране, ни к нашей жизни эта настырная дама с чуждым для нас нерусским духом не имеет никакого отношения. У нее есть семья, несколько имений по обе стороны океана — неужели ей мало своих забот? Шустрит по свету, пропагандирует позорящие Россию творения супруга, вместо того, чтобы молиться о прощении ему греха предательства.

Нам, родителям, не надо закрывать глаза на то, что если та женщина-гид, «морально подготовленная», прочла этот несчастный «ГУЛАГ» и свихнулась, разве есть гарантия, что с нашими детьми, с их нежными душами и неустойчивой психикой не случится беды? Получается, что мадам Солженицына сознательно толкает детей к беде, заставляя читать «гениальный», да еще «преображенный» бред своего мужа. Значит, она — жестокий человек. А жестокость к детям — аморальна. Тем более мы должны пресечь ее деятельность в области российского образования и воспитания.

ДНЕВНИК РУССКОГО

4 августа

Стремление к познанию тайн запредельного — именно так бы я хотел определить одно из постоянных «увлечений» Л.М. Вот и сегодня я застал его с дочерью Наталией Леонидовной за обсуждением ряда феноменов, о чем сообщилось в приложении к газете «афганцев». Л.М. пересказал случай, о котором рассказывалось в газете. Один из «зэков» в сталинские времена обратился к шаману, чтобы тот рассказал ему, как поживает его семья, о которой он сильно тосковал. Шаман исполнил просьбу и «побывал» дома у «зэка», а потом рассказал все, что узнал (какой родился сын, как выглядит жена, какая мебель в квартире и пр.). По мнению Л.М., во время ритуального «сеанса», входя в экстаз, шаман имеет способность «выходить» из оболочки тела и перемещаться во времени и пространстве.

Л.М. готов согласиться, что эстрасенсорика может в ближайшем будущем помочь человечеству совершить прорыв в науке и технике.

Большую часть вечера сегодня читал Л.М. жизнеописание — «Биографию»

Продолжение.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Ивана Степановича Карпова (1888—1986), опубликованное в журнале «Огонек» (1990. 14—21 июля). Изредка мы с Л.М. обменивались мнениями, находя общие черты с героями последнего леоновского романа — о. Матвеем и о. дьяконом. Особый интерес вызвал сон И.С. Карпова о переходе им реки с навозной жижей (арест, тюрьма, лагерь) и вещем голосе, сказавшем ему: «У тебя пятнадцать ульев» (то есть, как я понял, пятнадцать лет службы в храме, куда люди, как пчелы, приходят со своей молитвой к Господу).

Л.М. чувствовал себя неважно и сказал, что, видно, скоро помрет. Утешать Л.М. бессмысленно. Он сказал, что просит у Господа лишь одного — безболезненной смерти. На всякий случай Л.М. предупредил, что в числе лиц, которых следует поставить в известность сразу же после его смерти, он назвал и меня.

Л.М. просил, чтобы я проследил в издательстве «Современник» вычитку нового эпилога романа «Вор» и чтобы помог племяннику В.Д. Фалилеева организовать выставку работ Вадима Дмитриевича.

12 августа

Вечером звонил Леонов, обменялись газетными новостями. Я пересказал Л.М. опубликованный в сегодняшнем номере «Правды» материал В. Баранова «Три письма к “вождю народов”», напечатанный с подзаголовком: «Думается, они отвечают на вопрос: стал бы Горький воспевать 37-й год?». Леонов просил принести ему материал. Он не то чтобы исключает, а, напротив, предполагает, что Горького «убрали», когда он стал не нужен.

Опасности Горький, как я понимаю, уже не представлял. Он был на «крючке». Известно, что его секретарь Крючков был человеком Ягоды.

13 августа

Сегодняшний мой визит к Л.М. в Переделкино был самым коротким за последние годы, и причиной этого было беспокойство Л.М., чтобы меня никто не «перевстрелнул» на темной дорожке и, не дай Бог, не отобрал эпилог к роману «Вор» (самый последний вариант), который я должен доставить в издательство «Современник». За ужином, когда мы уже сели за стол, Л.М. вдруг отставил свою тарелку и попросил меня внести в текст эпилога последнюю правку. На 7-й странице там у него оказалось дважды повторенным слово «ревниво». В первом случае Л.М. исправил (про Машу Доломанову) на «сипло и ревниво», а во втором на с «недоброй усмешкой нащурилась» (опять же Маша).

Поскольку эпилог мною уже читан, я специально завел речь о сцене ревности, когда жена «литератора средней руки» Фирсова, приревновав мужа к героине романа, предлагает ему угостить Машу, налить ей рюмку водочки.

— Сцена эта важная, — заметил Леонов.

Тогда я, извинившись, спросил, а не ревновала ли его Татьяна Михайловна.

— Один раз, кажется, было, — уклончиво ответил Л. М.

Я решил больше не задавать вопросов и перевел разговор на «Воспоминания» А. Г. Достоевской, где она рассказывает, как Федор Михайлович однажды с трясущимися от гнева губами выговаривал ей, ибо ему показалось (!), что письмо А. П. Сусловой к нему было прочитано Анной Григорьевной. Леонов при этом сказал, что Аполлинария Прокопьевна кое-где «встречается» в произведениях Достоевского.

После ужина говорили об о. Иоанне Кронштадтском. Перед уходом Л. М. спросил у меня, где у А. П. Чехова написано, что портреты о. Иоанна Кронштадтского он видел по всей Сибири? Я прибавил, что Чехов мог видеть портреты о. Иоанна и на родине о. Матвея — в Вятской губернии. А написано об о. Иоанне во всяком случае после 1890 года, то есть после возвращения с Сахалина.

24 августа

После ужина Л. М. продиктовал мне письмо редактору газеты ленинградских писателей П. С. Выходцеву:

«24 августа 1990.

Дорогой Петр Созонтович!

Большое спасибо за Ваше доброе и лестное письмо с приглашением принять участие в выпускаемой Вами патриотической газете. Заранее прошу простить меня за полную (по возрастным причинам) невозможность сразу откликнуться на Вашу просьбу. Из-за прогрессирующей болезни глаз последние полтора года лишен возможности не только читать самые актуальные сегодня книги и газеты, но и продолжить работу над своей последней и мучительно главной книгой, которая залежалась на моем письменном столе при неотрывной работе почти тридцать лет.

Вполне разделяю все ваши мысли о России, но давняя и, возможно, напрасная склонность моя к стилистической отделке текста заставляет меня непроизвольно ограничиваться даже в переписке с друзьями, так что эпистолярного наследства от меня не останется почти никакого.

По отсутствию секретаря письмо диктую своему товарищу, который вдобавок не умеет пользоваться пишущей машинкой.

Живу пока на даче и в случае Вашего желания охотно встречу с Вами на московской квартире, где Вы сможете воочию убедиться в правдивости моих слов.

Крепко жму Вашу руку
Леонид Леонов».

Сегодня исполнилось 50 лет со дня убийства Троцкого. Я попросил Л.М., чтобы он вспомнил детали своей встречи с Троцким, когда в 1926 году он принимал их вместе с Анной Абрамовной Берзинь по поводу мемориальных дел С.А. Есенина. Леонов не преминул напомнить, что когда Троцкого выслали в 1929 году из СССР, то он не считал зазорным прихватить с собой вагон наворованных российских музейных ценностей. Жена Троцкого Седова, работая в министерстве Луначарского заведующей музейным отделом, профессионально знала цену антиквариата, так что Троцкий уехал из России потенциальным миллионером.

Хорошо было бы опубликовать описание имущества Троцкого при выезде из России (с указанием прежних хозяев антиквариата). Тогда бы лучше можно было понять борца за мировую революцию. Ни Бердяеву, ни С. Булгакову, ни прочим, кого выслали, не была предоставлена возможность взять с собой даже самое необходимое, а вот Троцкому — все было позволено, лишь бы убрался с глаз долой.

9 сентября

Придя сегодня к Л. М., я застал у него О.Н. Михайлова, который записывал на портативный магнитофон беседу об эпилоге к «Вору». Л.М. основное внимание сосредоточил на двух параллельных линиях: 1) политическое развенчание Векшина, причастного к касте властолюбцев, «проигравших Россию в очко у зеленого сукна мирового господства» и 2) на «человеческом факторе» отношений вора Векшина и литератора средней руки Фирсова. Фирсов «приревновал» Векшина к Маше Доломановой и «убил» своего «соперника» руками «молодых урок», как «барыгу и паука». Леонов в эпилоге нигде не сказал впрямую, но дал понять, что в природе художника заложен ген, благодаря которому он, создав свою Галатею, влюбляется в нее. Словом, сбылось предсказание Горького, что однажды Фирсов-Леонов после душевной беседы в злачном подвальчике убьет Митьку Векшина пивной кружкой.

Л.М. говорил об «эффекте» притягивания к себе героями романа его автора и в последней своей работе «Пирамида».

16 сентября

Позвонил Л.М. и сказал, что если будет время и желание, то завтра мы могли бы повидаться и посмотреть фильм о нем

(после программы «Время» в 21.45). Я сказал, что завтра уезжаю в Юхнов и буду смотреть фильм там.

Я спросил, встречался ли Л.М. с В.Ходасевичем.

— Один раз, — ответил Леонов, — и то на лестнице.

После неудавшейся встречи с В.Брюсовым, когда Леонов-гимназист приходил к Валерию Яковлевичу и не был принят, он пошел на Плющиху, где жил Ходасевич. Их встреча была кратка. Ходасевич вышел из квартиры и на лестнице встретил гимназиста Леонова.

— Вы ко мне? — спросил Ходасевич.

— Да, к вам.

— Извините, я сейчас тороплюсь...

Разговор был на ходу. Ходасевич даже не спросил у Леонова ни имени, ни фамилии. Они попрощались у подъезда.

— Больше я к нему не пошел, — сказал Л.М. — И правильно сделал. Стихи у меня были плохие.

Я попробовал не согласиться с Л.М., считая, что в его стихах было то зерно, которое проросло позже в прозе. Л.М. подвел черту, сказав, что он не был вундеркиндом. Есть сорт яблок, которые созревают поздно. Так, дескать, и он.

Я спросил, встречал ли он Ходасевича и Берберову за границей, в частности, в Сорренто у Горького? Л.М. ответил отрицательно. О Ходасевиче Л.М. сказал, что у него было хорошее имя в поэзии до революции и что Берберова слишком зла.

13 октября

Прошел почти месяц, как мы не видались с Л.М., так как я находился в Юхнове и Рыляках. Главной темой сегодняшней встречи был мой «отчет» о пребывании в деревне.

В Рыляках в общесовхозной школе, рассчитанной на 450 человек, учится всего 65 человек. Причем в 10-м классе нет ни одного ученика. В некогда людных деревнях и селах, входящих территориально в совхоз «Мочаловский», доживают свой век по две-три старухи. Полное обезлюденье — Россия, увь, вырождается. И еще один вывод — законы, которые принимают ныне сессии Верховных Советов СССР и РСФСР, принимаются в расчете на стопроцентного гражданина. Но ведь таких граждан в Отечестве менее половины, и потому требуется коэффициентная поправка на выморочность России. Таковы основные соображения, вокруг которых велась сегодняшняя наша беседа. Л.М. в связи с этим напомнил, что Горький в свое время сказал ему, что он, Леонов, идет в гору и достигнет вершины. И вот теперь он, достигнув гребня, с высоты его может наблюдать, как разваливается Империя. Леонов не преминул косвенно упомянуть об этом (ис-

---

пользуя писателя Фирсова) в своем последнем варианте эпилога к роману «Вор».

Единственным позитивным фактом, о котором я смог сообщить Леонову, было то, что в Юхнове по моей инициативе началось общественное движение за восстановление Казанского собора, где ныне помещаются склады райпотребсоюза. Леонов заверил меня, что готов подписать письма во все инстанции, дабы помочь Юхнову обрести свой порушенный, обезглавленный храм.

Тему храма мы продолжили после прогулки уже втроем, так как к Леонову приехала из Углича его давний корреспондент — «колдунья» Л.А. Орлова (праправнучка президента Российской академии Федора Орлова). По поручению общественности Углича Л.А. Орлова просила Леонова помочь им «отвоевать» у районных властей Николо-Улейменский монастырь, чтобы в нем затеплилась лампада. Леонов тут же продиктовал мне свою приписку к письму угличан в Верховный Совет РСФСР: «Дорогие товарищи! Горячо прошу вас — вникните, осознайте истинное положение церкви в нашем Отечестве. Как говорится, позади Москва, а впереди-то яма! Леонид Леонов».

По просьбе В.Н. Крупина я настоятельно не рекомендовал Л.М. выходить, учитывая всю нынешнюю обстановку в России, из состава редколлегии журнала «Москва». Договорились, что по приезде Крупина с Римской встречи, Л.М. примет нас для разговора по широкому кругу тем и вопросов.

17 октября

По просьбе Л.М. привел к нему сегодня редактора издательства «Патриот» Татьяну Александровну Соколову, чтобы она перепечатала эпилог к роману «Вор» с новыми вставками. Я читал текст эпилога вслух, Леонов делал вставки, а Соколова печатала. Вскоре работа застопорилась, так как почти в каждом предложении Л.М. предлагал что-то изменить, убрать, добавить. Решили, прежде чем печатать, сделать рукописные вставки в текст, а потом все перепечатать набело. Было уже поздно, когда мы дошли до 8-й страницы. Все устали и согласились продолжить работу в пятницу.

Интересно, что по ходу работы Л.М. делал разного рода отступления, разъясняя нам свой авторский замысел. Конструкция романа «Вор» очень сложная и по зрительному впечатлению напоминает анфиладу комнат с зеркальными дверями, в которых отражается вся множественность бесконечного ряда.

Л.М. привел пример, когда он намеренно заменил сложную художественность однозначностью плаката. Во время

работы над пьесой «Нашествие» в Чистополь пришла газета с фотографией снятой из фашистской петли поруганной Зои Космодемьянской. Этот документ войны заставил Леонова по-новому взглянуть на свою пьесу. Он решил написать дополнительно новый, четвертый акт, где мальчик, ожидая казни, спрашивает, больно ли умирать...

«Это недолго», — ответил ему дед.

18 октября

Новый роман Леонова, по существу, — продолжение и окончание жития «литератора средней руки». Отец Матвей, как мне сегодня сказал во время прогулки Леонов, когда мы, мирно беседуя, сидели на лавочке в конце Столового переулка, — это и есть новая ипостась «литератора средней руки». Главный вопрос, который неотступно держит «литератора» в своей власти: «Могу ли я обидеть Бога?» Сегодня Леонов высказался по этому поводу предельно категорично. Дескать, если я, литератор — автор романа, могу обидеть Бога, то пусть меня Бог «сотрет» (как запись на пленке), будто меня никогда и не было, и не нужно мне в новой жизни никакого нового перевоплощения. Перед этим заявлением Леонов, показывая мне ладонь левой руки, сказал, что индийский прорицатель доктор Шарма, побывавший у него в гостях и смотревший ладонь его руки, сказал, что Л.М. ожидает в новой жизни высокое перевоплощение.

Обуреваемый мыслями и разными предчувствиями, Л.М. к вечеру выглядел очень усталым. Он извинился перед мной за свою слабость, лег на кровать и попросил почитать ему вслух «Афон» Бориса Зайцева. Я сел рядом, и остаток вечера мы провели в чудном краю — уделе благодатного попечения Пресвятой Богородицы.

19 октября

Л.М. сегодня продолжил диктовать нам с Т.А. Соколовой вставки к эпилогу «Вора». Сравнивая то, что было написано в последнем (шестом!) варианте эпилога с тем, что получилось, следует отметить, что Л.М. заметно его усилил. Впрочем, и это не последний вариант, так как, провозжая нас, Л.М. просил еще раз прийти и почитать эпилог вслух. А пока Соколова взяла эпилог с добавлениями и исправлениями, чтобы перепечатать его. Через неделю она должна вернуться из отпуска и мы продолжим. Хочу особо заметить, что работать с Л.М. очень трудно, так как его мощное биоэнергетическое поле (даже в 91 год!) подавляет присутствующих. Мы вышли с Соколовой от Л. М. уставшие и вконец разбитые, как будто вся энергия из нас вышла и не осталось никакого желания в этот вечер ни работать, ни даже слушать музыку. Могу по-

---

сочувствовать родным и близким Л.М. и в первую очередь покойной Татьяне Михайловне, как нелегко ей жилось с «литератором средней руки».

Я спросил у Л.М. во время перерыва на ужин, как он относится к тому, что М. С. Горбачев в своих последних выступлениях явно отдает предпочтение ему, Леонову, перед Солженицыным. Л.М. ответил, что этому не следует придавать значения, ибо все это политические и игры. Леонов уже неоднократно говорил мне, что Горбачев намеренно опускает слова, сказанные ему во время посещения Л.М., о неизбежности рокировок, которые нам надо сделать, прежде чем двигаться в будущее. Таким образом, Л.М. дает понять, что Горбачев, к сожалению, пока явно медлит и упускает время для «неизбежных рокировок».

1 ноября

Получил письмо из Петрозаводска от леоноведа В.П. Крылова. «Хорошо, — пишет он, — что наконец будет переиздан «Вор», в котором «крамольных» идей, если его как следует читать, хватит на «возвращенную» прозу А.Платонова и М.Булгакова».

Л.М. звонит, торопит, чтобы мы продолжили работу не 5 ноября, а раньше. Вместо Ю.П. Тюрина, который уехал в деревню, я пригласил для работы у Леонова литератора АФ. Черненко (Пряжникова).

4 ноября

Сегодня на праздник иконы Казанской Богоматери состоялось патриаршее богослужение по случаю закладки камня воссоздаваемого Казанского собора на Красной площади. Пускали по билетам.

Воинствующий атеист Никита Хрущев хвалился в свое время, что в 1980 году покажет по телевидению последнего попа. Ошибся малость... Показали нынче... бывшего первого секретаря Московского ГК КПСС и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС завязатого атеиста Б.Ельцина, стоявшего во время богослужения со свечкой в руках одесную патриарха Алексия II. Словно сослуживал ему.

После окончания богослужения прямо с Красной площади я пошел к Леонову. Пришел А.Ф. Черненко, и мы допоздна работали, помогая Л.М.

8 ноября

Все прошедшие дни прошли в напряженной нервной работе по «доводке» эпилога к «Вору». Мы вконец измотались с А.Ф. Черненко.

— А представляете, каково мне, — сказал Л. М., когда мы спросили у него «пардону».

Слава Богу, Л.М. вроде бы остался доволен проделанной работой, но сказал на прощанье, что и это не последний вари-

---

ант. Завтра к нему должна прийти машинистка из Института мировой литературы, чтобы перепечатать эпилог. Моя работа у Л.М. на этом закончилась, так как уезжаю в командировку.

Л.М. подарил мне роман «Вор» с дарственной надписью: «Уважаемому Владимиру Александровичу Десятникову на добрую память от автора. 8 ноября 1990».

1 декабря

О. Иоанн Кронштадтский терпеливо и с любовью учит, «как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живого, *столи и утверждение истины*» (1 Тим. 3).

Мудрый наставник в жизни, он научает главной мирской науке — «ходить в пространстве сердца», быть незлобивым.

О. Матвей у Леонова (без ошибки можно предположить) научался «ходить в пространстве сердца» именно у о. Иоанна Кронштадтского.

14 декабря

Более месяца мы не виделись с Леоновым. Я был в постоянных отъездах, в судебных делах, а Л.М., как он мне сказал сегодня, за это время трижды переделал эпилог к роману «Вор», который диктовал нам с А.Ф. Черненко.

— Я сломался и лежу, — слабым голосом пожаловался Л.М.

Понимая, что это его последняя большая работа, которая должна быть опубликована при жизни, Л.М. старается как можно лучше отточить концовку романа. После нас с Т.А. Соколовой и А.Ф. Черненко Леонид Максимович работал с дочерью Натальей Леонидовной и домоправительницей Любовью Сергеевной, которых сменила новая пара помощников — приезжая болгарка и ученый-леоновед В.И. Хрулев из Уфы. И все равно работа осталась недоделанной. Л.М. вконец измучился, «сломался», как он сам сказал, и все-таки, отлежавшись, непременно хочет не только довести философское звучание эпилога до уровня романа, но и поднять еще выше «планку», как того требует время и предоставленная временем возможность сказать во всеуслышание свое последнее, предсмертное и, может быть, пророческое слово.

И Леонов своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел песнь до конца.

23 декабря

В «Венке А.М. Горькому» Леонов (не без учета своего опыта) два десятка лет тому назад определил, что в писательской «казни» самая страшная — «безмолвная, возможно, наихудшая из всех бескровных, п ы т к а б у м а г о й. Следы этих схваток с самим собой легко прослеживаются в рукописях всех наших литературных предков...» Сегодня Л.М. еще раз

подтвердил правильность своего старого «диагноза». Работа над новым эпилогом к роману «Вор» продолжается, и, как сказал Л. М., только сейчас забрезжил свет «зари». Помогает Леонову докторант из Уфы В.И. Хрулев.

Я обратил внимание Л.М. на то, что в газете «Литературная Россия» опубликовано приветствие ему делегатов VII съезда российских писателей. Л.М. ответил, что он просил писателей не делать этого, но приветствие все-таки было опубликовано:

«Дорогой Леонид Максимович!

Делегаты VII съезда российских писателей сердечно приветствуют Вас — патриарха современной русской литературы. Надеемся, что Бог будет милостив и откроет еще перед Вами врата XXI века и Ваш многотрудный новый роман станет достоянием наших дней.

Здоровья Вам и творческого долголетия.

С уважением,

Съезд писателей России».

30 декабря

Позвонил Леонову, поздравил с наступающим Новым годом. Он вчера закончил эпилог к «Вору», но все равно еще хочет что-то дотачивать.

— Такой уж человек уродился, — сказал Л.М., когда я «почувствовал» ему за нескончаемые, невыносимые, пожалуй, для всех других литераторов труды.

Сейчас Л.М. лежит пластом, отлеживается, набирается сил, чтобы после Нового года поработать и наконец-то сдать эпилог.

Дай-то Бог!

Продолжение следует

Дорогие наши читатели!

Не забудьте оформить подписку на «Молодую гвардию на вторую половину 2012 года. Наш журнал существует исключительно на средства, поступившие от подписки. Мы же со своей стороны обещаем вам на страницах «Молодой гвардии» новые интересные, острые материалы, которые не оставят вас равнодушными.

С признательностью, **редакция журнала.**